

ЖУРНАЛ
ФРОНТИРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

2 | 2021

ЖУРНАЛ ФРОНТИРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Научный электронный журнал

www.jfs.today
www.frontierstudies.com

Том 6 No 2

<https://doi.org/10.46539/jfs.v6i2>

«Миграция: состояние фронта»

JOURNAL OF FRONTIER STUDIES

Academic E-Journal

**www.jfs.today
www.frontierstudies.com**

Vol 6 No 2

<https://doi.org/10.46539/jfs.v6i2>

“Migration: Condition of Frontier”

Сетевое издание Журнал фронтальных исследований (Journal of Frontier Studies) является периодическим научным изданием, не имеющим печатной формы, и выпускается с 2016 года. В сетевом издании публикуются научные статьи, рецензии, информационные ресурсы, отчеты об экспедициях, конференциях и прочие научные материалы.

Сетевое издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

07.00.02 – Отечественная история (исторические науки);

07.00.03 – Всеобщая история (исторические науки);

24.00.01 – Теория и история культуры (исторические науки) (философские науки) (культурология);

07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки);

10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки).

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Рабочими языками сетевого издания являются русский и английский

Сетевое издание посвящено актуальным вопросам в сфере исследований фронтальной теории, пограничья и приграничья, проблем межкультурной коммуникации в контактных зонах, а также вопросам функционирования фронтальных тропов в современной массовой культуре.

Цель проекта: Создание виртуальной площадки для обмена мнениями и дискуссий в области фронтальной теории.

Исходя из цели, мы стремимся к тому, чтобы наше сетевое издание выполняло важные научные функции – коммуникативную и информационную, которые позволят не только аккумулировать новые достижения в этой области, но и послужат основой для новых открытий и озарений.

Сетевое издание выступает с позиций принципов диалога культур и устранение условий для конфликта цивилизаций. Оно придерживается принципов философии ненасилия, культурной и религиозной толерантности. Редакция преследует цель устранения языковых барьеров и уважительного отношения к

границам национальной культуры каждого народа, проживающего на маленькой планете Земля.

Основные отрасли наук, в рамках которых могут быть опубликованы материалы в данном издании, это:

07.00.00 – Исторические науки;

24.00.00 – Теория и история культуры.

09.00.00 – Философские науки;

10.01.00 – Литературоведение.

Но это совсем не означает, что статьи и иные материалы авторов, написанные в других отраслях науки, будут категорически отвергнуты. Мы приветствуем статьи по проблемам фронта, написанные с позиции самых разнообразных наук или на стыке нескольких наук, так как такой подход, по нашему мнению, может оказаться наиболее действенным и позволяющим взглянуть на известные проблемы под новым углом.

Все материалы, поступающие в редакцию, проходят тщательный отбор и отправляются на двойное слепое рецензирование. Поэтому любая антинаучная и не подкрепленная фактологически статья будет отклонена редакторами. Мы не публикуем работы, в которых высказывается неуважительное отношение к другим народам или имеются некорректные формулировки.

- Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл № ФС77-61 330 от 07 апреля 2015 г.
- ISSN: 2500-0225
- Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 18 лет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Сергей Николаевич Якушенков, д.ист.н., профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Астрахань, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Растям Туктарович Алиев, к.ист.н., ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Астрахань, Россия

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Максим Валерьевич Кирчанов, д.ист.н., доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Элина Алиевна Саракаева, к.филол.н., Хайнаньский профессиональный колледж экономики и бизнеса Хайкоу, Китай

Наталья Сергеевна Канатьева, к.биол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Россия

Эмилия Анваровна Тайсина, д.филол.н., профессор, ФГБОУ ВО "Казанский государственный энергетический университет", Россия

Isabeau Vollhardt, B.A. Philosophy/English University of Washington, USA

Елена Васильевна Морозова, д.филол.н., профессор, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Россия

Мария Михайловна Федорова, д.полит.н., Институт философии РАН, Россия

Андрей Вальтерович Гринев, д.ист.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет Петра Великого (СПбПУ), Россия

Анна Петровна Романова, д.филол.н., профессор, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Россия

Максим Валерьевич Кирчанов, д.ист.н., доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», Россия

Сергей Вадимович Виноградов, д.ист.н., ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Россия

Елена Евгеньевна Завьялова, д.филол.н., ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», Россия

Марина Ченгаровна Ларионова, д.филол.н., ФГБУН "Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук" (ЮНЦ РАН), Южный федеральный университет (ЮФУ), Россия

Надежда Евгеньевна Тропкина, д.филол.н., ФГБОУ ВО Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия

Людмила Васильевна Бурькина, к.ист.н., ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет», Россия

Сергей Александрович Троицкий, к.филос.н., РГПУ им. А.И. Герцена, Центр изучения зон культурного отчуждения и пограничья Социологического института РАН - Филиала ФНИСЦ РАН, РАН, Россия

Michael Khodarkovsky, Ph.D. in History, professor of Loyola University Chicago, USA

Matthew P. Romaniello, Ph.D. in History, professor of Weber State University, USA

Robert P. Geraci, Ph.D. in History, professor of University of Virginia, USA

Willard Sunderland, Ph.D. in History, professor of University of Cincinnati, USA

Nathan Hopson, Ph.D. in History, professor of Nagoya University, Japan

Piotr Gorecki, Ph.D. in History, professor of University of California, Riverside, USA

Andrei Znamenski, Ph.D. in History, professor of The University of Memphis, USA

Dittmar Schorkowitz, Ph.D. in History, professor, Max Planck Institute for Social Anthropology, Germany

БЁРСТКА

Юрий Дмитриевич Гончаренко, Журнал Фронтирных Исследований, Россия

КОНТАКТЫ:

Учредитель / Издатель: Общество с ограниченной
ответственностью научно-производственное предприятие
«Генезис.Фронтир.Наука»

Адрес редакции: 414 050, Астраханская область, г. Астрахань, ул.
Геологов, д. 85, кв.2

Главный редактор:
Сергей Николаевич Якушенков
Email: editorialboard.jsf@gmail.com

Дирекция журнала:
Растям Туктарович Алиев
Email: rastaliev@gmail.com

Мнение редколлегии журнала может не совпадать с мнением авторов

Содержание

ВВЕДЕНИЕ

- Савова Р.**
«Миграция: состояние фронта» как есть **10**

ПОГРАНИЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

- Шилхава Г.**
Миграционный опыт в избранных работах Станислава Стругара **16**

- Хейм Л. Л.**
Переписывая нацию: немецко-турецкие
трансформации в психологическом романе **37**

- Пеллони Г.**
Старое / Новое видение Европы.
Национальная ответственность и культурная инаковость
в пьесе Эмине Севджи Оздамар «Перикизи» («Маленькая фея») **68**

- Янхен А.**
Пересечение границ и само-размещение персонажей
миграционного происхождения в современных немецких романах **85**

- Волощук Е. В.**
Галиция как интертекст: конструкт пограничья
в романе «Хвали день к вечеру» Дженни Эрпенбек **103**

РЕЦЕНЗИИ

- Ларионова М. Ч.**
Уральский текст русской литературы **130**

Table of Content

INTRODUCTION

Ralitsa Savova “Migration: Condition of Frontier” as it is	10
--	-----------

BORDER STUDIES IN CONTEMPORARY EUROPEAN LITERATURE

Gabriela Šilhavá Migration Experiences in Selected Works by Stanislav Struhar	16
---	-----------

Lea Laura Heim Rewriting the Nation: German-Turkish Transformations of the <i>Bildungsroman</i>	37
---	-----------

Gabriella Pelloni An Old/New Vision of Europe. National Responsibility and Cultural Otherness in Emine Sevgi Özdamar’s Play <i>Perikizi</i>	68
--	-----------

Annabelle Jänchen Border Crossing and Self-Placement of Characters with a Migratory Background in Contemporary German Novels	85
---	-----------

Ievgeniia V. Voloshchuk Galicia as an Intertext: the Concept of the Frontier in the Novel “The End of Days” by Jenny Erpenbeck	103
---	------------

REVIEWS

Marina Ch. Larionova The Ural Text of the Russian Literature	130
--	------------

“MIGRATION: CONDITION OF FRONTIER” AS IT IS

Ralitsa Savova

University of Pécs. Pécs, Hungary. Email: [ralitsa.savova\[at\]tk.hu](mailto:ralitsa.savova@tk.hu)

Abstract

The article is the introduction to the entire special issue “Migration: Condition of Frontier”, it is an overview of the published materials.

Keywords

migration; literary studies; frontier experience

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

«МИГРАЦИЯ: СОСТОЯНИЕ ФРОНТИРА» КАК ЕСТЬ

Савова Ралица

Печский университет. Печ, Венгрия. Email: ralitsa.savova@tk.hu

Аннотация

Статья является вступительной для всего специального номера «Миграция: состояние фронта», представляет собой обзор публикуемых материалов.

Ключевые слова

миграция; литературоведение; переживание фронта

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0
Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Уважаемые читатели!

Перед вами новый выпуск *Журнала фронтирных исследований* (*Journal of Frontier Studies*). За пять лет, которые существует Журнал, проблема миграция практически не поднималась, хотя это очень важная составляющая фронтира, в данном выпуске мы восполняем пробел. Название выпуска «Миграция: состояние фронтира» (“Migration: Condition of Frontier”) предполагало, что исследователи смогут как-то представить миграцию в фокусе фронтирных исследований, но авторы, приславшие свои статьи, усилили акценты заданной проблематики и все в унисон показали, как фронтирное состояние переживается ментально в процессе и результате миграции. Неудивительно, что в основе всех представленных статей лежат литературоведческие исследовательские практики, позволяющие обратиться к художественным текстам (субъективным высказываниям), но в то же время сделать их объектом анализа в широком культурном контексте. В результате получилось, что этот, второй выпуск 2021 года, можно с полным правом назвать литературоведческим, хотя статьи были присланы разными авторами из трех европейских стран, аффилированными с разными ведущими университетами, это Габриэла Шилхава и Аннабель Йенхен из Университета Яна Евангелиста Пуркине в Усти-над-Лабем (Чехия), Евгения Волощук и Леа Лаура Хейм из Европейского университета Виадрины (Германия), Габриэлла Пеллони из Веронского университета (Италия), а также – Марина Ларионова из Федерального исследовательского центра Южный исследовательский центр РАН, которая представила рецензию на научное исследование об уральском литературе XIX века. Статьи объединены в рубрике – *Пограничные исследования в современной европейской литературе*.

В своей статье «Миграционный опыт в избранных работах Станислава Стругара» (“Migration Experiences in Selected Works by Stanislav Struhar”) **Габриэла Шилхава** представляет одного из самых продуктивных австрийских авторов современности, опубликовавшего на сегодняшний день 12 книг. Статья посвящена романам Стругара “Das Manuskript” («Рукопись», 2002 г.), “Eine Suche nach Glück” («В поисках счастья», 2005 г.) и сборнику рассказов “Fremde Frauen” («Иностранные женщины», 2013 г.). Среди тем, о которых пишет Станислав Стругар (сам мигрант), следующие: противостояние иммигрантов различным формам физического и психологического насилия и изоляции на новой родине, жизнь мигрантов, их адаптация и интеграция в новую родину, их поиски счастья, смелость следовать своей

мечте, где бы они ни жили, не принимая на себя возложенную на них обществом роль и при этом пытаюсь оставаться самими собой. Все это талантливо проанализировано Габриэлой Шилхавой, и настолько интересно преподнесено, что читатель статьи хочет прочитать и произведения Стругара, если еще не сделал этого. У каждого человека, который когда-либо жил или живет за границей, был хотя бы один случай, когда он столкнулся с предубеждениями местного населения против иностранцев, или когда кто-то из местных указал ему, что он иностранец и воспринимается как Чужой. Это один из тех ментальных мигрантских опытов, описанных Стругаром в его произведениях, который, благодаря идентичности с нашими переживаниями или опытом наших близких, позволяет распознать себя в героях австрийского писателя.

Следующий автор номера, **Леа Лаура Хейм**, представляет статью «Переписывая нацию: немецко-турецкие трансформации в психологическом романе» (“Rewriting the Nation: German-Turkish Transformations of the Bildungsroman”). В ее статье обсуждаются два текста – *Die blaue Maske* (1989) (Голубая маска) Aysel Özakin и *Die Brücke vom Goldenen Horn* (1998) (Мост Золотого Рога) Emine Sevgi Özdamar, в которых героинями являются женщины, мигрирующие из Турции в Германию, они также активисты движения новых левых. Леа Лаура Хейм напоминает нам, что литература, возникающая в контексте миграции и культурных контактов, провоцирует ограниченную на национальном уровне канонизацию литературы, и хотя широко распространено мнение о том, что так называемая «литература мигрантов» действительно принадлежит немецкой литературе и культуре, возможность ей претендовать на место в национальном литературном каноне все еще остается дискуссионной. В своей работе исследовательница умело проанализировала немецко-турецкие тексты, в которых *психологический роман (Bildungsroman)* использовался в качестве справочной основы для формулирования плюралистических национальных идентичностей и участвует в обновлении *Bildungsroman*, тем самым смещая его традиционные границы. Леа Лаура Хейм проводит успешную параллель между исследованием границ и концепцией лиминальности Виктора Тернера, которая оказывается плодотворной для подобного рода исследований. Автор приходит к выводу, что с помощью литературных средств переписывания изученные тексты вписываются в канонический жанр *Bildungsroman* и поэтому претендуют на место в немецкой национальной литературе.

Следующая статья – «Старое / Новое видение Европы. Национальная ответственность и культурная инаковость в пьесе Эмине

Севджи Оздамар “Перикизи” (“Маленькая фея”)» (“An Old/New Vision of Europe. National Responsibility and Cultural Otherness in Emine Sevgi Özdamar’s Play *Perikizi*”). Ее автор **Габриэлла Пеллони** считает пьесу Эмине Севги Оздамар «Перикизи» (2010) особенно важной историей миграции, утверждая, что это проницательное исследование европейской интеграции, особенно в Германии. По мнению исследовательницы, пьеса затрагивает проблему европейской интеграции, как внутренней, так и внешней, молодой женщины (она отправляется в авантюрное путешествие из Турции в Европу, чтобы осуществить свою мечту стать актрисой) из страны, культура и история которой глубоко переплетаются с европейскими, но достаточно экзотичны, чтобы представлять культурное «Другое» в глазах каждого европейца. Среди проблем, затронутых в пьесе турецкого автора, — комплекс из геноцида, национализма и ксенофобии. По мнению автора статьи, одна из целей пьесы – возродить понимание смешанного и разнообразного происхождения Европы и связей между культурами.

Четвертая статья – «Пересечение границ и само-размещение персонажей миграционного происхождения в современных немецких романах» (“Border Crossing and Self-Placement of Characters with a Migratory Background in Contemporary German Novels”) написана **Аннабель Янхен**. Статья посвящена теме пересечения границ в романах Ольги Грязновой, Саша Марианны Зальцманн и Дмитрия Капительмана – авторы, представители так называемого «третьего голоса» в литературе, социализированные в Германии и говорящие на немецком как на родном языке. Исследовательница поднимает в статье вопрос, какие последствия имеет пересечение границ для персонажей с миграционным прошлым в произведениях указанных авторов. Она заключает, что пересечение границы оказалось важным моментом для создания идентичности в трех романах о миграции, что акт миграции стимулирует размышления о собственном происхождении и семейной истории, а также что миграционный фон и личный лиминальный опыт оказывают сильное влияние на представление о пересечении границы.

В статье **Евгении Волощук** «Галиция как интертекст: конструкт пограничья в романе “Хвали день к вечеру” Дженни Эрпенбек» (“Galicia as an Intertext: the Concept of the Frontier in the Novel ‘The End of Days’ by Jenny Erpenbeck”) анализируется произведение на галицкую тематику, а именно модель культурного пространства, положенная в основу образа Галиции в рассматриваемом романе Эрпенбек. Галицкая тема — одна из актуальных и интересных тем в литературе и, как пишет Евгения Волощук, не выходит из моды. Исследование

показывает, что в образе Галиции, созданном в галицкой главе романа «Хвали день к вечеру» Дженни Эрпенбек, накладываются друг на друга три топоса: топос утраченной родины семейной истории, топос пограничья, и топос Галиция. Статья полностью достигает поставленной автором цели — проанализировать модель культурного пространства, которую писатель закладывает в основу образа Галиции. Фокус исследования очень глубокий, он сосредоточен на искомым интертекстуальных элементах, использованных для создания этого образа.

Номер журнала завершается рецензией **Марины Ларионовой** «Уральский текст русской литературы» (“The Ural Text of the Russian Literature”) на двухтомную «Историю литературы Урала. XIX век», изданную под редакцией профессора Е. К. Созиной.

Наслаждайтесь чтением!

MIGRATION EXPERIENCES IN SELECTED WORKS BY STANISLAV STRUHAR

Gabriela Šilhavá

J. E. Purkyně University. Ústí nad Labem, Czech Republic. Email: [gabina.silhava\[at\]seznam.cz](mailto:gabina.silhava@seznam.cz)

Abstract

Stanislav Struhar, nowadays one of the most productive contemporary Austrian authors, has published 12 works so far. The main themes of his works include the integration of a migrant who loses and finds his home, the associated language change, the search for happiness in the new home or the conscious rejection of the traumatic past. This also corresponds to the fact that the main characters in almost all of his prosaic works are migrants or their descendants. Stanislav Struhar also shows that love and language are of particular importance for the integration of migrants into the foreign milieu. The article analyzes the ambivalent character of migration experiences and the positioning of migrants in foreign society using the example of the novels *Das Manuskript* (2002), *Eine Suche nach Glück* (2005) and the volume of short stories *Fremde Frauen* (2013). In the first work the main characters are confronted with physical violence, in other two works it is more about the migrants' feelings of foreignness, stereotypes and prejudices, with which they are confronted. In this context, the attitude of the protagonists towards the language, both the foreign language and their mother tongue, should also be emphasized.

Keywords

austrian literature; foreignness; integration; language; migration; migration experiences; migrant literature; novel; Stanislav Struhar; stereotypes

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

МИГРАЦИОННЫЙ ОПЫТ В ИЗБРАННЫХ РАБОТАХ СТАНИСЛАВА СТРУГАРА

Шилхава Габриэла

Университет Яна Евангелиста Пуркине. Усти-над-Лабем, Чехия. Email: [gabina.silhava\[at\]seznam.cz](mailto:gabina.silhava[at]seznam.cz)

Аннотация

Станислав Стругар, ныне один из самых продуктивных австрийских авторов современности, опубликовал к настоящему времени 12 работ. Основные темы его произведений включают интеграцию мигранта, который теряет и находит свой дом, связанные с этим языковые изменения, поиск счастья в новом доме или сознательный отказ от травмирующего прошлого. Это также соответствует тому, что главные герои почти всех его прозаических произведений – мигранты или их потомки. Станислав Стругар показывает также, что любовь и язык имеют особое значение для интеграции мигрантов в иностранную среду. В статье анализируется амбивалентный характер миграционного опыта и позиционирования мигрантов в иностранном обществе на примере романов *Das Manuskript* («Рукопись», 2002), *Eine Suche nach Glück* («Поиск счастья», 2005) и сборника рассказов *Fremde Frauen* («Чужие женщины», 2013). В первом произведении главные герои сталкиваются с физическим насилием, в двух других речь больше идет о чувстве чужеродности, о стереотипах и предрассудках мигрантов, с которыми они сталкиваются. В этом контексте важно подчеркнуть отношение главных героев к языку, как к иностранному, так и к своему родному.

Ключевые слова

австрийская литература; чужеродность; интеграция; язык; миграция; опыт миграции; литература мигрантов; роман; Станислав Стругар; стереотипы

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

INTRODUCTION

Stanislav Struhar (*1964, Gottwaldov, Czechoslovakia) today a successful contemporary Austrian author, spent his childhood and youth in the then Czechoslovak Socialist Republic. His life in the country, which was under the rule of the Communist Party, had been so unfortunate for him that he finally fled from the country with his wife in 1988.

Their officially approved trip led at that time to Yugoslavia. The couple was allowed to leave Czechoslovakia under one specific condition: their son stays in the country.¹ Struhar and his wife agreed, they had already received information from friends who had emigrated earlier that they could apply to the Red Cross for help with the subsequent departure of their son (as part of the reunification of the family). Stanislav Struhar and his wife fled from Yugoslavia illegally to Austria, where they were waiting for their son and wanted to continue their journey to California. In Austria, however, they were shocked when they discovered that Czechoslovakia no longer cooperates with the Red Cross. The reunion with their son was only possible after a two-year struggle with the authorities in both countries. When their son finally came to Austria in 1990, this country has already become their new home, so they stayed there.²

Their beginnings in Austria were not easy. Struhar had to learn German first. But when he had learned German³, it became his literary language. Today all of his works are published in both languages, German and Czech, which is not quite common. And because Stanislav Struhar speaks both languages, he takes an active part in the translations of his works. Today he no longer dares to translate his works into Czech on his own, but he can still read and correct the translations (both Czech and German). He has published 12 works so far – one volume of poetry (1999 *Der alte Garten*), four volumes of short stories (2013 *Fremde Frauen*, 2016 *Farben der Vergangenheit*, 2018 *Fremde Männer*, 2021 *Farben der Zukunft*) and seven novels

1 At that time everyone had to get permission from the ministry to travel to foreign countries, including Yugoslavia (Tito took his own socialist path that was not in conformity with Stalinism). For this reason, the Struhars were only allowed to travel to Yugoslavia without their child, as it was assumed that the parents would not leave their child behind in Czechoslovakia. The child was therefore meant to be used as a 'guarantee' for their return home.

2 It was often the case that the migrants originally did not want to stay in Austria. As Cornejo (2008, p. 59) points out, at that time Austria often only played the role of a 'transit camp'. Stanislav Struhar e.g. wanted to move to California with his family, Michael Stavarič wanted to go to Canada, etc. For more information about migration literature in Austria, see e.g. Vlasta, S. (2016). *Contemporary Migration Literature in German and English: A comparative Study*. Leiden, Boston: Rodopi. Or Wonisch, R. (Ed.) (2008). *Tschechen in Wien: zwischen nationaler Selbstbehauptung und Assimilation*. Wien: Löcker.

3 Struhar participated in a language course, he soon found German-speaking friends and a job in a museum and later in a bookstore, which helped him to integrate more quickly (Cornejo 2008, p. 154).

(2004 *Das Manuskript*, 2004 *Opuštěná zahrada* (German translation: 2020 *Verlassener Garten*), 2005 *Eine Suche nach Glück*, 2014 *Das Gewicht des Lichts*, 2015 *Die vertrauten Sterne der Heimat*, 2017 *Die Verlassenen*, 2018 *Die Gabe der Hoffnung*).¹ The author wrote poetry at the beginning, and only later he switched to prose. In both genres he wrote the works in Czech at the beginning, only the works published after 2005 were already written in German.²

His literary work is strongly influenced by his own migration and life experiences. The main themes of his works include foreignness and exclusion, with the main characters almost always being migrants, or their descendants. Stanislav Struhar describes in a very emotional way how the migrants interact with the culturally foreign society, the loss of home and language associated with it and the loneliness, as well as the common stereotypes, prejudices or even discrimination, with which they are confronted. The role of love and language in the process of integrating migrants into the environment that is foreign to them is also emphasized as being of high importance. In his works, the migrants are hit by personal strokes of fate, most of which are closely related to family relationships. In some cases the death of a loved one is involved, in others the family members are burdened by the consequences of a divorce and the main characters have to come to terms with stepparents.

Stanislav Struhar also describes in his works the different attitudes of the host society towards migrants. It shows the stereotypes and prejudices with which migrants are confronted and what role a love relationship can have for successful integration, which migrants usually develop with a native. In the following, these migration experiences and the positioning of the main migrant characters will be analyzed in more detail using the example of the novels *Das Manuskript* (2002, Czech original *Rukopis* 2004), *Eine Suche nach Glück* (2005) and the short story volume *Fremde Frauen* (2013). The development in the representation of the migration experiences in the work of Stanislav Struhar should be shown.

In the first work, the protagonists are confronted with rejection (even with physical violence) in their new surroundings, in the other two it is mainly stereotypes and prejudices that they are exposed to in everyday life. It can therefore be said that the portrayal of the experiences of migration in Struhar's later prose works concentrates more on the interior (the feelings

1 More about the life and work of Stanislav Struhar in Balvín 2013, Cornejo 2008, Faltýnek 2008, Iwashita 2004, Iwashita 2008, Nešporová 2015, Schwaiger 2016, Schwaiger 2017, Šilhavá 2020, Šilhavá 2021.

2 One more interesting remark about the author's language change – Stanislav Struhar translated in 2009 a volume of poems by Traude Veran under the title *Někteří chtějí vždy znovu přijít* (orig. *Manche wollen wieder kommen*) into Czech.

and fears of the migrants) and direct violence is avoided. Last but not least, the migrants' attitude to language – both the foreign language and their mother tongue – should be examined in more detail, as it is of particular importance for their self-positioning.

A retrospective narrative style is typical for Struhar's works, the main characters often think back and remember their own past. It is noticeable that this process is always triggered by a particular situation in the present. This leads to a strong intertwining of the present with the past, which also evokes emotions – lively and clearly noticeable, although they are not directly described in the text. This is shown using the example of the following prosaic works.

MIGRATION EXPERIENCES AND RACISM IN THE NOVEL *DAS MANUSKRIFT*

The novel *Das Manuskript* (hereinafter referred to as “M”) is Struhar's first prosaic work and was still written in Czech. This novel is a diary of an African, Benjamin, who emigrated to Austria with his parents at the age of 14. At the beginning of the novel, a traumatic experience is described – Ben, still a young boy, watched a group of young right-wing extremists in Austria attacking his father and how he died as a result of this attack in combination with his congenital heart defect. Another situation that relates to racism in the host society occurs a few years later when Ben and his Austrian girlfriend Ulrike are watching a performance by young people in an Austrian café-restaurant:

“Auf einer weißen Plane lag eine schwarze Figur, um deren Kopf sich eine Blut-lache ausbreitete. Ein Mann, ganz in schwarz gekleidet; sein Gesicht schmerzverzerrt”¹ (M, 2002, p. 78).

The young people smile and greet Ulrike and the dark-skinned Ben in a friendly manner, nodding their heads. One can assume that this performance on the street wants to draw attention to the racism that still exists in society and wants to act against it. Despite this intention, this situation is very uncomfortable for Ben, as it awakens in him the traumatic memory of the violent death of his father by the right-wing extremists. He does not greet the young people back. On the contrary, he presses Ulrike to himself as if he wanted to protect her – probably as an expression of his fear, triggered by memories – fear of losing a loved one again.

1 Translations are by the author, unless otherwise attributed:

“On a white tarpaulin was a black figure, around whose head a pool of blood was spreading. A man dressed all in black; his face contorted with pain.”

Ben is attacked several times in the novel because of his different skin color, he is referred to as a “black bastard” (M, 2002, p. 35) and “devil” (M, 2002, p. 36), or compared to an ‘uncivilized ape’:

“[...] ich befände mich nicht mehr im Urwald, sondern in der Zivilisation.”¹
 (M, 2002, p. 93).

Ben is physically attacked by three men who want to “protect the identity of the people”:

“Wir sind keine Rassisten. An dir gefällt uns bloß deine Visage nicht”²
 (M, 2002, p. 102),

it says ironically. In these situations the racism, which unfortunately still exists, comes to the forefront. This ubiquitous racism does not necessarily have to refer to skin color as the obvious and easily identifiable ‘foreign’. The trigger can just as well be the ‘foreign’ language, because of which Ben has problems with the publication of his works, because

“[...] eine Einschränkung auf Grund einer anderen Muttersprache sei als Vorstufe zum Rassismus zu betrachten”³ (M, 2002, p. 77),

as Ben’s stepfather Hans emphasizes.

Ben’s native language makes more of a difference in this work than his skin color. Ben works as a freelance writer. He writes novels, but in his mother tongue, that is, in French. Many related obstacles and problems are portrayed in the novel. Because of his mother tongue, Ben is not perceived as an ‘Austrian writer’, he has problems with the translations of his works into German and so he cannot have any of them published. Here he is confronted with nationalism and with a kind of ‘totalitarianism’ in the literary business that only allows native-speaker authors to be authors. He is powerless against this: „Man müsse nicht in einem totalitären Staat leben, um von Formen des Totalitarismus heimgesucht zu werden.“⁴ (M, 2002, p. 32)

Nonetheless, Ben stubbornly insists on being or becoming a writer. The employment office advises Ben several times that he has to apply for a job. Ben applies for the job, but purposely acts in a way that he doesn’t get the job. For example, he speaks broken German, although he can speak German flawlessly (M, 2002, pp. 98-99).

1 “[...] I would no longer find myself in the jungle, but in civilization.”

2 “We are not racists. We just don’t like your look on you.”

3 “[...] a restriction due to a different mother tongue is to be regarded as a preliminary stage to racism.”

4 “You don’t have to live in a totalitarian country to be afflicted by forms of totalitarianism.”

Ben is also confronted with hatred and contempt from those around him and is often met with incomprehension; even in a close circle of friends, which also irritates his girlfriend Ulrike, who is a local Austrian:

“In aufgeregtem Ton setzte sie fort, [...] sie seien das typische Beispiel kleinkarierter Österreicher, die mich als Ausländer tolerierten, vielleicht sogar mochten, aber nur unter der Voraussetzung, dass es mir schlechter ginge als ihnen”¹ (M, 2002, pp. 23-24).

Despite all these inconveniences, prejudices or even rejection, Ben feels like an Austrian. Austria is his new home (M, 2002, p. 15), Vienna he calls “his Vienna” (M, 2002, p. 100). However, Ben has a thoroughly ambivalent relationship to this new home, because home is understood as a constricting body shell that (like his body) is not perishable (Iwashita, 2004). That is why he doesn’t feel completely free, neither in Vienna, nor in his body: „Ich wollte frei sein – körperlos und heimatlos.“² (M, 2002, p. 62)

In addition to Ben, another migrant appears in the novel, Martina, who emigrated from totalitarian Czechoslovakia ten years before, but already has Austrian citizenship. Nevertheless, she is still perceived as a migrant and she too has to deal with various stereotypes and problems in Austrian society; and also among her friends when they “make fun of her accent” or when the sarcastic undertone cannot be ignored in their questions: „Als sie eine Kaffeetasse mit einer ähnlichen aus ihrer Kindheit in der ČSSR verglich, hörte ich die sarkastische Nachfrage, ob sie Heimweh habe.“³ (M, 2002, p. 19)

The novel is divided into two parts. The first part is Ben’s diary, the second Ulrike’s story, because Ben dies as a result of his congenital heart defect (similar to his father) after being involved in an accident. So there are two different first-person narrators in the novel. After his death, Ulrike moves with their child to Abidjan in Côte d’Ivoire, where Ben originally emigrated from with his parents and where the rest of his family still live. She learns French and continues to write Ben’s manuscript. She has the opportunity to slip into his skin and take on his role as a ‘stranger’ in a foreign country – a prerequisite for continuing to write his work: „Erst hier ist mit bewusst geworden, was es bedeutet, in Sprachen zu leben, die nicht die eigenen sind.“⁴ (M, 2002, p. 145) Suddenly finding herself in the same situation as Ben before, she begins to understand him better and to feel what he was feeling – she too is now unsettled by the loss of home and language. Nevertheless, she does not

1 “In an excited tone she continued, [...] they are the typical example of small-minded Austrians who tolerate me as a foreigner, maybe even like me, provided I am worse off than they are.”

2 “I wanted to be free – without a body and a homeland.”

3 “When she compared a coffee cup with a similar one from her childhood in the Czechoslovakia, I heard a sarcastic inquiry as to whether she was homesick.”

4 “It was only here that I became aware of what it means to live with languages, which are not their own.”

want to return to Austria, although she is asked by her mother to do so, and although she is sometimes in a difficult position as a single woman in a foreign country.

POSITIONING OF THE MIGRANTS AND STEREOTYPES IN THE NOVEL *EINE SUCHE NACH GLÜCK*

The second work, the novel *Eine Suche nach Glück* (hereinafter referred to as “SG”), is not written in diary form, although it is also written in first person and the writing style used in this story is similar to a diary. The main character is also a migrant from former Czechoslovakia and also a writer, named David Kostka. Although he writes his works in German, he has exactly the same problems with their publication as Ben in the novel *Das Manuskript*. The Austrian editors advise him to write the works in Czech and publish them in the Czech Republic.

David comes from a difficult family background. He never got to know his father and also lost his mother a few years after they emigrated to Austria together. However, he thinks of her constantly, the memories of her haunt him:

“Ihr sanftes Tschechisch bleibt in meinen Erinnerungen lebendig, wie Olmütz¹, das wir 1984 verließen, und das ich seither nicht mehr sah”² (SG, 2005, p. 7).

In contrast to Ben in *Manuskript*, who had no contact with other Africans, for David other migrants at the school in Vienna are important relatives (at least immediately after emigration, later he speaks of no more Czechs):

“Damals waren all die Böhmen, Mährer und Slowaken eine wichtige Unterstützung für mich”³ (SG, 2005, p. 12).

This certainly helped him at the beginning of his new life in Vienna, because he felt lonely and lost, as he admits to his mother shortly after they emigrated together: “Man wird uns hier nie wirklich aufnehmen”⁴ (SG, 2005, pp. 18-19). But later he finds his new home in Vienna – especially through a love relationship (SG, 2005, p. 17). His girlfriend Astrid (from Vorarlberg) has had a very positive relationship with Vienna since her adolescence, “although she will always feel strange here” (SG, 2005, p. 30). So she also has the ‘stigma’ of a ‘foreigner’ or a ‘stranger’ – something

1 Originally Olomouc, a city in the Czech Republic.

2 “Her gentle Czech remains alive in my memories, like Olomouc, which we left in 1984 and which I have not seen since.”

3 “Back then, there were all the Bohemians, Moravians and Slovaks an important support for me.”

4 “We will never really be accepted here.”

in common with her Czech friend, as is emphasized again at the end of the story. When Astrid gets pregnant, the following conversation takes place between Astrid and the doctor in the hospital:

„Aber es wird auf jeden Fall ein internationales Kind“,

sagt die Ärztin.

„Meinen Sie wegen meines vorarlbergischen oder seines tschechischen Deutsch?“¹ (SG, 2005, p. 113).

This is not the only situation in which the role of languages for integration into society is emphasized. Even a foreign accent can become a stigma and lead to exclusion.

David's positioning between the two languages and two 'homes' is also ambivalent – a position that allows him to become 'at home' in the foreign language and at the same time to preserve his 'otherness' as creating an identity:

“Einerseits fühlte ich mich nicht mehr fremd unter all den Menschen, deren Sprache sich von der meinen unterschied; andererseits schuf meine Muttersprache für mich stets eine Insel, auf der sich mein Herz nach der alten Heimat sehnte”² (SG, 2005, p. 14).

But his attitude towards his mother tongue was not the same from the start; it changes over time. David was initially ashamed as a child when his mother spoke Czech to him at the Christmas market in Vienna and sang a Czech song:

“Wir trugen immer noch die alten Kleider aus der Tschechoslowakei, sprachen leise Tschechisch, blieben vor jedem Stand stehen”.

She sang

“[...] leise ein altes tschechisches Weihnachtslied. Ich schämte mich und wich empört von ihrer Seite [...]”³ (SG, 2005, pp. 71-72).

1 “But it will definitely be an international child,” says the doctor. “Do you mean because of my Vorarlberg or his Czech German?”

2 “On one hand, I no longer felt a stranger among all those people whose language was different from mine; on the other hand, my mother tongue always created an island for me on which my heart longed for my old home.”

3 “We still wore the old clothes from Czechoslovakia, spoke softly Czech, stopped in front of every booth.” She sang “[...] softly an old Czech Christmas carol. I was ashamed and left her side indignantly [...]”

He perceives the ‘other’ language as a stranger’s stigma, indicating that he is a foreigner, a stranger. But later, after the death of his mother, he feels joy when he hears Czech:

“Ein alter Mann sprach mich in gebrochenem Tschechisch an. [...] Seine tiefe Stimme und sein etwas unbeholfenes Tschechisch blieben in meinen Gedanken wie ein heiteres Lied”¹ (SG, 2005, p. 103).

As an adult, already fully integrated in Austrian society, he perceives the Czech language differently; for him now it is a language that his heart longs for. He no longer has to deny it, but is proud of it and his origins, the Czech language works like a bridge between his old and new homeland.

It often happens in Struhar’s works that the partners of the migrants learn or want to learn their mother tongue. Astrid in *Eine Suche nach Glück* is learning Czech, she speaks to David in broken Czech and finds Czech “erotic” (SG, 2005, pp. 59, 64). She is not only interested in the Czech language, whose foreignness attracts her and which sounds ‘exotic’ to her ears, but also in the food culture of the foreign country:

“Zunächst werden wir nämlich Tschechisch lernen und anschließend Tschechisch kochen”² (SG, 2005, p. 60).

This interest in foreign national cuisine and an approach that comes from foreign food is more common in Struhar’s works.

Astrid also wants to get to know her boyfriend’s country of origin and take a trip to the Czech Republic: “I invite you.” The fact that Astrid wants her boyfriend to visit his homeland for the first time since emigrating shows that she is aware of the importance of origin for the identity of every person (and even more of the migrant):

”Du musst endlich zurück zu deinen Wurzeln, sonst wirst du nie frei sein. Lass dich von mir führen, ich bin doch die zweite Hälfte deiner wahren Heimat”³ (SG, 2005, p. 122).

From these lines it can be seen that Astrid is fully aware of the importance of her role in the new (love) relationship. Astrid knows that he must not deny his roots and if he does not return to his roots and his homeland, he will never be able to form new bonds and live ‘freely’.

In this work, Struhar also addresses the prejudices of the Austrians against the Czechs (or Slavs). When David’s mother, shortly before her death,

1 “An old man spoke to me in broken Czech. [...] His deep voice and his somewhat clumsy Czech stayed in my mind like a cheerful song.”

2 “First we will learn to speak Czech and then we will learn to cook Czech.”

3 “You have to finally get back to your roots, otherwise you will never be free. Let me guide you, I’m the second half of your true home.”

is not feeling well in a tram, an Austrian woman sitting there remarks to her husband:

”Das sind Slawen, [...], die haben schon immer viel getrunken”¹
(SG, 2005, p. 111),

although David’s mother is sick and not drunk. David is confronted with similar stereotypes in his work. He does get a new job in a bookstore; however, because a customer recognizes by his accent that he is not Austrian, he does not want to be advised by him (SG, 2005, p. 100).

A particularly important topic in this novel is David’s attitude to his own situation as a non-native speaker and to the obstacles that he has to overcome in the Austrian literature business. His new girlfriend Astrid works as an editor in a publishing house and you only find out later that their first ‘accidental’ meeting and getting to know David was not a coincidence at all, but was staged so that he could gain access to the literary business through her.

This shows that the main character in this work is in a different position than Ben in the previously analyzed novel *Das Manuskript*. David is no longer physically attacked like Ben, his exclusion from society is more of a psychological nature and especially noticeable in his job (as a bookseller and writer). The main difference, however, is that he not only feels a victim and remains a victim, but he fights against it by looking for a girlfriend who can help him with his own professional self-realization and writing career (she is an editor at a major publishing house) and that is why he keeps hiding the fact that he is actually a writer. When Astrid discovers the truth by accident (when she finds his manuscripts), the relationship breaks. Shortly after the separation, however, David finds out that Astrid is pregnant; he goes to see her again and asks her forgiveness. The ending is open, but it can be assumed that since the two are in love, they will stay together. The two main male characters in both works thus find a home in a foreign country through love and start a family, although Ben dies before his son is born.

FOREIGNNESS AND STRANGENESS IN THE VOLUME OF STORIES *FREMDE FRAUEN*

In contrast, in the short story volume *Fremde Frauen*, which consists of two stories, the focus is on being a stranger. In this work, this foreignness and strangeness affect not only the migrants, but also the natives, for whom there is an exclusion from society justified by the others. Struhar shows that

1 “They are Slavs, [...], they have always drunk a lot.”

you don't necessarily have to come from a foreign country to feel like a stranger in society.

In the first story, *Bernadette* (further referred to as "B"), the main character is Alan Dolezal (formerly Doležal¹), who emigrated from Prague and thinks about his homeland again and again:

"Fast fünf Jahre waren vergangen, seitdem ich meine Heimat verlassen hatte. Manchmal schienen mir die Prager Straßen in unmittelbarer Nähe zu sein, manchmal betrat ich sie in Träumen, fremd nur in meinem Reisepass"² (B, 2013, p. 7).

And not only the memories of the deserted country, but also of his mother and the sound of her Czech language always haunt him:

"Mutters Tschechisch klang wie mein eigenes leise und nur in meinen Gedanken an"³ (B, 2013, p. 10).

These memories of the Czech language spoken by his mother are very similar to David's memories in the novel *Eine Suche nach Glück*.

From the first person perspective, the main character Alan explains why he decided to leave Czechoslovakia. As with other main characters, it is not necessarily political reasons or a politically connoted 'lack of freedom' of the characters, but the feeling of a personal restriction and impossibility of free development in the prevailing (family) relationships:

"Von Freiheit träumte ich und war dabei der festen Überzeugung, sie nur in der Fremde finden zu können"⁴ (B, 2013, p. 8).

The experience of strangeness thus becomes a prerequisite for one's own ego and is not tied to West-East conflicts between the two political systems.

It is later uncovered that Alan fled illegally to Austria and initially lived in a refugee camp. Arriving in a foreign country also means uncertainty, which the newly gained freedom brings with it:

"[...] endlich war ich in der Fremde angelangt, und dennoch überkam mich plötzlich Angst"⁵ (B, 2013, p. 32).

1 The author himself made such a name change. When he became Austrian citizen, he himself asked to change his name from "Struhar" to "Struhar".

2 "Almost five years had passed since I left my homeland. Sometimes the streets of Prague seemed to be very close to me, sometimes I walked in them in my dreams, estranged only in my passport."

3 "Mother's Czech sounded like my own softly and only in my mind."

4 "I dreamed of freedom and was of the firm conviction that it can only be found in a foreign country."

5 "[...] I finally arrived in a foreign country, and yet I was suddenly overcome by fear."

Alan is a student and at the same time works at a museum, which is of high importance to him.

„[...] meine Kollegen waren die ersten Österreicher, bei denen ich das Gefühl hatte, in diesem Land aufgenommen zu sein.“¹ (B, 2013, p. 15).

During his studies he met Bernadette. She has problems with her step-father and after an argument she has to move into Alan's apartment, because he is the only one who has a free room. In the beginning there are several unpleasant situations, until the two gradually find each other.

Bernadette comes from a middle-class family and is hostile to foreigners. She argues and scolds the Turks in the park and expresses herself disparagingly not only about the Turks, but also about all women who 'hang out' with them, for example the secretary:

“Die tut, als wäre sie eine Dame, und dabei ist sie mit einem Türken verheiratet”² (B, 2013, p. 33).

When Bernadette and Alan already know each other a little better, Alan happens to find a photo in Bernadette's room showing her with two shaved young right-wing radicals. So Bernadette can be described as a young woman with many prejudices against foreigners and acquaintances in the right-wing extremist milieu.

In this work, too, Alan tries to speak only the foreign language and to push the mother tongue out of his life. Several Czechs live in the house where Alan lives, but he avoids exchanging a single word in Czech with them. Even when Alan's shopping bag tears and a Czech neighbor helps him to pick the things up, the two speak to each other in German, which Bernadette is very astonished by (B, 2013, p. 68). And it is not only in contact with his Czech neighbors, where Alan avoids the Czech language; he also refuses to translate German sentences or expressions for Bernadette into Czech when she asks him – Alan pretends not to hear her (B, 2013, p. 58).

When Bernadette and Alan fall in love, Bernadette begins to gradually rethink, break down and change her prejudices. Later she even helps a little Turkish girl who fell off her bicycle in the street (B, 2013, p. 67) because she feels sorry for her.

In the development of Alan and Bernadette's relationship, Czech cuisine once again played an important role. For example, when Alan prepares “topinky”³, Bernadette tries to learn the Czech word and pronounce

1 “[...] my colleagues were the first Austrians with whom I had the feeling of being accepted in this country.”

2 “She pretends to be a lady, and there she is married to a Turk.”

3 A Czech dish. These are fried bread slices with garlic, they can also be served with fried eggs, ham, cheese or pickle.

it correctly (B, 2013, p. 42) – an important phase in Bernadette’s development. It is shown that strangeness can be overcome through a love relationship, which is one of the basic statements of Struhar’s works.

At the end of the story, both of them stand in front of a ruined castle near Hainburg on the Danube and from there they look at the Slovak capital Bratislava below them. Bernadette wants Alan to finally call his mother, whom he has not seen or spoken to since emigrating:

“Ich [Alan] schloss die Augen, senkte den Kopf und hörte meine Stimme. Mein Tschechisch bebte”¹ (B, 2013, p. 74).

One can conclude from this statement that Alan will finally call his mother. The inner tremor expresses Alan’s emotional tension and indicates an imminent outbreak, a liberation of what Alan has suppressed and repressed for a long time – his own origins, his own roots. A similar motif can also be found in the work *Eine Suche nach Glück*, when Astrid tries to get her friend to visit his homeland, which was abandoned years ago.

The second story, titled *Francesca* (hereinafter referred to as “F”), is exceptionally told in the third person. The main character is a German named Stefan, who lives in Ventimiglia, Italy, where he followed his love. However, soon after the arrival, she broke up with him. The ambivalence of his positioning is very aptly expressed in the description of the city of San Remo:

“Grenze zwischen der modernen Neustadt und düsteren Altstadt, so stünde Stefan im Niemandsland”² (F, 2013, p. 78).

But he still doesn’t want to go back to Germany:

“Schon bald war das neue Leben, nach dem er sich gesehnt hatte, zu Ende, [...], doch eine Rückkehr nach Deutschland schloss er aus”³ (F, 2013, p. 77).

He has never found anyone in Germany to return to, because he grew up there without ties, in an orphanage. The only place in San Remo that doesn’t seem strange to him is the cathedral there. He often goes there to meet German tourists who speak ‘his’ language. (F, 2013, p. 87) This emphasizes the feeling of togetherness with this place even more.

Stefan starts to work as a salesman in a small goods store. There he accidentally overhears a quarrel between the owner Girardi and his daughter Francesca, who is against the employment of foreigners, because, in her

1 “I [Alan] closed my eyes, bowed my head and heard my voice. My Czech trembled.”

2 “The border between the modern new town and the gloomy old town, Stefan would be in no man’s land.”

3 “The new life he had longed for was soon over, [...], but he ruled out a return to Germany.”

opinion, they are only taking away the work from the locals: “Ein Deutscher ist doch etwas anderes als irgendein Flüchtling”, argumentiert der Vater.

“Es kommen immer mehr Ausländer zu uns, die armen nehmen uns die Arbeit weg und die reichen unsere Grundstücke – wie soll denn das weitergehen?”¹
(F, 2013, p. 89)

replies Francesca.

Just like Bernadette at the beginning, Francesca is full of prejudices against foreigners and migrants of all kinds; she is just as cold and arrogant towards Stefan. And like Bernadette, she gradually goes through a development and finally falls in love with Stefan. He drives her several times to see her father, when he is sick in a hospital and she is filling in for him in the shop. The two are gradually getting closer. Thanks to this love affair, Francesca begins to free herself from her prejudices and thanks to Stefan, to see foreigners in a different light. Her father, who at the beginning seems friendly to foreigners and agrees with hiring Stefan in his shop, shows his ‘true face’ at the moment he discovers the relationship between his daughter and the ‘foreigner’. While it is not a problem for him to hire a ‘foreigner’, it is quite different with his acceptance or tolerance in his own family, i.e. in his private sphere. One is the business, the other is his own family. Stefan and now Francesca encounter the insurmountable barrier of his prejudices, so that in the end she sees no other way out, then to run away from home. She fights for her love and leaves her father, who is the only family for her. That is certainly a great sacrifice on her part. Stefan grew up in an orphanage without a family or close ties to anyone, she loses her whole family (her mother dies and she leaves her father). This makes the two protagonists more alike. Finally, Francesca’s father seeks out the lovers and asks for forgiveness. Francesca gets her family (father) back and Stefan gets a new one.

Stefan’s friends show compassion for the refugees from the start, as they have to suffer a lot from the loss of their homeland:

“Also ich kann es mir nicht vorstellen, meine Heimat zu verlassen. Ich meine, den armen Flüchtlingen, die nach Italien kommen, denen blieb nichts anderes übrig, aber du bist doch anders, du gehörst nicht zu ihnen”² (F, 2013, p. 100).

As in other works by Struhar, Stefan does not suffer from the loss of his homeland, as it has never felt ‘at home’ in there; he learns Italian without any problems and avoids speaking his mother tongue, even if he occasionally likes

1 “A German is different from any refugee,” argues the father. “More and more foreigners come to us, the poor take our jobs away from us and the rich our land – how should this go on?”

2 “Well, I can’t imagine leaving my home. I mean, the poor refugees who come to Italy had no other choice, but you’re different, you don’t belong to them.”

to hear tourists speak it. The Germans in the shop speak broken Italian, but Stefan also speaks consistently Italian with them (F, 2013, p. 103), even though he himself thinks that his Italian is not good enough.

Francesca behaves like Bernadette, Astrid or Ulrike in the previously analyzed works and later, after falling in love with Stefan, learns the language of her partner (F, 2013, p. 141) and loses her prejudices against foreigners and goes gradually through a development process – similar to Bernadette.

CONCLUSION

To sum up, Stanislav Struhar (himself a migrant) writes about the lives of migrants and their search for happiness (Cornejo, 2008). The stories of the migrants in his works have very specific characteristics – the migrants are not just described as victims. Ben boycotts all offers from the employment office, which can be interpreted as his personal resistance – he doesn't want to give up his dream of being a writer and take on another role that has been imposed on him from the society. David wants to gain access to the Austrian literary business through Astrid, so he wants to use her trust and love for his own benefit. In the narrative *Bernadette* the main characters even commit an offense. Alan persuades Bernadette to stealing together two packets of chewing gum from a store. They are caught stealing and it is a great shame on Bernadette (B, 2013, pp. 50-51).

The above examples make it clear that migration in Struhar's works always has an ambivalent character. In the country of arrival, the migrants are confronted with various forms of physical and psychological abuse and exclusion. In all three works, the psychological abuse of migrants is that they are always reminded of being foreigners and being perceived as 'strangers', even though they do not feel like ones. The exclusion from the society means they have problems with their professional self-realization, since they often want to express themselves professionally through writing and as non-native speakers have no chance in the publishing houses. Ironically, this disadvantage is increased by the successful change of language. The protagonists avoid their mother tongue, even when communicating with their partners who have a lively interest in it. They are aware that language represents the stigma of being a stranger and that they are immediately recognizable as such, which is what they want to avoid. They feel at home in the country and want to forget their old home (and the trauma associated with it) as quickly as possible. Their partners, on the other hand, try to learn their mother tongue, as they see it as a bridge – an opportunity to get closer to them and their culture and to understand them better. It should be noted, however, that these are always female characters. This endeavor could be interpreted as an attempt to become a part

of their partner's new home or to use love to fill out the empty space that has arisen from losing their old home.

What the three analyzed works also have in common is the fact that although the men are migrants who are constantly confronted with the common stereotypes and xenophobic prejudices, it is the women who need to be reassured that they are beloved in the relationship (Struhar, 2002, pp. 62, 66; Struhar, 2005, p. 82; Struhar, 2013, p. 129). This suggests that the migrants occupy a stronger and more stable position in the love relationship than one would assume due to the social disadvantage. They are also the ones who trigger the inner development of their partners (Bernadette and Francesca in *Fremde Frauen*) or significantly influence them (Ulrike in *Manuskript*, Astrid in *Eine Suche nach Glück*). On the other hand, it is the female figures who stand up for their partners when they are being harassed by the police for no reason or if their families fail to understand.

The protagonists' search for love and a functioning relationship can in this case be interpreted primarily as a search for their own position in society, whereby the particular interpersonal relationship means the actual home – a home built from love. Love represents the way into the new society and the new culture. The migrants' partners are the ones who learn how to deal with being a stranger through their relationship. They recognize the importance of language and their own origin for personal development and they represent the role of a bridge between the old and new homeland. As was shown in the example of the volume of short stories *Fremde Frauen*, the women are being connected, by their immigrant partners, to the language and culture in which they grew up in, even though they do not feel comfortable in it, because they have mostly unpleasant (or even traumatizing) memories. So love has a positive effect on both sides and it helps both partners in their search for happiness, self-realization and self-positioning in society.

References

- Balvín, J. (2013, March 3). I rozdílní lidé můžou najít cestu jeden k druhému (rozhovor) [Even different people can find their way to each other (interview)]. Retrieved from <https://www.czechlit.cz/cz/i-rozdilni-lide-muzou-najit-cestu-jeden-k-druhemu/> (In Czech).
- Cornejo, R. (2008). 'Eine Suche nach Glück'. Zum Leben und Werk von Stanislav Struhar ["A Search for Happiness". On the life and work of Stanislav Struhar]. In J. Ondráková & J. Beyer (Eds.), *Beiträge zur germanistischen Pädagogik [Contributions to Germanist Pedagogy]* (Vol. 3, pp. 41–52). Hradec Králové: Pedagogická fakulta UHK. (In German).

- Faltýnek, V. (2008). Lyrický vypravěč Stanislav Struhar [Lyrical narrator Stanislav Struhar]. Retrieved from <http://www.radio.cz/cz/rubrika/knihy/lyricky-vypravec-stanislav-struhar> (In Czech).
- Iwashita, D. (2004). Stanislav Struhar – Rukopis [Stanislav Struhar—Manuscript]. Retrieved from Literárně hudební rozcestník website: <http://knihy.kvalitne.cz/recenze/struhar.html> (In Czech).
- Iwashita, D. (2008a). Dnes už myslím a cítím německy (rozhovor) [Today I think and feel German (interview)]. Retrieved from http://www.volvox.cz/o_nas/n_277.php (In Czech).
- Iwashita, D. (2008b). Začal jsem ji beze slova koulovat [I started balling her without saying a word]. Retrieved from Volvox Globator website: http://www.volvox.cz/o_nas/n_286.php (In Czech).
- Nešporová, J. (2015). Psát proti neviditelným hranicím [Writing against invisible borders]. Retrieved from ILiteratura website: <http://www.iliteratura.cz/Clanek/34599/struhar-stanislav> (In Czech).
- Schwaiger, S. (2016). Eine Suche nach Heimat: Stanislav Struhar [A Search for Home: Stanislav Struhar]. In W. Sievers (Ed.), *Grenzüberschreitungen. Ein literatursoziologischer Blick auf die lange Geschichte von Literatur und Migration* [Border Crossings. A literary-sociological look at the long history of literature and migration] (pp. 235–264). Wien, Köln, Weimar: Böhlau. (In German).
- Schwaiger, S. (2017). Stanislav Struhar: “Ich habe nichts Fremdartiges nach Österreich gebracht, außer meiner Muttersprache” [Stanislav Struhar: ‘I have brought nothing foreign to Austria except my mother tongue’]. In W. Sievers, H. Englerth, & S. Schwaiger, *Ich zeig dir, wo die Krebse überwintern: Gespräche mit zugewanderten Schriftstellerinnen und Schriftstellern* [I’ll show you where the crabs hibernate: Conversations with immigrant writers] (pp. 171–190). Wien: Edition Exil. (In German).
- Šilhavá, G. (2020). Themen und Symbole in den Werken von Stanislav Struhar [Themes and Symbols in the Works of Stanislav Struhar]. In J. Demčíšák & M. Hornáček Banášová (Eds.), *Germanistische Forschungsfragen in Trnava, Ústí nad Labem und Wrocław II* [German Studies Research Questions in Trnava, Ústí nad Labem and Wrocław II] (pp. 73–83). Leipzig: Leipziger Universitätsverlag. (In German).
- Šilhavá, G. (2021). Migrationserfahrungen und Positionierungen der Migranten in ausgewählten Werken von Stanislav Struhar [Migrant experiences and positioning of migrants in selected works by Stanislav Struhar]. In G. Schuppener, V. Jičínská, & M. Kałasznik (Eds.), *Germanistische Forschungsfragen in Trnava, Ústí nad Labem und Wrocław II* [German Studies Research Questions in Trnava, Ústí nad Labem and Wrocław II] (pp. 93–105). Leipzig: Leipziger Universitätsverlag. (In German).
- Struhar, S. (1999). *Der alte Garten: Gedichttrilogie* [The Old Garden: Trilogy of Poems] (J.-P. Abraham, Trans.). Linz, Wien: Resistenz-Verlag. (In German).
- Struhar, S. (2002). *Das Manuskript. Roman* [The Manuscript. Novel] (A. Leben, Trans.). Klagenfurt, Celovec: Drava. (In German).
- Struhar S. (2004). *Opuštěná zahrada: Román* [The Abandoned Garden: A novel]. Praha: Volvox Globator. (In Czech).

- Struhar, S. (2005). *Eine Suche nach Glück: Roman [A Search for Happiness: Novel]*. Klagenfurt: Kitab-Verlag. (In German).
- Struhar, S. (2013). *Fremde Frauen: Zwei Erzählungen [Strange Women: Two Narratives]*. Klagenfurt, Celovec: Wieser. (In German).
- Struhar, S. (2014). *Das Gewicht des Lichts: Roman [The Weight of Light: Novel]*. Klagenfurt, Celovec: Wieser. (In German).
- Struhar, S. (2015). *Die vertrauten Sterne der Heimat: Roman [The Familiar Stars of Home: Novel]*. Klagenfurt, Celovec: Wieser. (In German).
- Struhar, S. (2016). *Farben der Vergangenheit: Erzählungen [Colours of the Past: Narratives]*. Klagenfurt, Celovec: Wieser. (In German).
- Struhar, S. (2017). *Die Verlassenen: Roman [The Forsaken: Novel]*. Klagenfurt, Celovec: Wieser. (In German).
- Struhar, S. (2018). *Die Gabe der Hoffnung: Roman [The Gift of Hope: Novel]*. Klagenfurt, Celovec: Wieser. (In German).
- Struhar, S. (2021). *Farben der Zukunft: Erzählungen [Colours of the Future: Narratives]*. Klagenfurt, Celovec: Wieser. (In German).
- Veran, T. (2009). *Někteří chtějí vždy znovu přijít [Some always want to come again]* (Stanislav Struhar, Trans.). Praha: Dolphin. (In Czech).
- Vlasta, S. (2016). *Contemporary Migration Literature in German and English: A comparative Study*. Leiden, Boston: Rodopi.
- Wonisch, R. (Ed.). (2008). *Tschechen in Wien: Zwischen nationaler Selbstbehauptung und Assimilation [Czechs in Vienna: Between national self-assertion and assimilation]*. Wien: Löcker. (In German).

Список литературы

- Balvín, J. (2013, March 3). I rozdílní lidé můžou najít cestu jeden k druhému (rozhovor) [Even different people can find their way to each other (interview)]. Retrieved from <https://www.czechlit.cz/cz/i-rozdilni-lide-muzou-najit-cestu-jeden-k-druhemu/> (In Czech).
- Cornejo, R. (2008). 'Eine Suche nach Glück'. Zum Leben und Werk von Stanislav Struhar ["A Search for Happiness". On the life and work of Stanislav Struhar]. In J. Ondráková & J. Beyer (Eds.), *Beiträge zur germanistischen Pädagogik [Contributions to Germanist Pedagogy]* (Vol. 3, pp. 41–52). Hradec Králové: Pedagogická fakulta UHK. (In German).
- Faltýnek, V. (2008). Lyrický vypravěč Stanislav Struhar [Lyrical narrator Stanislav Struhar]. Retrieved from <http://www.radio.cz/cz/rubrika/knihy/lyricky-vypravec-stanislav-struhar> (In Czech).
- Iwashita, D. (2004). Stanislav Struhar – Rukopis [Stanislav Struhar—Manuscript]. Retrieved from Literárně hudební rozcestník website: <http://knihy.kvalitne.cz/recenze/struhar.html> (In Czech).

- Iwashita, D. (2008a). Dnes už myslím a cítím německy (rozhovor) [Today I think and feel German (interview)]. Retrieved from http://www.volvox.cz/o_nas/n_277.php (In Czech).
- Iwashita, D. (2008b). Začal jsem ji beze slova koulovat [I started balling her without saying a word]. Retrieved from Volvox Globator website: http://www.volvox.cz/o_nas/n_286.php (In Czech).
- Nešporová, J. (2015). Psát proti neviditelným hranicím [Writing against invisible borders]. Retrieved from ILiteratura website: <http://www.iliteratura.cz/Clanek/34599/struhar-stanislav> (In Czech).
- Schwaiger, S. (2016). Eine Suche nach Heimat: Stanislav Struhar [A Search for Home: Stanislav Struhar]. In W. Sievers (Ed.), *Grenzüberschreitungen. Ein literatursoziologischer Blick auf die lange Geschichte von Literatur und Migration* [Border Crossings. A literary-sociological look at the long history of literature and migration] (pp. 235–264). Wien, Köln, Weimar: Böhlau. (In German).
- Schwaiger, S. (2017). Stanislav Struhar: “Ich habe nichts Fremdartiges nach Österreich gebracht, außer meiner Muttersprache” [Stanislav Struhar: ‘I have brought nothing foreign to Austria except my mother tongue’]. In W. Sievers, H. Englerth, & S. Schwaiger, *Ich zeig dir, wo die Krebse überwintern: Gespräche mit zugewanderten Schriftstellerinnen und Schriftstellern* [I’ll show you where the crabs hibernate: Conversations with immigrant writers] (pp. 171–190). Wien: Edition Exil. (In German).
- Šilhavá, G. (2020). Themen und Symbole in den Werken von Stanislav Struhar [Themes and Symbols in the Works of Stanislav Struhar]. In J. Demčíšák & M. Hornáček Banášová (Eds.), *Germanistische Forschungsfragen in Trnava, Ústí nad Labem und Wrocław II* [German Studies Research Questions in Trnava, Ústí nad Labem and Wrocław II] (pp. 73–83). Leipzig: Leipziger Universitätsverlag. (In German).
- Šilhavá, G. (2021). Migrationserfahrungen und Positionierungen der Migranten in ausgewählten Werken von Stanislav Struhar [Migrant experiences and positioning of migrants in selected works by Stanislav Struhar]. In G. Schuppener, V. Jičínská, & M. Kałasznik (Eds.), *Germanistische Forschungsfragen in Trnava, Ústí nad Labem und Wrocław II* [German Studies Research Questions in Trnava, Ústí nad Labem and Wrocław II] (pp. 93–105). Leipzig: Leipziger Universitätsverlag. (In German).
- Struhar, S. (1999). *Der alte Garten: Gedichttrilogie* [The Old Garden: Trilogy of Poems] (J.-P. Abraham, Trans.). Linz, Wien: Resistenz-Verlag. (In German).
- Struhar, S. (2002). *Das Manuskript. Roman* [The Manuscript. Novel] (A. Leben, Trans.). Klagenfurt, Celovec: Drava. (In German).
- Struhar, S. (2004). *Opuštěná zahrada: Román* [The Abandoned Garden: A novel]. Praha: Volvox Globator. (In Czech).
- Struhar, S. (2005). *Eine Suche nach Glück: Roman* [A Search for Happiness: Novel]. Klagenfurt: Kitab-Verlag. (In German).
- Struhar, S. (2013). *Fremde Frauen: Zwei Erzählungen* [Strange Women: Two Narratives]. Klagenfurt, Celovec: Wieser. (In German).
- Struhar, S. (2014). *Das Gewicht des Lichts: Roman* [The Weight of Light: Novel]. Klagenfurt, Celovec: Wieser. (In German).

- Struhar, S. (2015). *Die vertrauten Sterne der Heimat: Roman [The Familiar Stars of Home: Novel]*. Klagenfurt, Celovec: Wieser. (In German).
- Struhar, S. (2016). *Farben der Vergangenheit: Erzählungen [Colours of the Past: Narratives]*. Klagenfurt, Celovec: Wieser. (In German).
- Struhar, S. (2017). *Die Verlassenen: Roman [The Forsaken: Novel]*. Klagenfurt, Celovec: Wieser. (In German).
- Struhar, S. (2018). *Die Gabe der Hoffnung: Roman [The Gift of Hope: Novel]*. Klagenfurt, Celovec: Wieser. (In German).
- Struhar, S. (2021). *Farben der Zukunft: Erzählungen [Colours of the Future: Narratives]*. Klagenfurt, Celovec: Wieser. (In German).
- Veran, T. (2009). *Někteří chtějí vždy znovu přijít [Some always want to come again]* (Stanislav Struhar, Trans.). Praha: Dolphin. (In Czech).
- Vlasta, S. (2016). *Contemporary Migration Literature in German and English: A comparative Study*. Leiden, Boston: Rodopi.
- Wonisch, R. (Ed.). (2008). *Tschechen in Wien: Zwischen nationaler Selbstbehauptung und Assimilation [Czechs in Vienna: Between national self-assertion and assimilation]*. Wien: Löcker. (In German).

REWRITING THE NATION: GERMAN-TURKISH TRANSFORMATIONS OF THE *BILDUNGSROMAN*

Lea Laura Heim

European University Viadrina. Frankfurt (Oder), Germany. Email: [euv153494\[at\]europa-uni.de](mailto:euv153494@europa-uni.de)

Abstract

Literatures arising in the context of migration and cultural contact are known to provoke the nationally confined canonisation of literature. While the view that so-called 'migrant literature' does belong to German literature and culture is widely established within recent scholarship, the literary means of claiming space in the national canon are still an under-researched topic. The purpose of the study is to analyse the literary means of claiming space in the national canon and thereby investigate the permeability of its boundaries. By rewriting a canonical genre of German literature, which is historically linked to the emergence of a sense of a national identity, the analysed German-Turkish texts are using the *Bildungsroman* as a frame of reference to articulate pluralistic national identities. They further inscribe historical representations that have been omitted from dominant historical discourse into the national cultural memory. While rewriting the genre, the texts participate in the actualisation of the *Bildungsroman* and thereby reposition its traditional boundaries. Finally, the novels express the need to renegotiate the concept of the nation as well as its demand for homogeneity.

Keywords

bildungsroman; border studies; genre studies; german-turkish literature; historiographic metafiction; migration literature; mimicry; nation; national canon; rewriting

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ПЕРЕПИСЫВАЯ НАЦИЮ: НЕМЕЦКО-ТУРЕЦКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ РОМАНЕ

Хейм Леа Лаура

Европейский университет Виадрины. Франкфурт-на-Одере, Германия.
Email: euv153494@europa-uni.de

Аннотация

Литературные произведения, возникающие в контексте миграции и культурных контактов, как известно, провоцируют национально ограниченную канонизацию литературы. В то время как мнение, что так называемая «литература мигрантов» действительно принадлежит к немецкой литературе и культуре, широко утвердилось в недавних исследованиях, литературные средства, используемые для того, чтобы претендовать на место в национальном каноне, все еще остаются малоисследованной темой. Наша цель – проанализировать литературные средства утверждения места в национальном стандарте и тем самым исследовать проницаемость его границ. Переписывая канонический жанр немецкой литературы, который исторически связан с возникновением чувства национальной идентичности, проанализированные немецко-турецкие тексты используют *Bildungsroman* (роман воспитания) как основу для выражения плюралистических национальных идентичностей. Они также вписывают исторические представления, которые были исключены из доминирующего исторического дискурса, в национальную культурную память. Перелагая жанр романа воспитания, тексты участвуют в его актуализации и тем самым меняют его традиционные границы. Наконец, романы выражают необходимость пересмотреть концепцию нации, а также ее требование однородности.

Ключевые слова

роман воспитания; пограничные исследования; жанровые исследования; немецко-турецкая литература; историографическая мета-художественная литература; миграционная литература; мимикрия; нация; национальный канон (стандарт); переписывание (переложение)

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

INTRODUCTION

The feeling or awareness of belonging to a group is a crucial factor in establishing an identity. A sense of identity develops through the distinction towards other groups. Therefore, in addition to belonging, exclusion must be considered as well when analysing the formation of identities. When imagining and constructing national identities, processes of demarcation also take place through socially and culturally constructed boundaries towards marginalised groups within a society. This is also reflected in the constitution of a national canon, from which literatures of migration have traditionally been excluded. To investigate how permeable the boundaries of a nationally confined canon are, literary means that confront and oppose this marginalisation are at the centre of this article.

Many Turks came to the Federal Republic of Germany in line with the bilateral agreements arranging the recruitment of foreign workers to meet the shortage of labour force after World War Two. Contributing significantly to the so-called 'Wirtschaftswunder', the migrant workers were joined by political refugees in the 1980s and 1990s fleeing the Turkish military and right-wing regimes. Today, Germany has the largest Turkish diaspora, including a rich tradition of German-Turkish literature that the analysed texts are part of.

Aysel Özakin's *Die blaue Maske* (1989) (*The Blue Mask*) and Emine Sevgi Özdamar's *Die Brücke vom Goldenen Horn* (1998) (*The Bridge of the Golden Horn*) will be discussed as transformations of the *Bildungsroman*. Both texts employ female protagonists who migrate from Turkey to Germany and are active in the New Left.

Apart from a shared culture of remembrance, it is especially the stories and, therefore, also literary narratives which contribute to the imagination of a national community (Brennan, 1990, p. 49).¹ The *Bildungsroman* is of particular importance to the German context, as the emergence of the genre at the end of the 18th century, as well as the associated idea of a *Kulturnation*, are closely linked to the development of a German national identity (Gutjahr, 2007, p. 18).

Based on the methodical premise of understanding genres as active classification systems with modifying boundaries, this study aims to examine the literary means by which the discussed novels inscribe themselves into the canonical genre of the *Bildungsroman* and thereby shift and blur its traditional boundaries. Furthermore, it will be discussed how the texts demand

1 The fact that national communities are imagined was prominently depicted by Benedict Anderson (2006).

discursive participation on an artistic and aesthetic level and thereby claim space in the national literature and cultural canon.

COSMOPOLITANISATION OF GERMAN LITERATURE AND CULTURE THROUGH GERMAN-TURKISH TEXTS

‘Guestworker literature’ and ‘literature of the affected’, minority literature, multi-, inter-, or transcultural literature, the attempts to adequately label the texts written by authors with migration background or experience in relation to German literature are numerous. Above all they refer to their exclusion from a canon, which is determined by national boundaries. The increasingly established term of ‘migration literature’ continues to attribute a special status to the respective texts within the national literature, which a majority of authors perceive as inappropriate and as a means of stigmatisation (Grjasnowa, 2019, p. 135).

Following the expanded possibilities of publication created by a number of newly founded left-wing publishing houses in the 1960s and 1970s (Sievers, 2008), research on ‘migration literature’ started to develop in the 1980s and 1990s in the Federal Republic of Germany and more so in the USA.¹ The texts were initially perceived to be socio-historical documents, and it was only in the 1990s that their aesthetic potential started to be of interest. Subsequently, the positive effects of migration and multilingualism were increasingly highlighted when dealing with such texts. Since the beginning of the new millennium, research that emphasises the belonging of ‘migration literature’ to the German national literature has increased (Esselborn, 2009).² Commercial and competitive success with literary awards is a further indicator that ‘[i]mmigrant and ethnic-minority authors and their texts have arrived at the centre of the German literary field’ (Sievers & Vlasta, 2018, p. 248).

An initial male dominance in the area of German-Turkish literature has been evened out since the 1980s, and we are now looking at a body of texts that is plentiful in number and variety of thematic and stylistic orientations. Accordingly, Leslie A. Adelson (2005) has proclaimed a *Turkish Turn in Contemporary German Literature*, which has been developing since the 1970s and manifested more broadly in the 1990s.³ Rather than locating migrants

1 It should be noted here that ‘migration literature’ as such did not exist in the German Democratic Republic. This relates to the comparatively lower migration rate and to the fact that corresponding texts were not perceived to be ‘migration literature.’ It should also be added that despite a longer history of migration to Germany, ‘migration literature’ was only recognised as a phenomenon after the post-war work immigrations had taken place (Sievers & Vlasta 222f.).

2 For an extensive overview of respective research see Sievers & Vlasta (2018).

3 In reference to Adelson, Brigid Haines (2008) proclaims an Eastern Turn in German literature, following the increasing number of publications by authors from Eastern Europe and former Yugoslavia in German. She as well argues that ‘this literature cannot be considered “other”, or

between two worlds, Aldersons develops the concept of *touching tales*, describing 'literary narratives that commingle cultural developments and historical references generally not thought to belong together in any proper sense' (Adelson, 2005, p. 20).¹ She perceives literatures of Turkish migration to be an integral part of German literature and stresses their role in shaping and transforming the German cultural memory through their 'labor of imagination' while at the same time describing a shared future for Turkish and German culture (Adelson, 2005, pp. 12-14).

Tom Cheesman (2007, p. 12) also argues against the paradigm of the in-between. Following Ulrich Beck (2002), Cheesman (2007, p. 12) recognises a 'cosmopolitanisation' of German society. German-Turkish literature, in his view, arises from this 'cosmopolitanisation' while at the same time advancing it. In accordance with the study's title, *Novels of Turkish German Settlement*, Cheesman (p. 12) argues that "'Turkishness" is intrinsic to the evolving "Germanness"' and thereby points to the need to reconsider what 'German-ness' comprises of. He further exemplifies the growing diversity of German-Turkish literature regarding style, genre and content and points to the specific intertextual traditions developed.

Michael Hofmann (2013) goes one step further in the transnationalisation of German literary studies by proposing a German-Turkish literary criticism. Using a comparative approach, he establishes links between German, Turkish and German-Turkish literary texts and further analyses them through a cultural studies perspective.

In her study *Rewriting Germany from the Margins*, Petra Fachinger (2001) focuses on how respective literary texts use the mode of an 'oppositional aesthetic' to write their versions of Germany and national identity while at the same time rejecting their own marginalisation. Similarly, Tina Hartmann (2021) states that respective texts inscribe themselves into the canon and the literary centre from the societal margins and defines the German language to be the decisive marker for belonging to the national literature.

Therefore, a recognisable tendency in recent research is to consider literary texts that emerge in the context of migration and cultural contact to be part of the national canon rather than placing them outside or at the margins of German literature. However, the literary means of claiming space and shifting the boundaries of German literature as well as the participation of these texts in shaping and transforming the dominant discourse and society have not been studied exhaustively.

marginal to German-language literatures, but is part of them' (p. 142).

REWRITING AS A BOUNDARY SHIFTING LITERARY STRATEGY

The emergence of the *Bildungsroman* at the end of the 18th century can be linked to the historical specificities of political fragmentation and particularism in German-speaking territories at the time. In light of the lack of state unity, the desire for a German national identity manifested itself in the idea of a *Kulturnation*, which also emerges in Goethe's *Wilhelm Meisters Lehrjahre* (1795/96), generally perceived to be the founding text of the genre. Todd Kontje (2019) affirms the continuity of the *Bildungsroman* and proclaims its continuous significance in constructing a German national identity. And although genre theories lead a rather neglected existence in present literary criticism, the *Bildungsroman* has been able to maintain its relevance as a genre in recent research, which primarily deals with its contemporary modifications and innovations.¹

In his essay, *The Law of Genre*, Jacques Derrida (1980) confirms the existence of genres for one thing while at the same time describing the impossibility to adhere to their borders. Disruptions and impurities interfere with the boundaries of the genre and thereby unsettle the *law of genre* while reproducing it at the same time. This paradox situation stems from the fact that the *law of genre* is based on a *counter-law*, a 'principle of contamination, a law of impurity, a parasitical economy' (Derrida & Ronell, 1980, p. 59). Regarding texts and genres, Derrida, therefore, speaks of a 'participation without belonging' (ibid.). Every text participates in one or more genres 'yet such participation never amounts to belonging' (ibid., p. 65). He further discusses how the definitions of genres change over time and closes with a note on the subjectivity of taxonomies (ibid. p. 67 and 81). This also points to their historicity, which encouraged Ralph Cohen (1986) to jointly think of *History and Genre*.

Cohen understands the grouping of texts to a genre as a process that is influenced by the historical conditions and the intentions of the respective scholars (Cohen, 1986, p. 88). He is interested in the ways texts change a genre while still being associated with it as well. Cohen states that it is necessary to comprehend the process of change of a genre in order to understand its continued existence. He understands genres as historically constructed assumptions that pursue a social and an aesthetic purpose.

1 The recent comprehensive study *A History of the Bildungsroman* (Graham, 2019) is one example of the numerous renewals and the diversity of the genre. Apart from articles on more traditional forms such as the British, the French or the American *Bildungsroman*, the volume also includes contributions about postcolonial and LGBTQ* variants of the genre and alterations for children and adolescent or graphic novels.

‘Groupings arise at particular historical moments, and as they include more and more members, they are subject to repeated redefinitions or abandonment’ (Cohen, 1986, p. 95).

Genre modifications can therefore be read as an expression of societal change and historical processes. Accordingly, in this study, genres are not understood as closed and static entities but as open categorisations that express social-historical processes and allow for change. Understanding genres as active classification systems with modifying boundaries allows to detach the *Bildungsroman* from its original context and apply it in different cultural and periodical backgrounds.

The concept of rewriting offers a suitable method to examine which elements of the traditional *Bildungsroman* are being transformed in the discussed novels and therefore receive new meanings. Rewriting is understood as a counter-discursive writing and analysis concept, which changes or rewrites pretexts and thereby constructs a counter (hi)story. The appropriation of a genre is one form of rewriting, which holds marginalised voices against Eurocentric and hegemonic systems of representation, knowledge and thought (Osthues, 2017).

DOUBLED MIMICRY: AYSEL ÖZAKIN’S *DIE BLAUE MASKE* AS AN IMITATED *BILDUNGSROMAN*

Aysel Özakin, born 1942 in Urfa, was an established writer before coming to Germany as a political refugee following the military coup in Turkey in 1980. Compared to the short time that Özakin spent in Germany, her texts had a relatively significant impact in Germany (Adelson, 1997, p. 311).¹ Originally published in Turkish as *Mavi Maske* a year before the German translation *Die blaue Maske* (*The Blue Mask*) by Carl Koß appeared in 1982;² the novel follows a nameless first-person narrator on her journey from the Turkish province to Istanbul, Berlin and eventually Zurich, where she follows the traces and the husband of her old and by now deceased friend Dina.

The novel has been analysed regarding the hybridity of the protagonist’s identity (Wägenbaur, 1995), her double existence and belonging to two worlds (Brunner, 1999, p. 193) and how it possibly sustains a victimising discourse around stereotypical images of the oppressed, Muslim woman (Mani, 2003; Wierschke, 1996). Azade Seyhan reads the text in the tradition of the *Bildung-*

-
- 1 Özakin felt her literary freedom constrained by the presuppositions of the German literary scene, expecting her work to deal with migration in one way or another and therefore left Germany to live in Cornwall in 1990 (Wierschke, 1996, p. 42).
 - 2 Direct quotations from this edition will be my own translations and the citations will be identified through the acronym BL followed by the page number.

sroman and states that it incorporates 'larger issues of exilic consciousness, the birth pangs and trauma of the women's movement of the 1960s and 1970s, and the radical reimagining of the state of nation' (Seyhan, 2001, p. 127).

Henckmann (1997, p. 47) analyses the novel regarding its doppelgänger motif and observes it as a problem of demarcation and menacing disintegration connected to a feeling of the uncanny as it involves an experience of the self as part of the Other and vice versa.¹ Doublings are a central motif in Özakin's novel, and they evoke the notion of mimicry coined by Homi K. Bhabha. In the colonial context, mimicry describes the mutual desire for the colonised to imitate the coloniser to seemingly stabilise the authority of the former and to overcome the inferiority of the latter (Hermes, 2017, p. 185). Bhabha (1994, p. 122) describes it as 'the desire for a reformed, recognisable Other, *as a subject of a difference that is almost the same, but not quite*.' Therefore, an ambivalence is inherent to the concept since, 'in order to be effective, mimicry must continually produce its slippage, its excess, its difference' (Bhabha, 1994, p. 122). This difference stabilises the power relations but threatens them at the same time since the void between the original and the imitation opens up unconscious spaces of resistance and agency.

'The ambivalence of colonial authority repeatedly turns from *mimicry* – a difference that is almost nothing but not quite – to *menace* – a difference that is almost total but not quite' (Bhabha, 1994, p. 131).

The apparent adaptation to the authoritarian discourse through mimicry can be transferred to Özakin's text in two ways, namely to the scope of the figures and to the form of the texts. The protagonist is an author and her identity search begins during a book tour in Zurich. The form of the *Bildungsroman* is evoked by the travel motif and by the parallel narrative structure that oscillates between a framing story set in the narrator's experienced present and flashbacks into her past (Gutjahr, 2007, p. 48). The first-person narrator comments retrospectively on her own development from a married teacher and mother in the Turkish province to a single mother in Istanbul, who ultimately lives alone as an author in Berlin. Her identity negotiation is embedded in the societal conditions of Turkey, Germany, and Switzerland. The form of the *Bildungsroman* is thus mimicked without being a complete imitation but rather a resemblance engendering a difference (Bhabha, 1994, p. 128).

1 Bhabha also refers to Freud's psychoanalytical concept of the uncanny to express the inevitable ambivalence of our multicultural world. The nation as a place of comfort and belonging interlaces with the uncanny and the menace emanating from the cultural Other. Bhabha further acknowledges that the Other cannot be located outside of the self but is always part of any cultural system and the discourse determined by this system (Bronfen, 2000, pp. X-XI).

In Zurich, the protagonist runs into the husband of her friend Dina and learns that she has passed away. That triggers a process of a reminiscent quest, which leads to a doubling of the *Bildungs*-narrative. The narrator recounts her development as a young woman in Turkey and also searches for her current self. 'I imagine I'll meet myself soon as I get out of this labyrinth, my other, my changed self' (BL, p. 128).

The wedding as a typical ending, especially for the female *Bildungsroman*, is anticipated as failed in Özakin's text (Felski, 1989, p. 125). The reader learns that the protagonist was a married woman and employed as a teacher in the Turkish province. Using all her energy to meet the expectations of being an exemplary teacher and housewife while she really wants to be a writer (BL, p. 12), she hopes that her pregnancy will defeat the contradiction she carries inside (p. 14). When she told her husband about her wish to write, he advised her to do so but to leave her life as it is (p. 13).

It is at the beginning of her pregnancy that she meets Dina, the embodiment of a *femme fatale*,¹ who belongs to a Europeanised and urban upper-middle-class intellectual environment which the protagonist desires to be part of. Remembering how Dina names her Natasha in reference to Chekhov's *Three Sisters* when they first meet, the protagonist recounts:

'I felt that I really wanted to become someone else, to create a different life for myself' (BL, p. 18).

Like the identity search in the present, her initial development path in the past is also induced by a journey and an encounter with Dina. Throughout the novel, Dina is the point of reference that the protagonist compares herself to (Henckmann, 1997, p. 54). This becomes apparent when she feels the need to prove her new life beyond marriage and province to Dina (BL, pp. 130-31) or when she remembers: 'I wanted to write exactly like her, should I ever make it at all' (p. 182). That the desire for imitation is mutual becomes apparent when Dina suggests that the protagonist is wasting her youth and talent in the province, that she should stay in Istanbul to have an abortion and accompany her to live in Europe (BL, pp. 19-21).

Initially, Dina epitomises a westernised, liberated lifestyle and the urban intellectual class, something the protagonist strives to be part of. 'I didn't want to be like the common folk, I wanted to get out of it' (BL, p. 54). Dina becomes a projection surface for the protagonist's wish to escape her

1 Hanson and O'Rawe (2010, p. 1) state that the *femme fatale* 'is always beyond definition' and point to an aura of uncertainty and mystery surrounding such characters. This also applies to Dina, as she remains impalpable and secretive for the protagonist as well as for the reader. Classical attributes associated with a *femme fatale*, such as having a narcissistic attitude, being hypersexual and seductive and ultimately causing distress for people who get involved with her can be attributed to Özakin's construction of Dina as well.

monotonous daily life and to live as an emancipated woman amongst leftist intellectuals, which is what she eventually does.

After leaving her marriage, the protagonist engages in a secret affair with the married communist activist Musa, which lasts for six years. Musa is pictured as someone who exploits the discourse of sexual liberation within the Left for his personal pleasure. The relationship reveals a strong inner conflict about her womanhood and her position as a woman in the Left and further discloses the external pressure the protagonist experiences. She is aware of the changed social expectations towards women in her new urban leftist intellectual environment and translates them into self-expectations, though having trouble complying with them. When recounting a memory of going home with Tekin, a man she sees after her affair with Musa has ended, the narrator reflects: 'I did not hesitate like one from the provinces and did not coquet about like a slut' (BL, p. 137). The new environment leads the protagonist to carry out a hyper-aware self-monitoring. How difficult it is to meet the fine line of acting sexually liberated but not inappropriate to the social norms becomes apparent when the protagonist attempts to claim sexual liberation for herself. She articulates wanting to meet other, unmarried men, and Musa tells her in response that she has 'something of a tart' about her (BL, p. 44). This passage underlines the patriarchal appropriation of sexual liberation as a male privilege and reinforces her inner struggle of being between two extremes, 'I wanted to be an independent woman and was yet perceived as a whore' (BL, p. 46). Accordingly, the narrator notes how the individual development is inextricably embedded in the social environment: "One cannot think of people detached from society" (p. 135). The novel hence takes up the aspiration of the *Bildungsroman* to recount the development of an individual in close examination with the societal order (Gutjahr, 2007, p. 8).

The desire to imitate Dina is repeated in the narrated present, although the friends had grown apart when living in Berlin, mostly due to Dina envying the protagonist's success with writing (BL, p. 81). Through remembering the deceased friend, the conflict of the fitting of her inner and outer world is replicated in the present. It becomes apparent that by exploring Dina's past, the protagonist is actually searching for her own true self. This doubled identity search climaxes in the enhanced mimicry of Dina during the carnival in Zurich. 'Act like Dina, I whisper to myself, stop caring what others might think' (BL, p. 106). This repeated mimicry affirms and stabilises the authority of Dina and her way of life and thereby figuratively a lifestyle associated with the West. At the same time, a reflection process is initiated.

In the flashbacks, the narrative process becomes a reminiscent one which allows the narrator to take on a critical and evaluating distance. Therefore, the idealised image of her friend that was formative to the protagonist's first development path is complemented in retrospect with Dina's failures. Memories of her suicide attempt at a young age (BL, p. 76), her multiple stays in psychiatric clinics (p. 190), her 'melancholy and loneliness' (p. 182) and her envy about the successful protagonist destabilise the authority that is initially attributed to Dina's identity.

Bhabha (1994, p. 80) describes mimicry also as a 'secret art of revenge' so that with an increasing demystification of Dina's lifestyle, a new function is ascribed to the imitation.

'Tonight! I want to transform myself into Dina, into Dina, who despised me for my feminine restraint and take revenge for this disdain!' (BL, p. 163).

The life paths of the friends, especially their dealings with men, are juxtaposed in hindsight. The inherent ambiguity of Dina's representation allows for a subsequent revaluation of her once idealised lifestyle, whereby Weber (2009, p. 65) notes the narrator's tendency to devalue Dina's story in favouring her own. Through the simultaneous urge to again mimic Dina, an ambivalence occurs, which indicates that the protagonist admits the Other, which can never be located outside of us (Bronfen, 2000, p. XI), a place in her self. 'Carnival, where the mask and suppressed self become one' (BL, p. 163). The protagonist starts to talk in her friend's voice (p. 165). When wearing the title giving blue mask, Dina's husband compliments her and calls her a *femme fatale*, invoking the imagery connected to Dina. (p. 171). Therefore she indeed 'almost but not quite' (Bhabha, 1994, p. 129) becomes Dina.

Struve (2017, p. 18) notes that Bhabha's concept of mimicry holds the possibility of agency and that this empowerment is possible not in spite but because of the presence of the Other within the self. The mimicry through the mask is setting the protagonist in strangeness to herself, which allows her to access her self and her Other, leading to the demasking of any homogeneous identity constructions. The protagonist eventually frees herself from the desire of the mimicry and takes the mask off (BL, p. 196).

It is indicated that the protagonist went through a second development path and validated her identity, at least temporarily, beyond the mask and the overpowering role model Dina. The protagonist decides to leave Zurich but is uncertain where to (BL, p. 195). The open ending of the text refers to the development of identity as something processual and open, as a 'continued journey' (Weber, 2009, p. 73). The classical structure of the protagonist's final societal reintegration in the traditional *Bildungsroman*

is thereby subverted. At the end of her journey, there is no closed or fixed identity but the discovery of a self that is accepting of its contradictions.

The protagonist's personal conflict around a coherent self is framed by an identity crisis of the Turkish nation. 'The Turkish society is not consolidated; it has not found itself yet' (BL, p. 188). After the founding of the Turkish Republic in 1923, Mustafa Kemal Atatürk mandated numerous reforms to establish a secular, westernised nation-state. Reiterated by prime minister Adnan Menderes, who announced in 1950 that he would turn Turkey into a 'little America' (Schonfield, 2015, p. 70), Özakin's text depicts the imitation of the West as a point of conflict within the Left, expressed in dialogues unassociated to any characters. 'Turkish intellectuals are on their own. They can neither identify with the Orient nor with the Occident'.

'We don't have any alternative to the westernisation'. 'The West disdains us because we're imitating it' (BL, p. 188-89; see also pp. 53-54 and p. 139).

The identity crisis of the nation resembles the protagonist's own struggle to navigate between mimicking western ideals and fulfilling (self)expectations. Therefore, her journeys of development are permeated by a layer that surpasses the personal.

The national crisis culminates in the 1980 military coup resulting in the political persecution of the protagonist and her emigration to Berlin. This explains the impossibility of a traditional *Bildungsroman* ending, as 'for the "exiled" hero/ine, there is no return' (Seyhan, 2001, p. 127). Her affiliation to the Left is an important identity marker for the protagonist. As it becomes the reason why the motherland is rejecting her, Turkey becomes a 'lost nation' (Seyhan, 2001, p. 134). The memory of her deceased friend's life, which was marked by mental illness, is therefore framed by a 'psychosocial biography of the homeland' (ibid.).

The doubled mimicry can be located in the characters as well as on the formal level. The protagonist draws her strength and agency from the difference produced when mimicking Dina since '[m]imicry conceals no presence or identity behind its mask' (Bhabha, 1994, p. 126). The protagonist rather develops a way of life that resembles Dina's but goes beyond that. This becomes most apparent in her desire to mimic Dina's writing but eventually creating her own style that proves to be more successful.

'She embarrassed me with her free, modern and adventurous life, whereas I awoke her doubts through my grounded being' (BL, p. 182).

'The *menace* of mimicry is its *double* vision which in disclosing the ambivalence of colonial discourse also disrupts its authority' (Bhabha, 1994, p. 126).

The doubled mimicry reveals the ambivalence of the western dominance on a personal and a political level and fractures its authority to an extent on a personal level. The protagonist finds access to the uncanny in herself and thereby disturbs the demand of a homogeneous subject inherent to the nation. Through mirroring the identity crisis and the mimicry on the level of the nation, the text can be interpreted as a plea against exclusion and discrimination. This is especially articulated in the updated scheme of the *Bildungsroman* since the traditional return and societal reintegration of the heroine is prevented precisely because of such exclusions.

Özakin's mimicry of the *Bildungsroman* proves to be an effective rewriting strategy, as the imitation produces a difference, which rebuts the Euro- and androcentrism of the traditional form. Text and author claim space in the national canon by appropriating the genre while at the same time shifting their traditional boundaries.

HISTORIOGRAPHIC METAFICTION: EMINE SEVGI ÖZDAMAR'S *DIE BRÜCKE VOM GOLDENEN HORN* AS A PARODISTIC *BILDUNGSROMAN*

Emine Sevgi Özdamar was born in 1946 in Malatya and initially moved to Berlin as a factory worker for two years in 1965. She then completed training as an actress in Istanbul and left Turkey again for Germany after the 1971 military coup. Özdamar's texts have been awarded several prizes, translated into many languages and researched extensively.¹ Analyses of her work tend to focus on the hybridity of its language and the textual strategy of literal translation (see e.g. Ergin, 2013; Seyhan, 2001; Yildiz, 2012) and further prioritise the transnational and intercultural quality of her texts, emphasising the multi-layered identities presented, which are constructed within a pluralistic understanding of cultures (see e.g. Boa, 2006; Brunner, 2003; Ege, 2016; Johnson, 2001; Krause, 2000).

The plot of *Die Brücke vom Goldenen Horn* (*The Bridge of the Golden Horn*) is set between 1966 and 1975 and is mainly located in Berlin, Istanbul and Paris, cities in which the nameless first-person narrator discovers communism and her sexuality and follows her wish to become a theatre actress.² The individual formation of the protagonist is embedded in the political events of the time and is narrated against the backdrop of the New Left movement and the Turkish military coup of 1971. Both Beverly Weber (2010) and Ortrud Gutjahr (2007) have interpreted the novel as a sexual coming-of-age narrative and an intercultural *Bildungsroman*, respectively.

1 For a selective bibliography see Dayıoğlu-Yücel (2016).

2 I will use the English translation by Martin Chalmers (Özdamar, 2007) and direct quotations will be identified by the acronym GH followed by the page number.

Elizabeth Boa (2006, pp. 536-37) describes the protagonist in reference to Goethe and Grimmelshausen as 'Wilhelmine Meister' and 'Simplicissima', evoking both the genre of the *Bildungsroman* and the picaresque novel. This points to the parodistic character of the text, which is reinforced through its ironic-picaresque narrative style.

The parody of the *Bildungsroman* and the numerous intertextual references point to a certain metafictionality inherent to the novel. Paired with the many historical references occurring in the text, this evokes Linda Hutcheon's concept of historiographic metafiction. Historiographic metafiction means the reworking of the past through intertextual parody so that the respective texts are 'at once metafictional and historical in its echoes of the texts and contexts of the past' (Hutcheon, 1989, p. 3). Preoccupied with the question of how we come to know our past in the present, Hutcheon (1989, p. 10) makes a connection to the literary, as 'we can only "know" that past today through its texts' and further challenges the possibility of objective historical knowledge and true meaning.¹

To finance her visit to drama school, Özdamar's protagonist decides to find work in Germany. Therefore the novel starts off with a journey, a topos typical to the genre of the *Bildungsroman*. The protagonist has three ambitions, according to Boa (2006, p. 535):

'to read, write and perform linguistically; to lose her virginity; to become politically active.'

Even though negated by Özdamar herself (Gutjahr, 2008), the secondary literature has repeatedly suggested that her work has an autobiographical foundation (Boa, 2006; Gutjahr, 2016; Hofmann, 2006). In an interview, Özdamar said that when writing 'one is always using masks and one figure always has three figures inside, you take one from life, one from the theatre, one from the film and out of it becomes one figure' (Wierschke, 1996, p. 252, my translation). This technique of layering reality and fiction is recognisable in some of the novel's characters who are inspired by real persons, such as the communist hostel warden who introduces her to Brecht and the Berliner Ensemble (Horrocks & Kolinsky, 1996, p. 45) or a lover who studied film with Pasolini and with whom she lived in a film-commune (Dayioğlu-Yücel & Özdamar, 2016, p. 81). To the question of whether her novel is very authentic, Özdamar answered:

'Yes, of course, one says that even the most disguised figures in theatre are autobiographical. Of course, autobiographical things are always incorporated, but everything becomes an adventure' (Wierschke, 1996, p. 264, my translation).

1 When developing her concept, Hutcheon refers to Hayden White's (1974) claim that the writing of history is also a narrative act and that historical texts are always partly fiction.

Considering these remarks and the parallels between narrator and author, such as their affection for theatre, the migration to Germany and their political prosecution, allows the assumption that a doubling of the real and the fictional is also practised in writing the protagonist. The amalgamation of fiction with autobiographical and historical elements is assessed as a deliberately employed literary means. The text thereby situates itself in a historical discourse without giving up its autonomy as fiction (Hutcheon, 1989, p. 4). The mode of the historiographic metafiction allows for a subjective but authenticated female perspective on the work migrations to Germany and the New Left.

The protagonist takes on a factory job in Berlin and lives in a hostel so that in addition to her personal experience, the stories of other female workers from Turkey are narrated as well. This purveys a broader impression of Turkish migrant women in Germany, for example, when the protagonist recounts her housemates' reasons for relocating. There are two lesbian cousins who want to go to university after working in the factory (GH, p. 11); there is Rezzan who, like the protagonist, wants to become an actress (p. 13); a woman who is earning money for a plane ticket to the U.S. to get married to an American soldier, and another who needs money for a breast reduction (p. 18). These are depictions of independently acting women who are in control of their lives. The text thereby offers a representative counterweight to the prevailing view that hardly any female workers came to Germany in the 1960s and 1970s and if they did only as part of a family reunion (Weber, 2010, p. 39).

Apart from recounting her own experiences with men, the narrator recounts those of other Turkish women as well. It is for example, when she remembers how Angel loses her virginity (GH, p. 42). She further describes the contradictions among the women in the hostel. While 'Rezzan and Gül went into the night with Mobil Oil and Salim, drank Coffee in the Old Vienna early in the morning and came straight to the factory from there' (p. 63), another group of women warns them "You'll end up whores!" (p. 25) when they go out.

In the public and academic discourse in Germany at the time, a stereotypical representation of Turkish and German-Turkish women as oppressed by patriarchal family structures and male dominance executed in the name of Islam was prevalent. Such depictions construct Muslim women as the Other of the emancipated western woman, pointing to the 'irreducible ideological nature of every representation – of past or present' (Hutcheon, 2002, p. 51).¹

1 Examples of the prevalent stereotypical images of Turkish migrants in academic discourses mentioned by Weber (2010) are studies by Baumgartner-Karabak & Landsberger (1978) and Meske (1983). Both have the basic intention to improve the conditions for Turkish women in Germany but examine their lives with a western gaze, imposing West German feminist solutions and notions of

By centring female figures and constructing them as active and self-determined subjects, Özdamar's text conveys an alternative and broadened image of the heterogeneous Turkish migrant community in Germany in the late 1960s.

The protagonist's political formation provides an expanded female and transnational historical perspective on the New Left. The infusion of the text with external facts regarding Turkey's daily politics and Europe in the 1960s affirms the existence of official histories. Simultaneously, the authority of historical knowledge is challenged by adding a layer of subjectivity and personal experience, providing alternative representations of official histories. For instance, it is when the protagonist recounts the Berliner 1968 student movement's protest and adds that among them were also Turkish protesters. 'And soon I also got to know Turkish chickens, who walked with the German chickens on the streets and spoke the same chicken language' (GH, p. 119). Here, national affiliations are secondary; sharing the same 'chicken language' points to the common goals of anti-imperialism, anti-capitalism and anti-fascism of the political left.¹

The prevalent historical narratives situate the German New Left primarily in West German academic elites, and Ernest Schonfield (2015, p. 68) confirms: 'German historians have, until recently, neglected the theme of migrant political activism.' Özdamar's text provides a representation diverging from the mainstream by situating figures of the work migrations next to the usual prominent protagonists of the 1968 movement. References to fascist Spain under Franco, Greek communists fleeing the military junta, Che Guevara's death or the execution of Turkish student leader Deniz Gezmiş suggest the transnational character of the leftist movement, fighting a similar fight in different localities. Schonfield (2015, p. 67) reads Özdamar's novel in this context as 'bear[ing] witness to historical events which were shared across national boundaries.' The text incorporates intertextual references to Turkish and Ottoman literary traditions while at the same time referring extensively to a European cultural and literary canon. These 'intertextual echoes' (Hutcheon, 1989, p. 22) have a mediating and connecting function within the transnational leftist movement.

Apart from demonstrating the New Left's transnational interdependence, Özdamar also inscribes the perspective of a woman into the Turkish leftist movement. The novel is set within a period where the Turkish Left,

emancipation on them and thereby conveying an impression of German women saving their Turkish 'sisters.' Rita Chin (2010) discusses the relation of Turkish women with West German feminists regarding the economic interests of the latter's scholarly activity and the concurrent confirmation of their own manner of living as the more desirable and appropriate one.

1 Özdamar picks up the imagery of the speaker of the Berlin Senator Hanns-Peter Herz, who referred to student protesters as chickens in April 1967 ('Nein, nein, nein', 1967).

though fragmented, gained strength and influence until the 1980s coup prohibited all political activity and especially dispersed leftist organisations (Durgun, 2015). Women's rights, however, were omitted from the left agenda in Turkey. Before feminism was established as independent from any other political movement after the 1980s coup, the left-wing movement was shaped by a male framework, allowing women to participate in the greater socialist revolution but not granting any room to negotiate 'the women question' (Tekeli, 1995, p. 13). The male dominance of the Turkish Left is reflected, for instance, when the protagonist gets a somewhat patronising answer when asking the hostel warden if she can become a communist too – "Yes, Sugar, [...] Marx is too difficult for you, but perhaps you can read Engels" (GH, p. 67) – or when she remarks that no one asks her opinion when discussing political subjects (p. 178).

The protagonist is also confronted with the movement's claim of sexual liberation, a crucial point on the Left's agenda at that time. Declarations like '[f]rom now on we share everything. We want to sleep with her too' (GH, p. 237), point to the patriarchal reframing of increased sexual freedom as sexual availability for men. After her own sexual coming-of-age in Berlin and Paris, the protagonist tries to convince peasant women in eastern Turkey to use contraception and advocates for their right to orgasm (p. 210). She uses the space of the leftist groups to actually perform a specific gender identity by means of parody. Since the bars where leftists meet are male-dominated areas, her own presence reminds her of the sex workers called 'consumatrists', who are the only women around. By consciously acting out the role of a sex-worker, "I have come as a consumatrist" (p. 165), the protagonist humorously creates awareness towards the socially constructed restrictions functioning in a binary framework that regulates access to specific spaces.

By situating the protagonist within the Turkish Left, the novel contributes significantly to widening the discourse on women's roles in the movement. Pointing to the omission of women issues on their agenda, Fatma Berktaş (1995, p. 250) states that '[i]t is therefore difficult even to find adequate written documentation on the attitude of the Left to women before 1980.' Özdamar thus fills a gap by narrating a self-determined woman's individual development path within the Turkish Left. A characteristic of historiographic metafiction is to tell the stories of those whose voices were not heard during the depicted events (Hutcheon, 2002, p. 49) and to challenge the idea of objective knowledge by calling attention to the silenced histories by further asking which events of the past are given meaning by constructing them as facts (ibid., p. 54).

The protagonist's enthusiasm for theatre evokes the ideal to educate oneself through theatre, formulated in Goethe's founding text of the genre.

While the theatre is more of a transitional stage towards a new social role for Wilhelm Meister, Özdamar's protagonist is certain: "Theatre is my life [...]" (GH, p. 4). Leftist groups and cultural institutions experience brutal crack-downs in the course of the right-wing military coup in 1971 in Turkey so that the protagonist's way of life is profoundly disturbed. Her detention and the impossibility of performing on stage let her fall silent, and she eventually decides to go back to Berlin. The violence carried out in the name of the Turkish nation-state deprives the protagonist of living her identity. Therefore, the reintegration of the individual into society as the typical ending of the traditional *Bildungsroman* can not be realised. Emigration becomes a necessity in order to reclaim her language and thereby her artistic and political identity.

Overall, the text can be read as a parody of the traditional *Bildungsroman*. While the genre serves as a frame for the expansion of the national cultural memory, its parodistic appropriation serves as a literary strategy to claim space in the German national canon.

Intertextual parody of canonical classics is one mode of reappropriating and reformulating – with significant changes – the dominant white, male, middle-class, European culture. It does not reject it, for it cannot. It signals its dependence by its *use* of the canon, but asserts its rebellion through the ironic *abuse* of it. (Hutcheon, 1989, p. 12)

The text insists on its fictionality while intertwining with lived realities of the past. It therefore fills in a gap in the national cultural memory in respect to the work migrations and the leftist student movement from a female German-Turkish perspective. At the same time, women are inscribed in the biography of the Turkish Left. A parodistic rewriting can be understood as an ironic commentary, filling in the blind spots of the pretext (Osthues, 2017, p. 219). In this sense, the modus of the historiographic metafiction pervading the text provides a counter-(hi)story to the cultural hegemony of the German and European literary canon and thereby shifts and expands its boundaries.

CONCLUSION

This study aimed to identify literary means employed to oppose the exclusion or marginalisation of literatures of migration from the national canon. It was therefore analysed how the two discussed German-Turkish novels use the strategy of rewriting to inscribe themselves into the canonical genre of the *Bildungsroman*, demanding discursive participation on an artistic and aesthetic level, and thereby claiming space in the German canon while shifting its boundaries at the same time. Under the methodical premise of

understanding genres as active classification systems with modifying boundaries, two forms of rewriting could be identified, which both stand in a conflicting relation with the concept of the nation. While Özakin mimics the genre, Özdamar applies a parodistic rewriting to the *Bildungsroman*.

In Özakin's novel, the protagonist's mimicry of her friend Dina, who epitomises the western way of life, is mirrored on the level of the Turkish nation. Denoting how the dominance of the West permeates the personal and the political sphere, mimicry proved to be an effective strategy to undermine the authority of both Dina and the West. The protagonist is able to validate her identity temporarily by discovering the Other in her self and allowing for its presence. The conveyed processual construction of identity is disrupting the nation's desire of consistent and homogeneous subjects. Applied to the formal level of the text, mimicry turned out to be a fruitful form of rewriting, as the imitation produces a difference, which subverts the Euro- and androcentrism of the *Bildungsroman*, while still participating in the genre and hence contributing to its actualisation.

Özdamar's parodistic rewriting of the genre can be read as a complementary comment to the national cultural memory. The historiographic metafictional quality of the texts allows for it to maintain its authority as fiction while representing historical events at the same time. The recounts of the work migrations to Germany and the transnational leftist student movement are authenticated by the autofictional mode which is used as a deliberate literary strategy. Özdamar's text acknowledges the existence of official histories but simultaneously challenges the authority of historical knowledge by adding a layer of subjectivity and personal experience, providing historical representations that have been omitted of dominant historical discourses. As stated by Hutcheon (1989, p. 6), '[t]o parody is not to destroy the past; in fact, to parody is both to enshrine the past and to question it.' While the authors apply different forms of rewriting the *Bildungsroman*, the study shows that they both deny the protagonists the typical societal reintegration at the end of the novels. Fachinger (2001, p. 21) observes that the modification or omission of a classic genre component directs attention towards it and charges it with new meaning. In the classical *Bildungsroman*, society and its norms are approved by the successful reintegration of the hero (Moretti, 1987, p. 24). The subversion of the original plot structure therefore points to the repressive and exclusionary conditions of the homeland that makes the reintegration impossible. The nation is therefore not affirmed but critically questioned regarding its societal structures.

Although Özdamar's and Özakin's texts voice criticism towards the German society, it is primarily the Turkish nation that is condemned. The military coups depicted in both texts point to a violent crisis of the nation,

partially initiated by its lack of accepting the Other within the self. Both protagonists experience violence and oppression in the name of the nation, which leads to their emigration since they cannot live their identities. The novels question the original idea of the nation by criticising its claim for homogeneity. Instead of the homeland, they find alternative possibilities of belonging in political and artistic groups, which are characterised by openness and heterogeneity. The criticism and rejection of the idea of the nation is first and foremost to be understood as a plea for a diverse togetherness and parallel existence that speaks out against exclusion and discrimination.

Drawing on Victor Turner's re-discovery of the notion of liminality, initially developed in relation to rites of passage in tribal communities but extended in its application to entire societies, the concept has proven prolific for border studies (Thomassen, 2018). It 'captures in between situations and conditions characterized by the dislocation of established structures, the reversal of hierarchies, and uncertainty about the continuity of tradition and future' (Horvart, Thomassen, & Wydra, 2018, p. 2). Therefore, it can be argued that the German literary canon of the 1990s and early 2000s partially found itself in such a liminal state, as the belonging of texts arising in the context of migration and cultural contact was negotiated and discussed in the respective secondary literature.

By employing the literary means of rewriting, the studied texts inscribe themselves into the canonical genre of the *Bildungsroman* and hence claim space in German national literature. The discussed German-Turkish novels point to the continuous relevance of the *Bildungsroman* in constructing German national identities. At the same time, this leads to an ambivalence since the novels question national categories and refer to their potentially repressive characters. This again points to the notion of liminality and its inherent ambivalence. As a condition of the transitional, liminality threatens established hierarchies and structures but at the same time suggests 'a vital moment of creativity, a potential platform for renewing the societal makeup' (Mälksoo, 2018, p. 226). By reformulating and adapting the boundaries of the genre in a subversive way, the analysed texts express the need to renegotiate the nation as a concept as well as its demand for homogeneity. By voicing German-Turkish as well as other pluralistic identities and inscribing them into the national cultural memory and literary canon, the authors anticipate the societal shifts that led to the official recognition of Germany as a nation of immigration in 2001.

References

- Adelson, L. A. (1997). The Price of Feminism: Of Women and Turks. In P. Herminhouse & M. Mueller (Eds.), *Gender and Germanness. Cultural Productions of Nation* (pp. 305-319). Providence, Oxford: Berghahn Books.
- Adelson, L. A. (2000). Touching Tales of Turks, Germans, and Jews: Cultural Alterity, Historical Narrative, and Literary Riddles for the 1990s. *New German Critique*, 80, 93–124. doi: 10.2307/488635
- Adelson, L. A. (2003). Against Between: A Manifesto. *New Perspectives on Turkey*, 28–29, 19–36. doi: 10.1017/S0896634600006099
- Adelson, L. A. (2005). *The Turkish Turn in Contemporary German Literature. Towards a New Critical Grammar of Migration*. New York: Palgrave Macmillan.
- Anderson, B. (2006). *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* (Revised Ed). London, New York: Verso.
- Baumgartner-Karabak, A., & Landsberger, G. (1978). *Die verkauften Bräute. Türkische Frauen zwischen Kreuzberg und Anatolien [The Sold Brides. Turkish Women between Kreuzberg and Anatolia]*. Reinbeck: Rowohlt. (In German).
- Beck, U. (2002). The Cosmopolitan Society and Its Enemies. *Theory, Culture & Society*, 19(1), 17–44. doi: 10.1177/026327640201900101
- Berktaş, F. (1995). Has Anything Changed in the Outlook of the Turkish Left on Women? In Ş. Tekeli (Ed.), *Women in Modern Turkish Society. A Reader* (pp. 250–262). London: Zed Books.
- Bhabha, H. K. (1994). *The Location of Culture*. London, New York: Routledge Classics.
- Boa, E. (2006). Özdamar's Autobiographical Fictions: Trans-National Identity and Literary Form. *German Life and Letters*, 59(4), 526–539. doi: 10.1111/j.1468-0483.2006.00366.x
- Brennan, T. (1990). The national longing for form. In H. K. Bhabha (Ed.), *Nation and Narration* (pp. 44–70). London, New York: Routledge.
- Bronfen, E. (2000). Vorwort [Foreword]. In E. Bronfen, M. Kessler, P. M. Lützel, W. Graf Vitzthum, & J. Wertheimer (Eds.), *Die Verortung der Kultur [The location of the culture]* (p. IX–XIV). Tübingen: Stauffenburg. (In German).
- Brunner, M. E. (1999). Der Fremde erlaubt dir, du selbst zu sein, indem er aus dir einen Fremden macht: Ein Porträt der Autorin Aysel Özakin [The Stranger Allows You to Be Yourself by Making You a Stranger: A Portrait of Author Aysel Özakin]. *Arcadia*, 34(2), 189-204. (In German).
- Brunner, M. E. (2003). Literarische Mehrsprachigkeit und Transkulturalität. Der Dialog zwischen den Kulturen und das Echo von Mimikry und sprachlicher Hybridität im Werk deutsch-türkischer Autorinnen [Literary Multilingualism and Transculturality. The Dialogue between Cultures and the Echo of Mimicry and Linguistic Hybridity in the Work of German-Turkish Women Authors]. *Linguistica Antverpiensia, New Series—Themes in Translation Studies*, 2, 115-128. (In German).
- Cheesman, T. (2007). *Novels of Turkish German Settlement. Cosmopolite Fictions*. Rochester, New York: Boydell & Brewer, Camden House.

- Chin, R. (2010). Turkish Women, West German Feminists, and the Gendered Discourse on Muslim Cultural Difference. *Public Culture*, 22(3), 557–581. doi: 10.1215/08992363-2010-009
- Cohen, R. (1986). History and Genre. *Neohelicon*, 13(2), 87–105.
- Dayıoğlu-Yücel, Y. (2016). Auswahlbibliografie [Selection bibliography]. In Y. Dayıoğlu-Yücel & O. Gutjahr (Eds.), *Text+Kritik. Emine Sevgi Özdamar* (pp. 89–95). München: Richard Boorberg Verlag. (In German).
- Dayıoğlu-Yücel, Y., & Özdamar, E. S. (2016). ‘Das mutigste Mädchen, das diese steile Straße hochläuft’. Gespräch mit Emine Sevgi Özdamar über ihre Begegnungen mit Schriftstellern (August 2015) [‘The bravest girl walking up this steep road’. Interview with Emine Sevgi Özdamar about her encounters with writers (August 2015)]. In Y. Dayıoğlu-Yücel & O. Gutjahr (Eds.), *Text+Kritik. Emine Sevgi Özdamar* (pp. 80–88). München: Richard Boorberg Verlag. (In German).
- Derrida, J., & Ronell, A. (1980). The Law of Genre. *Critical Inquiry*, 7(1), 55–81. doi: 10.1086/448088
- Durgun, Ş. (2015). Left-Wing Politics in Turkey: Its Development and Problems. *Arab Studies Quarterly*, 37(1), 9–32. doi: 10.13169/arabstudquar.37.1.0009
- Ege, M. (2016). Stadt und Sprache als Transiträume bei Emine Sevgi Özdamar. Interkulturelle Einblicke in narrative Topografien [City and Language as Transit Spaces in Emine Sevgi Özdamar. Intercultural Insights into Narrative Topographies]. In Y. Dayıoğlu-Yücel & O. Gutjahr (Eds.), *Text+Kritik. Emine Sevgi Özdamar* (pp. 37–47). München: Richard Boorberg Verlag. (In German).
- Ergin, M. (2013). Emine Sevgi Özdamar’s Translingual Poetics in Mutterzunge. *Seminar: A Journal of Germanic Studies*, 49(1), 20–37. doi: 10.3138/sem.49.1.20
- Esselborn, K. (2009). Neue Zugänge zur inter/transkulturellen deutschsprachigen Literatur [New approaches to inter/transcultural German-language literature]. In H. Schmitz (Ed.), *Von der nationalen zur internationalen Literatur. Transkulturelle deutschsprachige Literatur und Kultur im Zeitalter globaler Migration [From National to International Literature. Transcultural German-Language Literature and Culture in the Age of Global Migration]* (pp. 43–58). Amsterdam, New York: Rodopi. (In German).
- Fachinger, P. (2001). *Rewriting Germany from the Margins. ‘Other’ German Literature of the 1980s and 1990s*. Montreal & Kingston: McGill-Queen’s University Press.
- Felski, R. (1989). The Novel of Self-Discovery: Integration and Quest. In *Beyond Feminist Aesthetics. Feminist Literature and Social Change* (pp. 122–153). London: Hutchinson Radius.
- Graham, S. (Ed.). (2019). *A History of the Bildungsroman*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Grjasnowa, O. (2019). Privilegien [Privileges]. In F. Aydemir & H. Yaghoobifarah (Eds.), *Eure Heimat ist unser Albtraum [Your homeland is our nightmare]* (pp. 130–139). Berlin: Ullstein fünf. (In German).

- Gutjahr, O. (2007). *Einführung in den Bildungsroman [Introduction to the Bildungsroman]*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Gutjahr, O. (2008). Emine Sevgi Özdamars Die Brücke vom Goldenen Horn. Ein interkultureller Bildungsroman [Emine Sevgi Özdamar's The Bridge of the Golden Horn. An Intercultural Bildungsroman]. In R. Riedner & S. Steinmann (Eds.), *Alexandrinische Gespräche [Alexandrian Talks]* (pp. 125–140). München: München Iudicium. (In German).
- Gutjahr, O. (2016). Inszenierungen eines Rollen-Ich. Emine Sevgi Özdamars theatrales Erzählverfahren [Stagings of a Role-It. Emine Sevgi Özdamar's theatrical narrative process]. In Y. Dayıoğlu-Yücel & O. Gutjahr (Eds.), *Text+Kritik. Emine Sevgi Özdamar* (pp. 8–18). München: Richard Boorberg Verlag. (In German).
- Haines, B. (2008). The Eastern Turn in Contemporary German, Swiss and Austrian Literature. *Debate: Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*, 16(2), 135–149. doi: 10.1080/09651560802316899
- Hanson, H., & O'Rawe, C. (2010). Introduction: 'Cherchez la femme'. In H. Hanson & C. O'Rawe (Eds.), *The Femme Fatale: Images, Histories, Contexts* (pp. 1–8). Houndsmills: Palgrave Macmillan.
- Hartmann, T. (2021). Deutsch als Literaturheimat. Warum Literatur multilingualer Autorinnen und Autoren einfach deutsche Literatur ist [German as a Literary Homeland. Why Literature by Multilingual Authors is Simply German Literature]. In D. Syrový (Ed.), *Discourses on Nations and Identities* (pp. 355–369). Berlin, Boston: De Gruyter. (In German).
- Henckmann, G. (1997). Wo Maske und unterdrücktes Ich eins werden' Zum Motiv der Doppelgängerin in Aysel Özakins Die blaue Maske [Where Mask and Repressed Ego Become One' On the Motif of the Doppelganger in Aysel Özakin's The Blue Mask]. In M. Howard (Ed.), *Interkulturelle Konfigurationen. Zur deutschsprachigen Erzählliteratur von Autoren nichtdeutscher Herkunft [Intercultural Configurations. On German-language narrative literature by authors of non-German origin]* (pp. 47–61). München: iudicium verlag. (In German).
- Hermes, S. (2017). Mimikry [Mimicry]. In D. Götsche, A. Dunker, & G. Dürbeck (Eds.), *Handbuch Postkolonialismus und Literatur [Handbook Postcolonialism and Literature]* (pp. 185–187). Stuttgart: Springer. (In German).
- Hofmann, M. (2006). Der verfremdete Blick des weiblichen Schelms: Emine Sevgi Özdamar als Erzählerin des Überschreitens [The alienated gaze of the female prankster: Emine Sevgi Özdamar as a narrator of transgression]. In *Interkulturelle Literaturwissenschaft. Eine Einführung [Intercultural Literary Studies. An introduction]*. Paderborn: Wilhelm Fink. (In German).
- Hofmann, M. (2013). *Deutsch-türkische Literaturwissenschaft [German-Turkish literary studies]*. Würzburg: Königshaus & Neumann. (In German).
- Horrocks, D., & Kolinsky, E. (1996). Living and Writing in Germany. Emine Sevgi Özdamar in Conversation with David Horrocks and Eva Kolinsky. In D. Horrocks & E. Kolinsky (Eds.), *Turkish Culture in German Society Today* (pp. 45–54). Providence, Oxford: Berghahn Books.

- Horvart, A., Thomassen, B., & Wydra, H. (2018). Introduction. Liminality and the Search for Boundaries. In A. Horvart, B. Thomassen, & H. Wydra (Eds.), *Breaking Boundaries. Varieties of Liminality* (pp. 1–8). New York, Oxford: Berghahn Books.
- Hutcheon, L. (1989). Historiographic Metafiction. Parody and the Intertextuality of History. In P. O'Donnell & R. C. Davis (Eds.), *Intertextuality and contemporary American fiction*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Hutcheon, L. (2002). *The Politics of Postmodernism*. Routledge.
- Johnson, S. (2001). Transnational Ästhetik des türkischen Alltags: Emine Sevgi Özdamar's Das Leben ist eine Karawanserei [Transnational Aesthetics of Turkish Everyday Life: Emine Sevgi Özdamar's Life is a Caravanserai]. *The German Quarterly*, 74(1), 37–57. doi: 10.2307/3072814. (In German)
- Kontje, T. (2019). The German Tradition of the Bildungsroman. In S. Graham (Ed.), *A History of the Bildungsroman* (pp. 10–32). Cambridge: Cambridge University Press. doi: 10.1017/9781316479926
- Krause, F. (2000). Shadow Motifs in Emine Sevgi Özdamar's Die Brücke vom Goldenen Horn: A Corrective to the Limitations of Current Debates on Inter-Cultural Issues. *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*, 8(1), 71–86. doi: 10.1080/713659892
- Mälksoo, M. (2018). The Challenge of Liminality for International Relations Theory. In A. Horvart, B. Thomassen, & H. Wydra (Eds.), *Breaking Boundaries. Varieties of Liminality* (pp. 226–243). New York, Oxford: Berghahn Books. doi: 10.1017/S0260210511000829
- Mani, V. B. (2003). The Good Woman of Istanbul: Emine Sevgi Özdamar's Die Brücke vom Goldenen Horn. In P. M. Lützel & S. K. Schindler (Eds.), *Gegenwartsliteratur. Ein germanistisches Jahrbuch. Schwerpunkt Multikultur [Contemporary Literature. A German Studies Yearbook. Focus on multicultural]* (pp. 29–57). Stauffenburg Verlag.
- Meske, S. (1983). *Situationsanalyse türkischer Frauen in der BRD [Situation Analysis of Turkish Women in the FRG]*. Berlin: EXpress Edition. (In German).
- Moretti, F. (1987). *Ways of the World. The Bildungsroman in European Culture* (A. Sbragia, Ed.). London: Verso.
- Nein, nein, nein [Der Spiegel]. (1967, June 4). Retrieved from <https://www.spiegel.de/politik/nein-nein-nein-a-92b28340-0002-0001-0000-000046251957?context=issue>
- Osthues, J. (2017). Rewriting. In D. Götsche, A. Dunker, & G. Dürbeck (Eds.), *Handbuch Postkolonialismus und Literatur [Handbook Postcolonialism and Literature]* (pp. 216–219). Stuttgart: Springer. (In German).
- Özakin, A. (1989). *Die blaue Maske [The blue mask]*. Frankfurt am Main: Luchterhand Literaturverlag. (In German).
- Özdamar, E. S. (2007). *The Bridge of the Golden Horn*. London: Serpent's Tail.
- Schonfield, E. (2015). 1968 and Transnational History in Emine Sevgi Özdamar's Die Brücke vom Goldenen Horn. *German Life and Letters*, 68(1), 66–87. doi: 10.1111/glal.12069

- Seyhan, A. (2001). *Writing Outside the Nation. Writing Outside the Nation*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.
- Sievers, W. (2008). Writing Politics: The Emergence of Immigrant Writing in West Germany and Austria. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 34(8), 1217–1235. doi: 10.1080/13691830802364817
- Sievers, W., & Vlasta, S. (2018). From the Exclusion of Individual Authors to the Transnationalisation of the Literary Field: Immigrant and Ethnic-Minority Writing in Germany. In W. Sievers & S. Vlasta (Eds.), *Immigrant and Ethnic-Minority Writers since 1945. Fourteen National Contexts in Europe and Beyond* (pp. 219–258). Leiden, Boston: Brill Rodopi.
- Struve, K. (2017). Homi K. Bhabha. In D. Götsche, A. Dunker, & G. Dürbeck (Eds.), *Handbuch Postkolonialismus und Literatur [Handbook Postcolonialism and Literature]* (pp. 16–21). Stuttgart: Springer. (In German). doi: 10.1007/978-3-476-05386-2_3
- Tekeli, Ş. (1995). Introduction: Women in Turkey in the 1980s. In Ş. Tekeli (Ed.), *Women in Modern Turkish Society. A Reader* (pp. 1–22). London: Zed Books.
- Thomassen, B. (2018). Thinking with Liminality: To the Boundaries of an Anthropological Concept. In A. Horvart, B. Thomassen, & H. Wydra (Eds.), *Breaking Boundaries. Varieties of Liminality* (pp. 39–58). New York, Oxford: Berghahn Books. doi: 10.2307/j.ctt9qcxbg.6
- Wägenbaur, T. (1995). Kulturelle Identität oder Hybridität? Aysel Özakins Die Blaue Maske und das Projekt interkultureller Dynamik [Cultural Identity or Hybridity? Aysel Özakin's The Blue Mask and the Project of Intercultural Dynamics]. *Zeitschrift Für Literaturwissenschaft Und Linguistik [Journal for Literary Studies and Linguistics]*, 25, 22–47. doi: 10.1007/BF03377216
- Weber, A. (2009). Im Spiegel der Anderen: Doppelbödige Spurensuche in Aysel Özakins Roman 'Die blaue Maske' [In the Mirror of Others: Double-blooded Search for Traces in Aysel Özakin's Novel 'The Blue Mask']. In *Im Spiegel der Migration. Transkulturelles Erzählen und Sprachpolitik bei Emine Sevgi Özdamar [In the Mirror of Migration. Transcultural Narrative and Language Politics in Emine Sevgi Özdamar's Work]*. Bielefeld: transcript. (In German).
- Weber, B. M. (2010). Work, Sex, and Socialism: Reading Beyond Cultural Hybridity in Emine Sevgi Özdamar's Die Brücke vom Goldenen Horn. *German Life and Letters*, 63(1), 37–53. doi: 10.1111/j.1468-0483.2009.01481.x
- White, H. (1974). The Historical Text as Literary Artifact. *Clio III*, 3, 277–303.
- Wierschke, A. (1996). *Schreiben als Selbstbehauptung: Kulturkonflikte und Identität in den Werken von Aysel Özakin, Alev Tekinay und Emine Sevgi Özdamar [Writing as Self-Assertion: Cultural Conflicts and Identity in the Works of Aysel Özakin, Alev Tekinay and Emine Sevgi Özdamar]*. Frankfurt: Verlag für Interkulturelle Kommunikation. (In German).
- Yeşilada, K. (1997). Die geschundene Suleika. Das Eigenbild der Türkin in der deutschsprachigen Literatur türkischer Autorinnen [The battered Suleika. The Self-Image of the Turkish Woman in the German-Language Literature of Turkish Women Authors]. In M. Howard (Ed.), *Interkulturelle Konfigurationen. Zur*

deutschsprachigen Erzählliteratur von Autoren nichtdeutscher Herkunft [Intercultural Configurations. On German-language narrative literature by authors of non-German origin] (pp. 95–114). München: iudicium verlag. (In German).

- Yeşilada, K. (2009). Nette Türkinnen von nebenan'—Die neue deutsch-türkische Harmlosigkeit als literarischer Trend [Nice Turkish Girls Next Door'—The New German-Turkish Harmlessness as a Literary Trend]. In H. Schmitz (Ed.), *Von der nationalen zur internationalen Literatur. Transkulturelle deutschsprachige Literatur und Kultur im Zeitalter globaler Migration [From National to International Literature. Transcultural German-Language Literature and Culture in the Age of Global Migration]* (pp. 117–142). Amsterdam, New York. (In German).
- Yildiz, Y. (2012). *Beyond the Mother Tongue: The Postmonolingual Condition*. New York: Fordham University Press.

Список литературы

- Adelson, L. A. (1997). The Price of Feminism: Of Women and Turks. In P. Herminhouse & M. Mueller (Eds.), *Gender and Germanness. Cultural Productions of Nation* (pp. 305–319). Providence, Oxford: Berghahn Books.
- Adelson, L. A. (2000). Touching Tales of Turks, Germans, and Jews: Cultural Alterity, Historical Narrative, and Literary Riddles for the 1990s. *New German Critique*, 80, 93–124. doi: 10.2307/488635
- Adelson, L. A. (2003). Against Between: A Manifesto. *New Perspectives on Turkey*, 28–29, 19–36. doi: 10.1017/S0896634600006099
- Adelson, L. A. (2005). *The Turkish Turn in Contemporary German Literature. Towards a New Critical Grammar of Migration*. New York: Palgrave Macmillan.
- Anderson, B. (2006). *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism* (Revised Ed). London, New York: Verso.
- Baumgartner-Karabak, A., & Landsberger, G. (1978). *Die verkauften Bräute. Türkische Frauen zwischen Kreuzberg und Anatolien [The Sold Brides. Turkish Women between Kreuzberg and Anatolia]*. Reinbeck: Rowohlt. (In German).
- Beck, U. (2002). The Cosmopolitan Society and Its Enemies. *Theory, Culture & Society*, 19(1), 17–44. doi: 10.1177/026327640201900101
- Berktaş, F. (1995). Has Anything Changed in the Outlook of the Turkish Left on Women? In Ş. Tekeli (Ed.), *Women in Modern Turkish Society. A Reader* (pp. 250–262). London: Zed Books.
- Bhabha, H. K. (1994). *The Location of Culture*. London, New York: Routledge Classics.
- Boa, E. (2006). Özdamar's Autobiographical Fictions: Trans-National Identity and Literary Form. *German Life and Letters*, 59(4), 526–539. doi: 10.1111/j.1468-0483.2006.00366.x
- Brennan, T. (1990). The national longing for form. In H. K. Bhabha (Ed.), *Nation and Narration* (pp. 44–70). London, New York: Routledge.

- Bronfen, E. (2000). Vorwort [Foreword]. In E. Bronfen, M. Kessler, P. M. Lützel, W. Graf Vitzthum, & J. Wertheimer (Eds.), *Die Verortung der Kultur [The location of the culture]* (p. IX–XIV). Tübingen: Stauffenburg. (In German).
- Brunner, M. E. (1999). Der Fremde erlaubt dir, du selbst zu sein, indem er aus dir einen Fremden macht': Ein Porträt der Autorin Aysel Özakin [The Stranger Allows You to Be Yourself by Making You a Stranger': A Portrait of Author Aysel Özakin]. *Arcadia*, 34(2), 189–204. (In German).
- Brunner, M. E. (2003). Literarische Mehrsprachigkeit und Transkulturalität. Der Dialog zwischen den Kulturen und das Echo von Mimikry und sprachlicher Hybridität im Werk deutsch-türkischer Autorinnen [Literary Multilingualism and Transculturality. The Dialogue between Cultures and the Echo of Mimicry and Linguistic Hybridity in the Work of German-Turkish Women Authors]. *Linguistica Antverpiensia, New Series—Themes in Translation Studies*, 2, 115–128. (In German).
- Cheesman, T. (2007). *Novels of Turkish German Settlement. Cosmopolite Fictions*. Rochester, New York: Boydell & Brewer, Camden House.
- Chin, R. (2010). Turkish Women, West German Feminists, and the Gendered Discourse on Muslim Cultural Difference. *Public Culture*, 22(3), 557–581. doi: 10.1215/08992363-2010-009
- Cohen, R. (1986). History and Genre. *Neohelicon*, 13(2), 87–105.
- Dayıoğlu-Yücel, Y. (2016). Auswahlbibliografie [Selection bibliography]. In Y. Dayıoğlu-Yücel & O. Gutjahr (Eds.), *Text+Kritik. Emine Sevgi Özdamar* (pp. 89–95). München: Richard Boorberg Verlag. (In German).
- Dayıoğlu-Yücel, Y., & Özdamar, E. S. (2016). 'Das mutigste Mädchen, das diese steile Straße hochläuft'. Gespräch mit Emine Sevgi Özdamar über ihre Begegnungen mit Schriftstellern (August 2015) ['The bravest girl walking up this steep road'. Interview with Emine Sevgi Özdamar about her encounters with writers (August 2015)]. In Y. Dayıoğlu-Yücel & O. Gutjahr (Eds.), *Text+Kritik. Emine Sevgi Özdamar* (pp. 80–88). München: Richard Boorberg Verlag. (In German).
- Derrida, J., & Ronell, A. (1980). The Law of Genre. *Critical Inquiry*, 7(1), 55–81. doi: 10.1086/448088
- Durgun, Ş. (2015). Left-Wing Politics in Turkey: Its Development and Problems. *Arab Studies Quarterly*, 37(1), 9–32. doi: 10.13169/arabstudquar.37.1.0009
- Ege, M. (2016). Stadt und Sprache als Transiträume bei Emine Sevgi Özdamar. Interkulturelle Einblicke in narrative Topografien [City and Language as Transit Spaces in Emine Sevgi Özdamar. Intercultural Insights into Narrative Topographies]. In Y. Dayıoğlu-Yücel & O. Gutjahr (Eds.), *Text+Kritik. Emine Sevgi Özdamar* (pp. 37–47). München: Richard Boorberg Verlag. (In German).
- Ergin, M. (2013). Emine Sevgi Özdamar's Translingual Poetics in Mutterzunge. *Seminar: A Journal of Germanic Studies*, 49(1), 20–37. doi: 10.3138/sem.49.1.20
- Esselborn, K. (2009). Neue Zugänge zur inter/transkulturellen deutschsprachigen Literatur [New approaches to inter/transcultural German-language literature]. In H. Schmitz (Ed.), *Von der nationalen zur internationalen Literatur. Transkulturelle deutschsprachige Literatur und Kultur im Zeitalter globaler Migration [From National*

- to *International Literature. Transcultural German-Language Literature and Culture in the Age of Global Migration*] (pp. 43–58). Amsterdam, New York: Rodopi. (In German).
- Fachinger, P. (2001). *Rewriting Germany from the Margins. 'Other' German Literature of the 1980s and 1990s*. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press.
- Felski, R. (1989). The Novel of Self-Discovery: Integration and Quest. In *Beyond Feminist Aesthetics. Feminist Literature and Social Change* (pp. 122–153). London: Hutchinson Radius.
- Graham, S. (Ed.). (2019). *A History of the Bildungsroman*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Grjasnowa, O. (2019). Privilegien [Privileges]. In F. Aydemir & H. Yaghoobifarah (Eds.), *Eure Heimat ist unser Albtraum [Your homeland is our nightmare]* (pp. 130–139). Berlin: Ullstein fünf. (In German).
- Gutjahr, O. (2007). *Einführung in den Bildungsroman [Introduction to the Bildungsroman]*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Gutjahr, O. (2008). Emine Sevgi Özdamars Die Brücke vom Goldenen Horn. Ein interkultureller Bildungsroman [Emine Sevgi Özdamar's The Bridge of the Golden Horn. An Intercultural Bildungsroman]. In R. Riedner & S. Steinmann (Eds.), *Alexandrinische Gespräche [Alexandrian Talks]* (pp. 125–140). München: München Iudicium. (In German).
- Gutjahr, O. (2016). Inszenierungen eines Rollen-Ich. Emine Sevgi Özdamars theatrales Erzählverfahren [Stagings of a Role-It. Emine Sevgi Özdamar's theatrical narrative process]. In Y. Dayıoğlu-Yücel & O. Gutjahr (Eds.), *Text+Kritik. Emine Sevgi Özdamar* (pp. 8–18). München: Richard Boorberg Verlag. (In German).
- Haines, B. (2008). The Eastern Turn in Contemporary German, Swiss and Austrian Literature. *Debate: Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*, 16(2), 135–149. doi: 10.1080/09651560802316899
- Hanson, H., & O'Rawe, C. (2010). Introduction: 'Cherchez la femme'. In H. Hanson & C. O'Rawe (Eds.), *The Femme Fatale: Images, Histories, Contexts* (pp. 1–8). Houndsmills: Palgrave Macmillan.
- Hartmann, T. (2021). Deutsch als Literaturheimat. Warum Literatur multilingualer Autorinnen und Autoren einfach deutsche Literatur ist [German as a Literary Homeland. Why Literature by Multilingual Authors is Simply German Literature]. In D. Syrový (Ed.), *Discourses on Nations and Identities* (pp. 355–369). Berlin, Boston: De Gruyter. (In German).
- Henckmann, G. (1997). Wo Maske und unterdrücktes Ich eins werden' Zum Motiv der Doppelgängerin in Aysel Özakins Die blaue Maske [Where Mask and Repressed Ego Become One' On the Motif of the Doppelgänger in Aysel Özakin's The Blue Mask]. In M. Howard (Ed.), *Interkulturelle Konfigurationen. Zur deutschsprachigen Erzählliteratur von Autoren nichtdeutscher Herkunft [Intercultural Configurations. On German-language narrative literature by authors of non-German origin]* (pp. 47–61). München: iudicium verlag. (In German).

- Hermes, S. (2017). Mimikry [Mimicry]. In D. Götsche, A. Dunker, & G. Dürbeck (Eds.), *Handbuch Postkolonialismus und Literatur [Handbook Postcolonialism and Literature]* (pp. 185–187). Stuttgart: Springer. (In German).
- Hofmann, M. (2006). Der verfremdete Blick des weiblichen Schelms: Emine Sevgi Özdamar als Erzählerin des Überschreitens [The alienated gaze of the female prankster: Emine Sevgi Özdamar as a narrator of transgression]. In *Interkulturelle Literaturwissenschaft. Eine Einführung [Intercultural Literary Studies. An introduction]*. Paderborn: Wilhelm Fink. (In German).
- Hofmann, M. (2013). *Deutsch-türkische Literaturwissenschaft [German-Turkish literary studies]*. Würzburg: Königshaus & Neumann. (In German).
- Horrocks, D., & Kolinsky, E. (1996). Living and Writing in Germany. Emine Sevgi Özdamar in Conversation with David Horrocks and Eva Kolinsky. In D. Horrocks & E. Kolinsky (Eds.), *Turkish Culture in German Society Today* (pp. 45–54). Providence, Oxford: Berghahn Books.
- Horvart, A., Thomassen, B., & Wydra, H. (2018). Introduction. Liminality and the Search for Boundaries. In A. Horvart, B. Thomassen, & H. Wydra (Eds.), *Breaking Boundaries. Varieties of Liminality* (pp. 1–8). New York, Oxford: Berghahn Books.
- Hutcheon, L. (1989). Historiographic Metafiction. Parody and the Intertextuality of History. In P. O'Donnell & R. C. Davis (Eds.), *Intertextuality and contemporary American fiction*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Hutcheon, L. (2002). *The Politics of Postmodernism*. Routledge.
- Johnson, S. (2001). Transnational Ästhetik des türkischen Alltags: Emine Sevgi Özdamar's Das Leben ist eine Karawanserei [Transnational Aesthetics of Turkish Everyday Life: Emine Sevgi Özdamar's Life is a Caravanserai]. *The German Quarterly*, 74(1), 37–57. doi: 10.2307/3072814. (In German)
- Kontje, T. (2019). The German Tradition of the Bildungsroman. In S. Graham (Ed.), *A History of the Bildungsroman* (pp. 10–32). Cambridge: Cambridge University Press. doi: 10.1017/9781316479926
- Krause, F. (2000). Shadow Motifs in Emine Sevgi Özdamar's Die Brücke vom Goldenen Horn: A Corrective to the Limitations of Current Debates on Inter-Cultural Issues. *Journal of Contemporary Central and Eastern Europe*, 8(1), 71–86. doi: 10.1080/713659892
- Mälksoo, M. (2018). The Challenge of Liminality for International Relations Theory. In A. Horvart, B. Thomassen, & H. Wydra (Eds.), *Breaking Boundaries. Varieties of Liminality* (pp. 226–243). New York, Oxford: Berghahn Books. doi: 10.1017/S0260210511000829
- Mani, V. B. (2003). The Good Woman of Istanbul: Emine Sevgi Özdamar's Die Brücke vom Goldenen Horn. In P. M. Lützel & S. K. Schindler (Eds.), *Gegenwartsliteratur. Ein germanistisches Jahrbuch. Schwerpunkt Multikultur [Contemporary Literature. A German Studies Yearbook. Focus on multicultural]* (pp. 29–57). Stauffenburg Verlag.
- Meske, S. (1983). *Situationsanalyse türkischer Frauen in der BRD [Situation Analysis of Turkish Women in the FRG]*. Berlin: EXpress Edition. (In German).

- Moretti, F. (1987). *Ways of the World. The Bildungsroman in European Culture* (A. Sbragia, Ed.). London: Verso.
- Nein, nein, nein [Der Spiegel]. (1967, June 4). Retrieved from <https://www.spiegel.de/politik/nein-nein-nein-a-92b28340-0002-0001-0000-000046251957?context=issue>
- Osthues, J. (2017). Rewriting. In D. Götsche, A. Dunker, & G. Dürbeck (Eds.), *Handbuch Postkolonialismus und Literatur [Handbook Postcolonialism and Literature]* (pp. 216–219). Stuttgart: Springer. (In German).
- Özakin, A. (1989). *Die blaue Maske [The blue mask]*. Frankfurt am Main: Luchterhand Literaturverlag. (In German).
- Özdamar, E. S. (2007). *The Bridge of the Golden Horn*. London: Serpent's Tail.
- Schonfield, E. (2015). 1968 and Transnational History in Emine Sevgi Özdamar's *Die Brücke vom Goldenen Horn*. *German Life and Letters*, 68(1), 66–87. doi: 10.1111/glal.12069
- Seyhan, A. (2001). *Writing Outside the Nation. Writing Outside the Nation*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.
- Sievers, W. (2008). Writing Politics: The Emergence of Immigrant Writing in West Germany and Austria. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 34(8), 1217–1235. doi: 10.1080/13691830802364817
- Sievers, W., & Vlasta, S. (2018). From the Exclusion of Individual Authors to the Transnationalisation of the Literary Field: Immigrant and Ethnic-Minority Writing in Germany. In W. Sievers & S. Vlasta (Eds.), *Immigrant and Ethnic-Minority Writers since 1945. Fourteen National Contexts in Europe and Beyond* (pp. 219–258). Leiden, Boston: Brill Rodopi.
- Struve, K. (2017). Homi K. Bhabha. In D. Götsche, A. Dunker, & G. Dürbeck (Eds.), *Handbuch Postkolonialismus und Literatur [Handbook Postcolonialism and Literature]* (pp. 16–21). Stuttgart: Springer. (In German). doi: 10.1007/978-3-476-05386-2_3
- Tekeli, Ş. (1995). Introduction: Women in Turkey in the 1980s. In Ş. Tekeli (Ed.), *Women in Modern Turkish Society. A Reader* (pp. 1–22). London: Zed Books.
- Thomassen, B. (2018). Thinking with Liminality: To the Boundaries of an Anthropological Concept. In A. Horvart, B. Thomassen, & H. Wydra (Eds.), *Breaking Boundaries. Varieties of Liminality* (pp. 39–58). New York, Oxford: Berghahn Books. doi: 10.2307/j.ctt9qcxbg.6
- Wägenbaur, T. (1995). Kulturelle Identität oder Hybridität? Aysel Özakin's *Die Blaue Maske* und das Projekt interkultureller Dynamik [Cultural Identity or Hybridity? Aysel Özakin's *The Blue Mask* and the Project of Intercultural Dynamics]. *Zeitschrift Für Literaturwissenschaft Und Linguistik [Journal for Literary Studies and Linguistics]*, 25, 22–47. doi: 10.1007/BF03377216
- Weber, A. (2009). Im Spiegel der Anderen: Doppelbödiges Spurensuche in Aysel Özakin's Roman 'Die blaue Maske' [In the Mirror of Others: Double-blooded Search for Traces in Aysel Özakin's Novel 'The Blue Mask']. In *Im Spiegel der Migration. Transkulturelles Erzählen und Sprachpolitik bei Emine Sevgi Özdamar [In the Mirror of Migration. Transcultural Narrative and Language Politics in Emine Sevgi Özdamar's Work]*. Bielefeld: transcript. (In German).

- Weber, B. M. (2010). Work, Sex, and Socialism: Reading Beyond Cultural Hybridity in Eimine Sevgi Özdamar's *Die Brücke vom Goldenen Horn*. *German Life and Letters*, 63(1), 37–53. doi: 10.1111/j.1468-0483.2009.01481.x
- White, H. (1974). The Historical Text as Literary Artifact. *Clio III*, 3, 277–303.
- Wierschke, A. (1996). *Schreiben als Selbstbehauptung: Kulturkonflikte und Identität in den Werken von Aysel Özakin, Alev Tekinay und Emine Sevgi Özdamar* [Writing as Self-Assertion: Cultural Conflicts and Identity in the Works of Aysel Özakin, Alev Tekinay and Emine Sevgi Özdamar]. Frankfurt: Verlag für Interkulturelle Kommunikation. (In German).
- Yeşilada, K. (1997). Die geschundene Suleika. Das Eigenbild der Türkin in der deutschsprachigen Literatur türkischer Autorinnen [The battered Suleika. The Self-Image of the Turkish Woman in the German-Language Literature of Turkish Women Authors]. In M. Howard (Ed.), *Interkulturelle Konfigurationen. Zur deutschsprachigen Erzählliteratur von Autoren nichtdeutscher Herkunft* [Intercultural Configurations. On German-language narrative literature by authors of non-German origin] (pp. 95–114). München: iudicium verlag. (In German).
- Yeşilada, K. (2009). Nette Türkinnen von nebenan'—Die neue deutsch-türkische Harmlosigkeit als literarischer Trend [Nice Turkish Girls Next Door'—The New German-Turkish Harmlessness as a Literary Trend]. In H. Schmitz (Ed.), *Von der nationalen zur internationalen Literatur. Transkulturelle deutschsprachige Literatur und Kultur im Zeitalter globaler Migration* [From National to International Literature. Transcultural German-Language Literature and Culture in the Age of Global Migration] (pp. 117–142). Amsterdam, New York. (In German).
- Yildiz, Y. (2012). *Beyond the Mother Tongue: The Postmonolingual Condition*. New York: Fordham University Press.

AN OLD/NEW VISION OF EUROPE. NATIONAL RESPONSIBILITY AND CULTURAL OTHERNESS IN EMINE SEVGI ÖZDAMAR'S PLAY *PERIKIZI*

Gabriella Pelloni

University of Verona. Verona, Italy. Email: [gabriella.pelloni\[at\]univr.it](mailto:gabriella.pelloni[at]univr.it)

Abstract

Emine Sevgi Özdamar's play *Perikizi* (2010) is a particularly significant migration story because of its shrewd exploration of European integration, specifically in Germany. The protagonist is a girl who undertakes an adventurous journey from Turkey to Europe in order to realize her dream of becoming an actress. The play thus delves into the problem of integration in Europe from both the internal and external perspective of a young woman from a country whose culture and history are deeply intertwined with Europe's, but are exotic enough to represent the cultural 'other' in the eyes of every European. I focus on an issue that is a golden thread throughout the play: the connection between genocide, nationalism and xenophobia, a thematic complex told from the perspective of a character who discovers the chance for change on her journey from East to West. I demonstrate that *Perikizi*'s journey highlights some structural parallels between East and West with respect to these issues. The play opens up a space in which national responsibility and the relationship with cultural otherness are problematized through different aesthetic strategies. At the end, it depicts a vision of Europe that is an alternative to a past, and a present, of nationalist and racist crimes.

Keywords

Emine Sevgi Özdamar; *Perikizi*; *Ein Traumspiel*; theatre; dream; migration; journey; trauma; genocide; nationalism; integration.

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

СТАРОЕ / НОВОЕ ВИДЕНИЕ ЕВРОПЫ. НАЦИОНАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И КУЛЬТУРНАЯ ИНАКОВОСТЬ В ПЬЕСЕ ЭМИНЕ СЕВДЖИ ОЗДАМАР «ПЕРИКИЗИ» («МАЛЕНЬКАЯ ФЕЯ»)

Пеллони Габриэлла

Веронский университет. Верона, Италия. Email: [gabriella.pelloni\[at\]univr.it](mailto:gabriella.pelloni[at]univr.it)

Аннотация

Пьеса Эмине Севджи Оздамар “Perikizi” («Маленькая фея»), (2010) является необычайно важным рассказом о миграции благодаря проницательному исследованию европейской интеграции, особенно в Германии. Главный герой – девушка, которая отправляется в авантюрное путешествие из Турции в Европу, чтобы осуществить свою мечту стать актрисой. Таким образом, в пьесе рассматривается проблема интеграции в Европе как с внутренней, так и с внешней точки зрения молодой женщины из страны, чья культура и история глубоко переплетаются с европейскими, но достаточно экзотичны, чтобы представлять культурного «другого» в глазах каждого европейца. Статья сосредоточивается на проблеме, которая служит золотой нитью на протяжении всей пьесы: это связь между геноцидом, национализмом и ксенофобией, тематический комплекс, рассказанный с точки зрения персонажа, который обнаруживает возможность перемен в своем путешествии с Востока на Запад. Показано, что путешествие Перикизи демонстрирует некоторые структурные параллели между Востоком и Западом по отношению к этим вопросам. Пьеса раскрывает пространство, в котором национальная ответственность и отношения с культурной инаковостью проблематизируются с помощью различных эстетических стратегий. В конце она изображает видение Европы, которое является альтернативой прошлому, и настоящее националистических и расистских преступлений.

Ключевые слова

Эмине Севджи Оздамар; Перикизи [Маленькая фея]; Ein Traumspiel [мечта, игра грез]; театр; мечта; миграция; путешествие; травма; геноцид; национализм; интеграция

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

INTRODUCTION

Turkish-born writer Emine Sevgi Özdamar has returned to theatre with her 2010 play *Perikizi* after many years of writing fiction. The play is adapted from her most significant work of fiction (Özdamar, 2006): her autobiographical trilogy *Das Leben ist eine Karawanserei, hat zwei Türen, aus einer kam ich rein, aus der anderen ging ich raus* (1990), *Die Brücke vom Goldenen Horn* (1998), and *Seltsame Sterne starren zur Erde* (2004). The play's main character, Perikizi, is a girl who undertakes an adventurous journey from Turkey to Europe in order to realise her dream of becoming an actress. *Perikizi* has a marked intertextual character, which refers not only to the European literary tradition, but also reworks the biographical material that portrayed the female ego in the novels. However, what makes *Perikizi* a particularly significant migration story is its shrewd exploration of European integration, specifically in Germany, from both the internal and external perspective of a young woman from a country whose culture and history are deeply intertwined with Europe's, but are exotic enough to represent the cultural 'other' in the eyes of every European. In this article, I will focus on an issue that is a golden thread throughout the play: the connection between genocide, nationalism and xenophobia, a thematic complex told from the perspective of a character who discovers the chance for change on her journey from East to West. I will attempt to demonstrate that Perikizi's journey highlights some structural parallels between East and West on these issues. At the same time, it opens up a space in which national responsibility and the relationship with cultural otherness are problematised through different aesthetic strategies, in order, finally, to depict a vision of Europe that is an alternative to a past, and a present, of nationalist and racist crimes.

I

Özdamar wrote *Perikizi* for "Odyssee Europa", a theatre festival sponsored by the main theatres of the Ruhr cities in 2010. Six German-speaking playwrights were asked to rewrite the myth of Odysseus in the present day as a modern interrogation of European identity.¹ In *Perikizi*, Odysseus is portrayed as a young Turkish woman, a radical departure from the modern rewritings of *The Odyssey* (Schlößler, 2010, pp. 79-95). Odysseus' patriarchal myth, an archetype of a quest for knowledge linked to trial and pain, is thus transformed into the story of a young woman's migration, a station drama that sees her leaving Turkey, crossing the war-torn places of the former Yugoslavia, landing in a burnt-out German forest, then descending into

1 The six plays are published in Carstensen/von Lieven (2011).

the Underworld to finally return to her native Istanbul. As evoked by the subtitle, *Ein Traumspiel* (“A Dream”), Perikizi’s journey has clear oneiric traits (Höfer, 2019, p. 127-173), which make it first and foremost a metaphor for a psychic act. In its both real and mythical dimension, the journey is configured as a process of transformation, in which confronting the traumas of the past assumes a central role.¹

The play opens with a long scene that evokes recent Turkish history through the experiences of Perikizi’s family members. The link between Turkish and German history² emerges for the first time when Perikizi’s grandmother recalls the alliance between the two countries in the First World War and the genocide of the Armenians and other minorities by the Ottoman Empire. Perikizi’s grandmother lost her husband and seven children in the war; she is still haunted by the ghosts of the past and by the violence she witnessed as a young girl, particularly her traumatic memory of the Armenian genocide. The trauma, evoked by a single word, is expressed in physical reactions, such as her nose bleeding when she speaks. She also voices her experience of violence with a repetitive litany reminiscent of a death march during which two young Armenian women from her village died:

Abooo, Aboooo.³ Wie die armenischen Bräute sich von den Brücken heruntergestürzt haben. Wie die armenischen Bräute sich von den Brücken heruntergestürzt haben. Gesehen haben sie mit ihren jungen Augen, die blind sein wollten, die Hölle und das Feuer auf dieser Erde, die Schürze noch über ihren Kleidern, barfuß, die Augen groß, die Hände groß, die Füße groß vom Totenmarsch, ihre Kinder als Skelette vor ihren Füßen, das Feuer, in dem sie lange liefen, liefen und liefen, war siebenmal heißer als das Höllenfeuer. [...] Wir waren gute Nachbarn dieser Bräute. Als sie noch lebten, kamen armenische Zeitungen aus Istanbul ins Dorf. Als sie starben, kamen keine Zeitungen mehr. Wohin sind all diese Menschen gegangen, wohin?⁴ (Özdamar 2011, pp. 275-276)

The grandmother’s nightmares also torment her granddaughter, who at times takes on her ductus and voice, reporting the events of the genocide in a sort of unconscious re-emergence of the trauma, which extends

1 On the phenomenon of transnational identity building in Özdamar’s fiction see recently Genz (2016, pp. 91-114).

2 The theme of the connection between German and Turkish history is dear to Özdamar, as it is told also in the novel *Seltsame Sterne starren zur Erde* (Konuk, 2010, pp. 221-242).

3 “Aboo” is a Turkish colloquial exclamation indicating great astonishment, consternation and despair.

4 “How the Armenian brides threw themselves off the bridges. How the Armenian brides threw themselves off the bridges. They saw hell and fire on this earth with their young eyes that longed to be blind; their aprons still over their clothes, barefoot, their eyes bulging, their hands and feet swollen from the death march, their children, skeletons at their feet, the fire they walked through on their endless march burned seven times fiercer than the fires of hell. [...] We were good neighbours to these brides. When they were alive, Armenian newspapers came to our village from Istanbul. When they died, no more newspapers came. Where did all these people go, where?” (Author’s translation, like all those from Özdamar).

at an unconscious level from one generation to the next. Once awake and conscious, Perikizi dismisses her grandmother's memories, which are steeped in a violence that has never been processed. Her desire to emigrate to Europe arises firstly from this suffering, and secondly from the need to seek alternative possibilities of existence and new models of identification. Perikizi's passion for theatre is also an expression of this quest. When the play opens, she has a copy of *A Midsummer Night's Dream* under her arm and reads the role of Titania, the fairy queen, who enchants with her voice and words. Perikizi means "daughter of the fairies" in Turkish. When she was a child, her mother shut her in a tomb to cure her of an illness, an event that emphasises her liminal existence. Perikizi is suspended between life and death, reality and dreams, past and future, between the world of her childhood (Turkey), and the destination of her journey (Europe).

In the second part of the scene, Perikizi's parents take the stage. Their opening words make it clear that the events of the war, their own parents' death, and the subsequent historical developments in Turkey embody a central part of their generation's identity, as well. Her parents are also scarred by the trauma of a great loss that resurfaces in their harsh reaction to Perikizi's desire to emigrate to Europe: "Sie werden goldene Sterne auf dein Haupt schütten, wohlan zu dieser Europa. Die Toten, die sind unsere Götter, nie werden sie dir verziehen, du Ruhelose."¹ (2011, p. 285). The mother's words reflect the tendency to shift the blame for the war onto others and to completely exonerate their own country of any guilt. Her parents' arguments, full of prejudice and racist clichés, are a clear example of the nationalistic rhetoric of blood and soil (*Blut und Boden*) that still exists in Turkey today. As part of these arguments, Perikizi's father warns of the loneliness, alienation and discrimination that await her in Europe. He uses the example of Odysseus, who calls himself "Nobody" to escape from the Cyclops' lair:

*Meine schöne Tochter, Odysseus hatte gesagt, er hieße Niemand. Das rettete ihn, aber im Vergleich zum geistigen Riesenformat des Kyklopen ist er tatsächlich ein Nichts, ein Niemand. Der Kyklop ist ein Riese, weil sein Bewusstsein riesige Gebiete umfasst. Der Riese lebt in seiner Umgebung, hat Schafe, Lämmer und Ziegen, das ist sein Land. Odysseus ist aber auf seiner Irrfahrt in der Fremde beinahe zu einem Nichts, Niemand geschrumpft. [...] Ein Niemand besitzt am Ende nur Einsamkeit des Ichs, in dem Leiden, leere Hoffnungen, Verluste, wie vom Licht geblendete Fledermäuse zu Hause sind.*² (2011, p. 287)

1 "They will pour golden stars onto your head. Go to this Europe, then. The dead are our gods; they will never forgive you, you restless girl"

2 "My beautiful daughter, Odysseus said his name was 'Nobody'. This saved him, but compared to the enormous Cyclops, he is nothing: a nobody. The Cyclops is a giant because his consciousness covers vast areas. The giant lives in his own land; he has sheep, lambs and goats, that is his land. Odysseus, however, on his voyage abroad, shrunk to almost nothing, nobody. [...] In the end, all a nobody possesses is his own loneliness. Within it, he knows only suffering, empty hopes, loss, like bats

Perikizi's father fears that his daughter risks losing her individuality, with her being reduced to a stereotype and forced to occupy a subordinate position in society:

Nehmen wir an, du schreibst einen Roman, mit all deinen Phantasien, deinen empfindsamen Gefühlen [...] Diese Schöpfungen, die du aus deinem eigenen Körper ausgraben wirst, werden unter Türkisch registriert. Sie werden sagen: "Schauen Sie, wie schön die türkische Sprache ist." Keiner kann Türkisch, aber plötzlich wissen sie, dass es Türkisch ist.

Du landest in der türkischen Schublade. Europa, Tiergarten der Sprachen, hier sind die türkischen Tiere. Als wäre die Türkei ein Dorf, in dem alle Einwohner die gleiche Erfahrung haben. So werden sie versuchen, dir dein Gedächtnis auszulöschen, weil sie keines haben. Weil sie keines haben, darfst du auch keines haben.¹ (2011, pp. 291-292).

On the one hand, he insists that identity is individual research and work, thus undermining the idea of a homogeneous, exclusive nationality; on the other hand, he clings to his belief in a "true" Turkish identity constructed through a rigid, clear-cut dichotomy between the "self" and the "other". His beliefs include denigrating Turkish migrants, who are guilty, in his view, of creating a reductive and pejorative image of Turkey in Europe:

Wir sind hier modern, wir haben unsere Geschichte, unsere Reichtümer, unsere Kultur. Die, die weggegangen sind, sind die Armen, die Kulturlosen, die Sklaven. Durch sie wird in Europa unsere wahre Identität, unsere reiche Geschichte klein gemacht. Plötzlich schrieb Europa unsere reduzierte Geschichte. Ridicule.² (2011, p. 288)

Perikizi's father is therefore the spokesman for an identity discourse founded upon the belief that the mixing of cultures is potentially dangerous and destined only to produce violence:

Die armen europäischen Leute, die werden mir alle leidtun, ob sie lächeln, oder böse schauen. Ausländer machen die Einheimischen zu Pförtnern. Die Fremden werden das Land, in dem sie ankommen, immer zweiteilen. Das bedeutet Wörterkrieg unter den zweigeteilten Einheimischen. Überleg dir nur einen Moment lang, dass du die

blinded by the light."

- 1 "Let's say you write a novel, with all your dreams, your feelings [...] The works you prise from your own body will be recorded as Turkish. They will say: 'Look how beautiful the Turkish language is.' Nobody knows Turkish, but suddenly everyone understands it. You end up in the Turkish drawer. Europe, zoo of languages; here are the Turkish animals. As if Turkey were a village where all its inhabitants have the same experience. They will try to erase your memory because they don't have one. Because they don't have one, you can't have one either."
- 2 "We are modern here, we have our history, our resources, our culture. The emigrants are the poor, the cultureless, the slaves. They shrivel our true identity, our rich history and serve it up to Europe. All of a sudden, Europe has penned a brief history of Turkey. Ridiculous."

*Menschen, die dort geboren sind, täglich zwingst, zum Pfortner zu werden.*¹ (2011, p. 288)

During Perikizi's journey, her father's vision of individual identity is taken to extremes by characters she meets along the way; these extremes, however, are mocked and ridiculed at the same time. The setting of the opening scene, the city of Istanbul, is immediately connoted as a place of cultural contamination. This connotation is almost satirising her father's words. Two musicians, one Greek and one Turkish, then appear on the scene singing traditional Greek, Turkish and Armenian songs, as if to recall and celebrate the multi-ethnic and multi-cultural roots of modern Turkey. The relevance of this scene thus lies in its reminding the audience that Turkey's multi-cultural history has been removed. Perikizi's response to her father's words "Vater, ich mache die Geschichte wieder groß"² (2011, p. 288) can be therefore be interpreted as ironic.

On the one hand, the journey depicted in the subsequent scenes becomes an opportunity to tackle the nationalistic discourses conducted in Europe, both among native Europeans and migrants; on the other, it sheds light upon the deep connection between the past of two countries. Turkey is stained with guilt that has been erased from the collective memory, and Germany continues to struggle with the ghosts of its past. Along her journey, Perikizi is accompanied by the shadows of the representatives of the war: a young soldier – her deceased grandfather – followed by a donkey, and the two young Armenian women who died on the march. Perikizi is endowed with an uncommon sensitivity, as she interacts with the dead and becomes their spokesperson, thus reaffirming the liminal nature of her existence. This theme is dear to Özdamar, as in her first novel, *Das Leben ist eine Karawanserei*, she describes the intimate bond between granddaughter and grandmother, the slender thread that united Perikizi's existence with that of the dead. During a later scene, entitled "Perikizi's Dream" (*Perikizis Traum*), the two Armenian women are given a voice for the first time, but they can only hint indirectly at the violence they suffered: "Wir dürfen nicht. Wir dürfen nicht sprechen. / Schon ewig lange dürfen wir nicht sprechen."³ (2011, p. 312). Significantly, the death march on which the two young women died is told by the moaning of two fig trees that watched them pass. This strategy represents the extent to which Turkey has removed the genocide from its history, with the scene concealing a pregnant allusion to current

1 "Poor Europeans, I feel sorry for them all, whether they smile, or frown. Foreigners turn the natives into gatekeepers. Foreigners will always split their destination country in two. This means word warfare among the divided natives. Just think: you are forcing the people who were born there to act as gatekeepers every single day of their lives."

2 "Father, I am going to restore history to greatness once more."

3 "We have been silenced. We have been silenced. / We have been silenced for so long."

events, i.e. the Turkish government's refusal to recognise the genocide, and thus to the possible risks that talking openly about it may have. However, the dream also plays an important part in helping Perikizi to mature (Jonczyk, 2015, pp. 117-132), as afterwards she accepts the reality of the past, i.e. the deads' testimony of the horrors of war and genocide. Therefore, Perikizi contrasts the collective removal of the historical traumas of her native country and its current nationalistic and xenophobic tendencies, gaining a new awareness of the past by searching for alternative possibilities for the present in her *Fremde*,¹ her migration.

II

During her journey, Perikizi encounters two central features of European identity: the tendency to exclude otherness, which originates from the perception of identity as something homogeneous and static; and the bureaucratic regulation of migratory flows. On the train through the former Yugoslavia, three prostitutes tell Perikizi that in Europe she will be reduced to a passport and a stay-and-work permit, words that suggest her father's warning is about to come true. Indeed, Perikizi remains invisible to most people, as we can observe it in the scene "In the half-burnt forest" (*Im halb verbrannten Wald*). The forest is reminiscent of the setting of *A Midsummer Night's Dream*, a mythical place in a fantasy world, but one that is scarred by the devastation of war. Moreover, the forest is also one of the most significant symbols of German culture, with its destruction symbolising a nation still deeply troubled by the crimes of its past. The burnt-out forest is the setting for a meeting between Perikizi and the spokesmen for discourse on the Holocaust and Nazism. These spokesmen are three one-eyed giants, an image that recalls the Cyclops in *The Odyssey* mentioned by Perikizi's father. Significantly, they are referred to as "guilt giants", and portrayed as red-faced intellectuals who swallow sausages, drink, and even wash themselves in beer. They speak in unison and drill holes in their heads to drive out traumatic memories, thus deleting them. Their choral speech on Nazism and the Holocaust resembles a funeral song and is nothing but empty phrases and platitudes:

SCHULDGEFÜHLECHOR
 Wir sind die Schuldgefühle des Kriegs.
 Wir hassen unsern Vater,
 unsere Mutter, gesündigt haben
 sie, gesündigt. Wir leben hier in Sünde.
 Die Sünde ist groß, viel zu groß,
 unsre Geschichte ein bittres Los.

1 On the concept of "Fremde" in Özdamar's work see Perrone Capano (2007a, pp. 109-147), (2007b, pp. 245-260).

Unser Wald ist verbrannt, nicht zu retten,
 von bösen Vaterfüßen zertreten.
 Unsere Köpfe sind leer;
 von tausend Fragen schwer.
 Was geschah in unserem Wald?¹
 (Özdamar 2011, pp. 301-302)

This scene, which can be read as an adaptation of the episode of Odysseus and the Cyclops in *The Odyssey*, has two meanings: first, self-aggression and sterile fixation on collective guilt are the main ways in which Germany has dealt with its past crimes; second, the giants' pathological concentration on themselves and their obsession with guilt and pain make them blind to the point that they do not even notice the migrant, thus producing a new form of exclusion and violence.

The following scene takes place in a guesthouse for female workers (*Gastarbeiterinnen*) in Germany. This is a key-place in Özdamar's both real and symbolic topography. In the novel *Die Brücke vom Goldenen Horn*, the protagonist left Turkey for Berlin in the mid-1960s, finding a new community of belonging among the girls living at the guesthouse. In the play, however, the guesthouse is where Perikizi first comes into contact with Turkish ultra-nationalism. One of the three Turkish workers appears on stage in a chicken costume and waves a Turkish flag, asking Perikizi aggressively if she is an ethnic Armenian. The girl also wears a bandage over a bleeding eye, another reference to the Cyclops, but also, most significantly, to the three guilt-giants. Through the motif of the blinded eye, Özdamar establishes a connection between current Turkish nationalism and the similarly blind and violent self-hatred of the representatives of Holocaust discourse in Germany. This connection is further developed by a later scene entitled *Die Sprachlosigkeit im halb verbrannten Wald* ("Speechless in the half-burnt forest"). A wolf, dressed as an intellectual, clearly representing the Turkish nationalist movement the Grey Wolves, puts on an anti-German show, as he makes obscene and provocative gestures at the giants: "Meine lieben abendländischen vernünftigen Freunde, ich bin gegen die Aufklärung. Ihr seid traditionsbewusst, wauwauwauwau, unser gemeinsamer Kampf geht weiter, Freiheit für viele Moscheen, aber mit Minarett, bitteschön, wauwauwau. Freiheit für Schamtücher der Frauen, wauwauwauwau."² (2011, p. 329) This scene shows how a dogmatic, pseudo-intellectual confronting of the past both

1 "GUILT CHOIR: We are the guilt of war. / We hate our fathers / our mothers, they sinned, / sinned. Sin is all around us, here. / Sin runs deep, far too deep, / Our history has a bitter fate. / Our forest is burnt, no one can save it, / trampled underfoot by wicked fathers. / Our heads are empty, but / burdened with a thousand/ questions. What happened in our forest?"

2 "My dear reasonable Western friends, I am against enlightenment. You are tradition-conscious, woof woof, our common struggle continues, freedom to build hundreds of mosques, but with minarets, here you go, woof woof. Freedom for women to wear veils, woof woof woof."

obstructs an equal relationship between migrants and non-migrants, and provides fertile ground for the emergence and growth of extremist positions and radical exclusionary attitudes on both sides, as the only means it has of combatting the ideology of racial superiority is collective self-aggression and self-humiliation.

Perikizi's experience in a foreign land thus sheds light on the intrinsic dynamics governing relations between migrants and non-migrants in Germany. She is often reduced to clichés and stereotypes, with this being particularly evident when two German girls ask her questions that she does not understand and can only answer in monosyllables. The girls' questions reveal all of the stereotypes Germans have about migrants, such as whether Perikizi wears a veil.¹ Yet, she also experiences discrimination in the shape of aggressive and violent Turkish nationalism,² which prospers in Germany because of the unhealthy relationship Germans have with historical collective guilt and, as a consequence, with cultural otherness. Significantly, the guilt-giants refuse to help Perikizi and even take the wolf's side when he binds a veil around her head, saying: "DIE DREI SCHULDGEFÜHLE-GIGANTEN: Steh doch, steh doch zu deiner wahren Identität. Keine Angst vor uns Abendländern. Keine Angst vor uns Abendländern."³ (2011, p. 330)

In the final scenes, however, it becomes clear that Perikizi's journey has not been in vain despite the humiliation she has suffered. During her migration journey, she learns to deal with her grandmother's trauma, embracing her perspective and allowing memories to emerge and become part of her own identity. In the conciliatory scene that takes place in the Underworld (*Im Hades*), which is interspersed with verses from Hölderlin's *Hyperion*, the two Armenian women and Perikizi's grandfather appear alongside with Hölderlin himself. The encounter between Perikizi and the dead women represents a past experience being handed down from generation to generation; it is wisdom that cannot be silenced and benefits both parties as it enables them to process what happened: "SOLDAT: Wenn Du nicht weiß, wie es weitergeht, musst du zu den Toten zurückkehren, mit uns sprechen. So leben wir auch in dir weiter. [...] Nicht nur du lernst von den Toten, die Toten lernen auch von dir."⁴ (2011, p. 332)

The episode ends with a verse from Constantine Cavafy's poem *Ithaca*, which celebrates being on a journey and the experiences had along the way

-
- 1 Özdamar's works deconstruct binary oppositions and envision an alternate third space that allows to break out of the confines of organized religion (Murti, 2012, pp. 41-100).
 - 2 On the theme of violence in Özdamar works see Weber (2013, pp. 173-198).
 - 3 "THE THREE GUILTY GIANTS: Stand up, stand up for your true identity. Don't be afraid of us Westerners. Don't be afraid of us Westerners."
 - 4 "SOLDIER: If you don't know how it goes on, you must return to the dead. Speak to us. This way we live on in you. [...] Not only do you learn from the dead, but the dead learn from you."

rather than the desire to reach the destination quickly:¹ “Ithaka hat dir eine schöne Reise beschert. / Ohne Ithaka wärest du nicht aufgebrochen. / Jetzt hat es dir nichts mehr zu geben”.² The scene clearly refers to current developments in Turkish society, but also functions as a warning, since it points to the need to discuss what has been at long last.

The final scene of the play, however, reconnects with the first, as it shows Perikizi sitting in front of a mirror and reciting Titania’s words. It is a rejection of the harmonious conclusion suggested in the conciliatory scene in the Underworld, restoring it to nothing but a utopia. By almost entirely reproducing the opening, the final scene removes any teleological purpose from the dramatic action. More realistically, it makes the spectator aware once and for all that it is impossible to come to terms with the past, especially when nationalism and racism are integral parts of a country’s history and identity.

CONCLUSION

Like Özdamar’s other plays, the hallmark of *Perikizi* is its surreal, grotesque style. On the one hand, this style takes its cue from Brechtian estrangement (Gezen, 2018, pp. 77-103); on the other, its mixture of the grotesque, fantastic and carnivalesque is inspired by Bakhtin’s carnival aesthetics (Mecklenburg, 2007, pp. 85-102). *Perikizi* wears a donkey mask that she repeatedly takes off and puts on, often referring to herself as a “Schelm” or a “Narr” (i.e. a rascal or a fool); many of the on-stage characters have the appearance of animals; and bodies are often shown naked performing the most basic human functions. However, these carnivalesque elements are only predominant on *Perikizi*’s journey to Europe in the second part of the play, whereas the first long scene in Istanbul is mostly realistic, with the characters’ traumatic experiences retaining a tragic aura. Özdamar succeeds in re-establishing history’s tragic nature by recounting the unspeakable trauma of the Armenian genocide from the victims’ perspective. The function of *Perikizi*’s grandmother and the two Armenian women is to give voice to a past, discussion of which is still forbidden in Turkey. In the second part of the play they act as a tragic counterbalance to German society, whose stereotypes and clichés are ridiculed.³ This demonstrates that the two nations take a contrasting approach towards their relationship with the past. The representatives of Holocaust discourse and collective guilt in Germany are grotesque, ridiculous figures, while the Armenian genocide has a painful on-stage presence, as it mourns its victims. The different aesthetic representation of

1 On the theme of impossible return, with reference to the experience of migration and Odysseus as its archetype, cf. Brunner (2004, pp. 71-90).

2 “Ithaka gave you the marvelous journey. / Without her you would not have set out. / She has nothing left to give you now.” (Cavafy, 1992, pp. 34-35).

3 On humour and interculturality in Özdamar’s work see Mecklenburg (2008, pp. 506-535).

a similar historical event is indicative of how this event is perceived in the respective countries: Turkish society keeps silent about it, but German society talks about it too much, thus draining the discourse of all meaning. Perikizi's journey symbolises the dangerous consequences resulting from both attitudes: the emergence of fresh nationalist and extremist positions in Turkey and an uneasy relationship with cultural otherness in Germany. Perikizi's naive yet sensitive gaze – the gaze of someone who, as her deceased grandfather says, “has a heart” – succeeds in displaying these issues in all their current urgency.

Critics have pointed out that the play's intertextual variety clearly responds to an intercultural strategy of hybridisation (Schlößler, 2010, pp. 79-95). This strategy is intended to create a plurality of voices, implying a rejection of the high register in *The Odyssey*, and thus of ancient Greek culture, which was the first to produce a clear cultural dichotomy between West and East, centre and periphery. This intertextual strategy evidently contains a critique of the use of myth as a factor of continuity / a direct link from the Greeks to the Europeans, and consequently of a vision that excludes ‘barbarians’ from the path of civilisation. It is no coincidence that one of the poets quoted in the play is Constantine Cavafy; significantly, *Ithaca* is not the only one of his poems quoted, as the play also features verses from *Waiting for the Barbarians*, which presents the arrival of the ‘barbarians’ as the solution to the inertia of the present.

“Worauf warten wir, versammelt auf dem Marktplatz?
Auf die Barbaren, die heute kommen.
Warum solche Untätigkeit im Senat?
Warum sitzen die Senatoren da, ohne Gesetze zu machen?
[...]
Warum jetzt plötzlich diese Unruhe und Verwirrung?
(Wie ernst die Gesichter geworden sind.) Warum leeren
Sich die Straßen und Plätze so schnell, und
Warum gehen alle so nachdenklich nach Hause?
Weil die Nacht gekommen ist und die Barbaren doch nicht
Erschienen sind.
Und nun, was sollen wir ohne Barbaren tun?
Diese Menschen waren immerhin eine Lösung.“¹
(Özdamar 2011, 326)

1 “What are we waiting for, assembled in the forum? / The barbarians are due here today. / Why isn't anything going on in the senate? / Why are the senators sitting there without legislating? / [...] Why this sudden bewilderment, this confusion? / (How serious people's faces have become.) / Why are the streets and squares emptying so rapidly, / everyone going home lost in thought? / Because night has fallen, and the barbarians haven't come. / And some of our men just in from the border say / there are no barbarians any longer. / Now what's going to happen to us without barbarians? / Those people were a kind of solution.” (Cavafy 1992, pp. 18-19)

Perikizi's experience makes it clear that confronting the past lays the foundations for the construction of individual and collective identity. It should make people rethink the crimes of their predecessors so that the negative parts of their legacy can be cast off and new one can be sought. The reference to Cavafy's poems both contrasts with the discourses Perikizi hears in Germany and reveals that Özdamar's proposed connection to the past departs from a vision of Europe characterised by hierarchical and centralised structures, replacing it with one of Europe as thousands of non-linear paths moving in all directions, just like the people who embarked on 20th and 21st century migrations and diasporas. Her aim is thus to revive an understanding of Europe's mixed and multiple origins and of the connections between cultures.

References

- Allocca, D. (2016). *BerlinoGrafie, letteratura nomade e spazi urbani: I percorsi di Emine Sevgi Özdamar e Terézia Mora* [BerlinGraphies, nomadic literature and urban spaces: The paths of Emine Sevgi Özdamar and Terézia Mora]. Milano: LED. (In Italian).
- Brunner, M. E. (2004). Migration ist eine Hinreise. Es gibt kein „Zuhause“, zu dem man zurück kann [Migration is a journey there. There is no 'home' to return to]. In M. Durzak (Ed.), *Die andere deutsche Literatur* [The other German literature] (pp. 71–90). Würzburg: Königshausen & Neumann. (In German).
- Budde, J. (2017). *Nomadic Narrative: Interkulturelle Stadtnomadinnen. Inszenierungen weiblicher Flanerie- und Migrationserfahrung in der deutsch-türkischen und türkischen Gegenwartsliteratur am Beispiel von Aysel Özakin, Emine Sevgi Özdamar und Asli Erdogan*. Studien zur deutsch-türkischen Literatur und Kultur [Nomadic Narrative: Intercultural Urban Nomads. Stagings of Female Flanerie and Migration Experiences in German-Turkish and Turkish Contemporary Literature Using the Example of Aysel Özakin, Emine Sevgi Özdamar and Asli Erdogan. Studies on German-Turkish Literature and Culture]. Würzburg: Königshausen & Neumann. (In German).
- Carstensen, U. B., & Lieven, S. v (Eds.). (2011). *Theater Theater – Odyssee Europa. Aktuelle Stücke 20/10* [Theatre Theatre—Odyssey Europe. Current plays 20/10]. Frankfurt a. M.: Fischer. (In German).
- Cavafy, C. P. (1992a). Ithaka. In E. Keeley & P. Sherrard (Trans.), *Collected Poems* (Revised Edition, pp. 34–35; By C. P. Cavafy). Princeton University Press.
- Cavafy, C. P. (1992b). Waiting for the Barbarians. In E. Keeley & P. Sherrard (Trans.), *Collected Poems* (Revised Edition, pp. 18–19; By C. P. Cavafy). Princeton University Press.
- Fischer, A. (2014). "Brecht hätte gerne eine Mitarbeiterin wie dich gehabt". Zur Inszenierung von transkultureller Autorschaft und auktorialem Traditionsverhalten bei Emine Sevgi Özdamar ["Brecht would have liked to have had a collaborator like you". On the Staging of Transcultural Authorship and Authorial Traditional Behaviour in Em-

- ine Sevgi Özdamar.]. In S. Kyora (Ed.), *Subjektform Autor: Autorschaftsinszenierungen als Praktiken der Subjektivierung* [Subject form author: Stagings of authorship as practices of subjectification] (pp. 247–265). Bielefeld: Transcript. (In German).
- Genz, J. (2016). Von der Polyglossie zur Polyphonie – transnationale Identitätsbildung bei Emine Sevgi Özdamar und Roger Manderscheid [From Polyglossia to Polyphony – Transnational Identity Formation in the Works of Emine Sevgi Özdamar and Roger Manderscheid]. In N. Potysch & M. Bauer (Eds.), *Deutungsspielräume: Mehrdeutigkeit als kulturelles Phänomen* [Interpretive scope: Ambiguity as a cultural phenomenon] (pp. 91–114). Frankfurt a. M: Peter Lang. (In German).
- Gezen, E. (2018). *Brecht, Turkish theater, and Turkish-German literature: Reception, adaptation, and innovation after 1960*. Rochester, New York: Camden House.
- Gutjahr, O. (2016). Inszenierungen eines Rollen-Ich. Emine Sevgi Özdamars theatrales Erzählverfahren [Stagings of a Role-It. Emine Sevgi Özdamar's theatrical narrative process]. In Y. Dayioğlu-Yücel & O. Gutjahr (Eds.), *Text + Kritik. Heft 211: Emine Sevgi Özdamar* [Text + Criticism. Issue 211: Emine Sevgi Özdamar] (pp. 8–18). München: Richard Boorberg Verlag. (In German).
- Höfer, K. (2019). *Gespielte Träume und Traumspiele. Traumdarstellungen in der Dramatik des 20. Und 21. Jahrhunderts* [Played Dreams and Dream Games. Representations of Dreams in 20th and 21st Century Drama]. München: Fink. (In German).
- Jonczyk, A. (2015). Die Identitätssuche im Emine Sevgi Özdamars Roman "Die Brücke vom Goldenen Horn" und im Theaterstück "Perikizi. Ein Traumspiel" [The search for identity in Emine Sevgi Özdamar's novel 'The Bridge of the Golden Horn' and in the play "Perikizi. A Dream Play"]. In C. Gansel, M. Joch, & M. Wolting (Eds.), *Zwischen Erinnerung und Fremdheit: Entwicklungen in der deutschen und polnischen Literatur nach 1989* [Between Memory and Foreignness: Developments in German and Polish Literature after 1989] (pp. 117–132). Göttingen: V&R Unipress. (In German).
- Konuk, K. (2010). Taking on German and Turkish History: Emine Sevgi Özdamar's Seltsame Sterne. In A. Neuwirth (Ed.), *Europa im Nahen Osten – der Nahe Osten in Europa* [Europe in the Middle East–The Middle East in Europe] (pp. 221–242). Berlin: Akademie Verlag. (In German).
- Mecklenburg, N. (2007). Karnevalistische Ästhetik des Widerstands. Formen des gesellschaftlich-komischen bei Emine Sevgi Özdamar. Peter-Weiss-Jahrbuch für Literatur, Kunst und Politik im 20. Und 21. *Peter-Weiss-Jahrbuch für Literatur, Kunst und Politik im 20. und 21. Jahrhundert*, 16, 85–102.
- Mecklenburg, N. (2008). Interkulturalität und Komik bei Emine Sevgi Özdamar [Interculturality and Comedy in Emine Sevgi Özdamar's Work]. In *Das Mädchen aus der Fremde. Germanistik als interkulturelle Literaturwissenschaft* [The Girl from a Foreign Land. German Studies as Intercultural Literary Studies] (pp. 506–535). München: iudicium verlag. (In German).
- Murti, K. P. (2012). *To Veil or not to Veil. Europe's Shape-Shifting 'Other'*. Oxford: Lang.
- Özdamar, E. S. (2006). *Sonne auf halbem Weg. Die Istanbul-Berlin-Trilogie* [Sun halfway. The Istanbul-Berlin Trilogy]. Köln: Kiepenheuer & Witsch. (In German).

- Özdamar, E. S. (2011). Perikizi. Ein Traumspiel [Perikizi. A dream play]. In U. B. Carstensen & S. Lieven (Eds.), *Theater Theater – Odyssee Europa, Aktuelle Stücke 20/10* [Theatre Theatre—Odyssey Europe, Current Plays 20/10] (pp. 271–333). Frankfurt a. M.: Fischer. (In German).
- Perrone Capano, L. (2007a). *Leseprozesse und Analyse literarische Texte im Kontext Deutsch als Fremdsprache* [Reading processes and analysis of literary texts in the context of German as a foreign language]. Aachen: Shaker. (In German).
- Perrone Capano, L. (2007b). Sprachfremde” and “Fremderfahrung” as Acoustic and Visual Experience in Works by Yoko Tawada and Emine Sevgi Özdamar. In R. Schechtman & S. Roberts (Eds.), *Finding the Foreign* (pp. 245–260). Newcastle: Cambridge Scholars Press.
- Schlößler, F. (2010). Das Theatrevent Odyssee Europa der Kulturhauptstadt Essen. Prekäre Männlichkeit und Emine Sevgi Özdamars Traumspiel Perikizi [The theatre event Odyssey Europe of the Capital of Culture Essen. Precarious Masculinity and Emine Sevgi Özdamar’s Dream Play Perikizi]. *Zeitschrift für Interkulturelle Germanistik* [Journal for Intercultural German Studies], 1(2), 79–95. doi: 10.14361/zip.2010.0207. (In German).
- Wagner, K. (2019). *Geboren im Fluss des Erzählens. Pikareske Schreibweisen in Romanen von Irmgard Keun, Irmtraud Morgner und Emine Sevgi Özdamar* [Born in the Flow of Narrative. Picaresque Writing in Novels by Irmgard Keun, Irmtraud Morgner and Emine Sevgi Özdamar]. Würzburg: Königshausen & Neumann. (In German).
- Weber, B. M. (2013). Violent authenticities: The work of Emine Sevgi Özdamar and Feridun Zaimoglu. In B. M. Weber (Ed.), *Violence and gender in the “new” Europe: Islam in German Culture* (pp. 173–198). New York: Palgrave Macmillan.

Список литературы

- Allocca, D. (2016). *BerlinoGrafie, letteratura nomade e spazi urbani: I percorsi di Emine Sevgi Özdamar e Terézia Mora* [BerlinGraphies, nomadic literature and urban spaces: The paths of Emine Sevgi Özdamar and Terézia Mora]. Milano: LED. (In Italian).
- Brunner, M. E. (2004). Migration ist eine Hinreise. Es gibt kein „Zuhause“, zu dem man zurück kann [Migration is a journey there. There is no ‘home’ to return to]. In M. Durzak (Ed.), *Die andere deutsche Literatur* [The other German literature] (pp. 71–90). Würzburg: Königshausen & Neumann. (In German).
- Budde, J. (2017). *Nomadic Narrative: Interkulturelle Stadtnomadinnen. Inszenierungen weiblicher Flanerie- und Migrationserfahrung in der deutsch-türkischen und türkischen Gegenwartsliteratur am Beispiel von Aysel Özakin, Emine Sevgi Özdamar und Asli Erdogan. Studien zur deutsch-türkischen Literatur und Kultur* [Nomadic Narrative: Intercultural Urban Nomads. Stagings of Female Flanerie and Migration Experiences in German-Turkish and Turkish Contemporary Literature Using the Example of Aysel Özakin, Emine Sevgi Özdamar and Asli Erdogan. Studies on German-Turkish Literature and Culture]. Würzburg: Königshausen & Neumann. (In German).

- Carstensen, U. B., & Lieven, S. v (Eds.). (2011). *Theater Theater – Odyssee Europa. Aktuelle Stücke 20/10* [Theatre Theatre—Odyssey Europe. Current plays 20/10]. Frankfurt a. M.: Fischer. (In German).
- Cavafy, C. P. (1992a). Ithaka. In E. Keeley & P. Sherrard (Trans.), *Collected Poems* (Revised Edition, pp. 34–35; By C. P. Cavafy). Princeton University Press.
- Cavafy, C. P. (1992b). Waiting for the Barbarians. In E. Keeley & P. Sherrard (Trans.), *Collected Poems* (Revised Edition, pp. 18–19; By C. P. Cavafy). Princeton University Press.
- Fischer, A. (2014). “Brecht hätte gerne eine Mitarbeiterin wie dich gehabt”. Zur Inszenierung von transkultureller Autorschaft und auktorialem Traditionsverhalten bei Emine Sevgi Özdamar [“Brecht would have liked to have had a collaborator like you”. On the Staging of Transcultural Authorship and Authorial Traditional Behaviour in Emine Sevgi Özdamar.]. In S. Kyora (Ed.), *Subjektform Autor: Autorschaftsinszenierungen als Praktiken der Subjektivierung* [Subject form author: Stagings of authorship as practices of subjectification] (pp. 247–265). Bielefeld: Transcript. (In German).
- Genz, J. (2016). Von der Polyglossie zur Polyphonie – transnationale Identitätsbildung bei Emine Sevgi Özdamar und Roger Manderscheid [From Polyglossia to Polyphony – Transnational Identity Formation in the Works of Emine Sevgi Özdamar and Roger Manderscheid]. In N. Potysch & M. Bauer (Eds.), *Deutungsspielräume: Mehrdeutigkeit als kulturelles Phänomen* [Interpretive scope: Ambiguity as a cultural phenomenon] (pp. 91–114). Frankfurt a. M.: Peter Lang. (In German).
- Gezen, E. (2018). *Brecht, Turkish theater, and Turkish-German literature: Reception, adaptation, and innovation after 1960*. Rochester, New York: Camden House.
- Gutjahr, O. (2016). Inszenierungen eines Rollen-Ich. Emine Sevgi Özdamars theatrales Erzählverfahren [Stagings of a Role-It. Emine Sevgi Özdamar’s theatrical narrative process]. In Y. Dayioğlu-Yücel & O. Gutjahr (Eds.), *Text + Kritik. Heft 211: Emine Sevgi Özdamar* [Text + Criticism. Issue 211: Emine Sevgi Özdamar] (pp. 8–18). München: Richard Boorberg Verlag. (In German).
- Höfer, K. (2019). *Gespielte Träume und Traumspiele. Traumdarstellungen in der Dramatik des 20. Und 21. Jahrhunderts* [Played Dreams and Dream Games. Representations of Dreams in 20th and 21st Century Drama]. München: Fink. (In German).
- Jonczyk, A. (2015). Die Identitätssuche im Emine Sevgi Özdamars Roman “Die Brücke vom Goldenen Horn” und im Theaterstück “Perikizi. Ein Traumspiel” [The search for identity in Emine Sevgi Özdamar’s novel ‘The Bridge of the Golden Horn’ and in the play “Perikizi. A Dream Play”]. In C. Gansel, M. Joch, & M. Wolting (Eds.), *Zwischen Erinnerung und Fremdheit: Entwicklungen in der deutschen und polnischen Literatur nach 1989* [Between Memory and Foreignness: Developments in German and Polish Literature after 1989] (pp. 117–132). Göttingen: V&R Unipress. (In German).
- Konuk, K. (2010). Taking on German and Turkish History: Emine Sevgi Özdamar’s Seltsame Sterne. In A. Neuwirth (Ed.), *Europa im Nahen Osten – der Nahe Osten in Europa* [Europe in the Middle East—The Middle East in Europe] (pp. 221–242). Berlin: Akademie Verlag. (In German).
- Mecklenburg, N. (2007). Karnevalistische Ästhetik des Widerstands. Formen des gesellschaftlich-komischen bei Emine Sevgi Özdamar. Peter-Weiss-Jahrbuch für Lit-

- eratur, Kunst und Politik im 20. Und 21. *Peter-Weiss-Jahrbuch für Literatur, Kunst und Politik im 20. und 21. Jahrhundert*, 16, 85–102.
- Mecklenburg, N. (2008). Interkulturalität und Komik bei Emine Sevgi Özdamar [Interculturality and Comedy in Emine Sevgi Özdamar's Work]. In *Das Mädchen aus der Fremde. Germanistik als interkulturelle Literaturwissenschaft [The Girl from a Foreign Land. German Studies as Intercultural Literary Studies]* (pp. 506–535). München: iudicium verlag. (In German).
- Murti, K. P. (2012). *To Veil or not to Veil. Europe's Shape-Shifting 'Other'*. Oxford: Lang.
- Özdamar, E. S. (2006). *Sonne auf halbem Weg. Die Istanbul-Berlin-Trilogie [Sun halfway. The Istanbul-Berlin Trilogy]*. Köln: Kiepenheuer & Witsch. (In German).
- Özdamar, E. S. (2011). Perikizi. Ein Traumspiel [Perikizi. A dream play]. In U. B. Carstensen & S. Lieven (Eds.), *Theater Theater – Odyssee Europa, Aktuelle Stücke 20/10 [Theatre Theatre—Odyssey Europe, Current Plays 20/10]* (pp. 271–333). Frankfurt a. M.: Fischer. (In German).
- Perrone Capano, L. (2007a). *Leseprozesse und Analyse literarische Texte im Kontext Deutsch als Fremdsprache [Reading processes and analysis of literary texts in the context of German as a foreign language]*. Aachen: Shaker. (In German).
- Perrone Capano, L. (2007b). Sprachfremde" and "Fremderfahrung" as Acoustic and Visual Experience in Works by Yoko Tawada and Emine Sevgi Özdamar. In R. Schechtman & S. Roberts (Eds.), *Finding the Foreign* (pp. 245–260). Newcastle: Cambridge Scholars Press.
- Schlößler, F. (2010). Das Theaterevent Odyssee Europa der Kulturhauptstadt Essen. Prekäre Männlichkeit und Emine Sevgi Özdamars Traumspiel Perikizi [The theatre event Odyssey Europe of the Capital of Culture Essen. Precarious Masculinity and Emine Sevgi Özdamar's Dream Play Perikizi]. *Zeitschrift für Interkulturelle Germanistik [Journal for Intercultural German Studies]*, 1(2), 79–95. doi: 10.14361/zig.2010.0207. (In German).
- Wagner, K. (2019). *Geboren im Fluss des Erzählens. Pikareske Schreibweisen in Romanen von Irmgard Keun, Irmtraud Morgner und Emine Sevgi Özdamar [Born in the Flow of Narrative. Picaresque Writing in Novels by Irmgard Keun, Irmtraud Morgner and Emine Sevgi Özdamar]*. Würzburg: Königshausen & Neumann. (In German).
- Weber, B. M. (2013). Violent authenticities: The work of Emine Sevgi Özdamar and Feridun Zaimoglu. In B. M. Weber (Ed.), *Violence and gender in the "new" Europe: Islam in German Culture* (pp. 173–198). New York: Palgrave Macmillan.

BORDER CROSSING AND SELF-PLACEMENT OF CHARACTERS WITH A MIGRATORY BACKGROUND IN CONTEMPORARY GERMAN NOVELS

Annabelle Jänchen

J. E. Purkyně University. Ústí nad Labem, Czech Republic. Email: [annabelle.jaenchen\[at\]students.ujep.cz](mailto:annabelle.jaenchen[at]students.ujep.cz)

Abstract

The existence of a “Migrant literature” is heavily debated in German studies, especially when it comes to authors like those of the third voice, who are socialized in Germany and speak German as their mother tongue. Nonetheless, novels that deal with migration and living with migrant backgrounds have similar characteristics. This article is primarily about the topic of crossing borders in such migrant novels by Olga Grjasnowa, Sasha Marianna Salzmann and Dimitrij Kapitelman. Which effects does border crossing have on characters with a migration background? The novels examined are not only characterized by a border crossing of migration from east to west, but actually even by multiple border crossings on different levels, that are always linked to each other. The literature of the third voice unites aspects of migration, but equally also aspects of adolescent literature and family sagas. That is shown, among other things, in the presentation and meaning of boundaries and their crossings as identity-creating moments and as coping strategies. Therefore, these border crosser stories enable new perspectives compared to conventional family sagas and adolescent literature.

Keywords

migrant literature; adolescent literature; family sagas; border crossing; transit space; self-transgression; intercultural characters; liminal experiences; alienation; third voice

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦ И САМО- РАЗМЕЩЕНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ МИГРАЦИОННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ РОМАНАХ

Янхен Аннабель

Университет Яна Евангелиста Пуркине. Усти-над-Лабем, Чехия.

Email: [annabelle.jaenchen\[at\]students.ujep.cz](mailto:annabelle.jaenchen[at]students.ujep.cz)

Аннотация

Существование «литературы мигрантов» активно обсуждается в германистике, особенно когда речь заходит об авторах «третьего голоса», которые социализированы в Германии и говорят на немецком как на родном языке. Тем не менее, романы, посвященные миграции и жизни мигрантов, имеют схожие характеристики. Эта статья в первую очередь посвящена теме пересечения границ в романах о мигрантах Ольги Грязновой, Саши Марианны Зальцманн и Дмитрия Капительмана. Какие последствия имеет пересечение границ для персонажей с миграционным прошлым? Рассмотренные романы характеризуются не только пересечением границы в процессе миграции с востока на запад, но фактически даже множеством пересечений границ на разных уровнях, которые всегда связаны друг с другом. Литература третьего голоса объединяет аспекты миграции, а также аспекты подростковой литературы и семейных саг. Это проявляется, среди прочего, в представлении и значении границ и их пересечений как моментов создания идентичности и как стратегий выживания. Таким образом, эти истории о пересечении границ открывают новые перспективы по сравнению с обычными семейными сагами и литературой для подростков.

Ключевые слова

литература мигрантов; литература для подростков; семейные саги; пересечение границ; транзитное пространство; само-трансгрессия (саморазрыв); межкультурные персонажи; пороговые переживания; отчуждение; третий голос

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)
[Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

INTRODUCTION

The existence and role of a “Migrant literature” within German-language literature is currently the subject of intense debate in both the public (cf. Stanišić, 2008, Grjasnowa, 2017) and academic (cf. Hausbacher, 2009, Cornejo et al, 2014) fields. I took this discussion as an opportunity to examine the extent to which works by such writers described as “migrant authors” actually have similarities in terms of content and form in my study *Die dritte Stimme* (cf. Jänchen, 2019). In considering these bilingual, intercultural authors, Carmine Chiellino’s concept of the “topography of voices”, in which intercultural authors are divided into nine voices, has proven to be helpful (cf. 2001, p. 54). The first three voices in particular were relevant to my analysis. Migrated authors who continue to write in their native language in the arrival countries are representatives of the first voice. The second voice is understood to mean authors who switch to another language for their literary work in the course of their migration. The third voice is that of the authors who had still been children when they arrived in the new country and who speak the new language as their mother tongue in the social and school environment, while the original mother tongue only plays a role in the family environment.

While it is more common in sociology to speak of the generation concept (cf. Aumüller, 2010), in literary studies it is more appropriate to assume native speakers and language changers in the context of migration, as Chiellino does when he distinguishes intercultural voices. But why is the distinction between language changers and those who continue to write in their native language important at all? Oppenrieder and Thurmair show in their study that language makes a significant contribution to identity formation and group membership (2003, pp. 41-42). Switching to German can therefore help to break away from the literary traditions of the home country and rather to continue writing on German, European or intercultural literatures. Furthermore, this already shows that the authors of the third voice are those with whom categories such as “Migration literature” reach their limits. A comparison of the literatures of the second and third voice has shown that the latter addresses some of the characteristics of the literature of the second voice, which is classically understood as “Migration literature”, but also develops its own new trends such as the perspective of children, the alienation of generations or the renewed crossing of boundaries in adulthood (cf. Jänchen, 2019, pp. 82-84). The latter is to be revealed in this article as one of the most important identity-creating moments in this literature of the “third voice”.

REPRESENTATION AND MEANING OF BORDER CROSSING IN LITERATURE

Crossing borders is viewed from many different scientific perspectives. Border studies relate in particular to social geography and social sciences, but borders are also a special subject in literary studies. For instance, in the Arctic University of Norway there is a specialized research group analysing border poetics and border culture (cf. Schimanski & Wolfe, 2017). With regard to German literature, there are several works on literary border crossings and transit spaces. In the following, the most important aspects and characteristics of cross-border literature will be summarized based on this secondary literature.

Pabis uses the terms of the border and the crossing of borders as part of the phenomena of foreignness and says that without drawing and crossing borders, neither binary concepts such as own and foreign, nor experiences of the foreign would be imaginable at all (2017, p. 27). Waldenfels, too, emphasizes the importance of the foreign at borders when he assumes that the foreign appears at borders (of every order) in the form of the extraordinary (2006, p. 9). The encounter and mixing of cultures, languages and identities associated with crossing the border is what makes the border zone characteristic as a scene of self-crossing (Pabis, 2017, p. 30). This self-transgression can lead to alienation from the world and oneself (Waldenfels, 1990, p. 32), which is reflected in cross-border literature.

Pabis focuses on migration as a spatial and political crossing of borders as well as on personal transitional experiences and border zones of the migratory characters, who often undergo liminal experiences apart from national borders (such as adolescence, sexual maturity, illness or death) (2017, p. 47). Novels that deal with border crossings in the context of migration, travel or personal liminal experiences such as puberty are border crosser stories. According to Pabis, these novels, which deal especially with stories of migration as family stories (as a major part of the novels of the third voice does), differ from classic family sagas (as they are described by Assmann, 2007, p. 73) in that they are particularly driven by experiences of disruption, which can be found above all in border crossings (2017, p. 46). Thus, migrant family novels seem to add a perspective to the genre of family sagas. According to Pabis, it is the perspective of the tension between the former communist East and the today's German cultural memory (p. 47). As this article will show, this will not remain the only broadening or shifting of perspective that is revealed in connection with the crossing of boundaries.

Likewise, Hinojosa Picón examines the meaning of borders in stories about migrating families and concludes that borders play an important role in the memory of families and that they are a recurring motif (2019, p. 166).

The history of the migrant family is shaped by cultural exchange at borders that the ancestors have already experienced, and which is still inscribed in the texts in later generations (p. 169). This refers to the psychological term of transgenerational trauma (cf. Rauwald, 2013), which is also examined in the field of literary studies as in Drosihn et al 2020. Hinojosa Picón concludes that, consequently, the result of transgenerational trauma is a literature full of contrasts (2019, p. 169). The act of crossing a border enables the protagonists to reflect on their own origin and family history. By crossing borders themselves, the characters gain access to “Contact Zones” – “social spaces where cultures meet, clash, and grapple with each other” (Pratt, 1991, p. 34) – that have been entered, passed and left by their own family members or ancestors over the years (Hinojosa Picón, 2019, p. 172). In so doing they can experience – on the basis of their often multilingual family memories – the contradictions and attempted adaptations and assimilations as well as the divide and blending that their ancestors and other migratory characters went through before (p. 172).

Hardtke et al (2017) examine the special circumstances of fleeing, the representation of places of refuge and refugee characters that emerged in the course of the European refugee crisis around 2015. Here, borders and border crossings are rather conceived in the context of political discussions and asylum policy and are therefore a reflection of the big questions that the European Union has to face with regard to how it deals with refugees and how it sees itself. Borders become a defining criterion here, since a refugee is someone who has crossed a geopolitical border between his/her home country and a foreign country (p. 13) In the context of flight, the border often stands for insurmountability on the one hand and illegal transgression on the other, as Steidl (2017) makes clear in her contribution, in which she highlights the refugee as a border violator character. However, this political level only plays a marginal role in the novels of the third voice.

Finally, most secondary texts agree that there is some kind of a third, hybrid space (based on what Bhabha refers to as hybridity (cf. 1994)) that is, according to Pekar, used as a processing or coping strategy (2017, p. 134). As an example, Pekar names the creation of a new language space in Feridun Zaimoglu’s *Kanak Sprak* (1995) and the waiting room as a transit space in Lion Feuchtwanger’s *Exil* (1940) (pp. 139-140). According to Wilhelmer, something significant happens at such transit spaces, such as expansion of consciousness and fascination, but also overstimulation, irritation and self-reflection (2015, pp. 10-11). Train stations and airports are places of transit *par excellence*, customs and passport control are recurring motifs. Hausbacher states that the representation of border areas marks a situation of crisis or change (2009, p. 139). Hence, transit between places and especially between

nations is frequently accompanied by a transit on the personal level of the character. In the following, these characteristics of cross-border literature as the situations of transit, the transgenerational memories that can be experienced in contact zones, the broadening and shifting of perspectives, the self-transgression and the meanings of foreignness will be examined using the example of three contemporary German novels.

BOUNDARIES BETWEEN LIFE AND DEATH IN OLGA GRJASNOWA'S *DER RUSSE IST EINER, DER BIRKEN LIEBT*

Olga Grjasnowa's debut novel, published in 2012, is about the Russian-Jewish protagonist Mascha, who was born in Baku in the 1980s and who fled to Germany with her family in the 1990s. One of the story lines is about the *pogroms* in Baku in January 1990, the civil war-like conditions in the conflict between Azerbaijani and Armenians and the relocation of Mascha's family to Germany. The other story line shows the present time in Germany, in which Mascha's friend Elias suddenly dies, and so she falls into grief and depression and decides to take a job in Israel in order to gain distance from her situation, but also from her family and Germany. However, in Israel, too, she finds no consolation in her Jewish roots. She does not know a home and thus a clear geographical reference point. She cannot clearly define herself as Russian, Azerbaijani, German or Jewish. Besides, she speaks Russian and German as mother tongues and five more languages due to her job as translator. The character breaks through any criteria of homogeneity in terms of territory, religion, ethnicity and language.

When Mascha clears out the shared apartment after Elias' death, she suddenly remembers the first time when she had to leave her usual life in a hurry. At that time, in Baku, she was allowed to choose which things she wanted to take with her to Germany, although, as she later discovered, she could no longer use those things she had brought with her in the German asylum seekers' home since priorities have changed a lot as a consequence of the border crossing (Grjasnowa, 2012, p. 148). This first crossing of boundaries triggers the character's inner turmoil and homelessness. She has never overcome the effects and her childhood suddenly came to an end (p. 47). In the family's transgenerational memory, the country to which they were supposed to flee is actually remembered as the land of horror, where they never wanted to go to:

In the first instance, my parents found the idea of going to Germany of all places absurd. In 1994 my mother said she would never set foot in this country since the ashes were still warm there. My grandmother was a survivor. Nine months later, my parents applied for entry at the German embassy. In 1995 our application was approved and we started selling our things: first the electrical appliances and

kitchen equipment, then the furniture. [...] In 1996 we were in Germany. In 1997 I was thinking about suicide for the first time. (p. 51, translation by AJ)¹

Not only having to leave her home, but also having to flee – of all places – to the country of the Nazi perpetrators and growing up there from now on not only as a Russian-Jewish Azerbaijani, but also as a German, tears the character apart in a manner in which death seems to be the only way out. In Elias, however, she later found something like a home for the first time in Germany. With his death, her world is consequently turned upside down for a second time. The only way out seems to be another border crossing, another escape from a place where she has repeatedly lost a feeling of home. This border crossing will also result in death: on arrival at Ben Gurion Airport in Tel Aviv, Mascha's laptop is shot (p. 161) by border officials. The following can be heard over the loudspeakers: "Do not be alarmed by gunshots because the Israeli security needs to blow up suspicious passenger luggage" (p. 164). The stickers with Arabic characters on the keyboard of her laptop suggested a terrorist attack. In addition, Mascha is interrogated extensively, the work visa is checked, and her luggage is searched by soldiers.

In Israel she meets Tal, with whom she develops an intense friendship. Tal later persuades her to travel to Palestine: "If you still feel something for me, then come with me" (p. 254, translation by AJ)². So, there is a third border crossing, which Mascha no longer takes seriously:

"What happens when you discover in Ramallah that you don't have your passport with you. Will you then not be allowed to go back to Israel?"

"This is not a Sunday trip", said Tal.

"It looks pretty much like Sunday to me here." (p. 259, translation by AJ)³

Returning has never been an option for Mascha. Her friends and family in Germany had to hope in vain that she would ever return from Israel. Likewise, she does not seem to have any plans to return from Palestine, since she doesn't even take her passport with her. None of these border crossings were ever truly voluntary and there was never a turning back. Only at the very end

1 Original quote: "Die Vorstellung, ausgerechnet nach Deutschland zu gehen, fanden meine Eltern zuerst ebenso absurd. Noch 1994 sagte meine Mutter, sie würde niemals dieses Land betreten, dort sei die Asche noch warm. Meine Großmutter war eine Überlebende. Neun Monate später stellten meine Eltern einen Einreiseantrag bei der deutschen Botschaft. 1995 wurde unser Antrag genehmigt, und wir fingen an, unsere Sachen zu verkaufen: zuerst die Elektrogeräte und das Küchenequipment, dann die Möbel. [...] 1996 waren wir in Deutschland. 1997 dachte ich zum ersten Mal über Selbstmord nach."

2 Original quote: "Wenn du noch etwas für mich empfindest, dann komm mit."

3 Original quote: "'Was passiert, wenn man erst in Ramallah entdeckt, dass man seinen Pass nicht dabei hat. Wird man dann nicht mehr nach Israel reingelassen?' 'Das ist kein Sonntagsausflug', sagte Tal. 'Für mich sieht es hier so ziemlich nach Sonntag aus.'"

she calls her friend Sami and asks him to pick her up (p. 283). But she loses blood and, in the end, she goes into the sunset with her deceased friend Elias. Whether this field in Palestine is her final destination remains to be speculated. But if one understands the end as an indication of her death, then this is a story not only of crossing national boundaries, but also of crossing boundaries between life and death.

CROSSING NATIONAL AND GENDER BOUNDARIES IN THE CONTEXT OF ADOLESCENCE IN SASHA MARIANNA SALZMANN'S *AUßER SICH*

Sasha Marianna Salzmann's debut novel, published in 2017, tells the story of Ali (Alissa), who was born in Russia and came to Germany with her family as a Jewish quota refugee in the 1990s. The Jewish roots were primarily a means to an end: "You did everything to leave the beloved Soviet country, you were even ready to become a Jew" (Salzmann, 2017, p. 108, translation by AJ)¹. The novel consists of two main narrative threads. One is – episodically and in an analeptic way – devoted to Ali's family history, especially her great-grandparents, grandparents, and parents. Part of this family history is also the migration of the parents with Ali, her twin brother Anton, and the grandfather to Germany as well as the subsequent life in the asylum home. The second storyline tells of the recent past: Ali is now a young adult who travels to Istanbul to look for her missing brother. Both narrative strands are deeply interwoven. The trip to Istanbul causes the protagonist to begin dealing with her own family history and ultimately even to write a novel based on the memories of the ancestors. So, this journey – even if it does not seem so at first – is also characterised by a movement through space that is paradigmatic for family histories of migrants.

Ali's first border crossing takes her from Russia to Germany by train. The journey takes 36 hours, and during the night they are woken up by customs officials who are expecting a bribe:

Then it was time to get up, pretend you had slept, touch your heart, reach into the bra, where the two hundred dollars were waiting for the officer, an unshaven man with bloodshot eyes who was staring at her in a way that Valja was glad having her husband in the compartment, even if he just crouched fearfully in the corner. (p. 54, translation by AJ)²

1 Original quote: "Man tat alles, um das geliebte Sowjetland zu verlassen, man war sogar bereit, Jude zu werden."

2 Original quote: "Dann hieß es aufstehen, so tun, als hätte man geschlafen, sich ans Herz fassen, in den Büstenhalter, dort wo die zweihundert Dollar auf den Beamten warteten, einen unrasierten Mann mit blutunterlaufenen Augen, der so schaute, dass Valja froh war, ihren Mann mit im Abteil zu haben, auch wenn er nur ängstlich in der Ecke kauerte."

When arriving in Germany, Ali is overwhelmed by many impressions:

“Everything was jungle, everything was colours, everything scared her and she didn't know whether she was lying on the ground or had fallen into a hole” (p. 55, translation by AJ)¹.

She vomits the chicken she ate on the train on the shoes of the uncle who welcomes the family at the train station in Berlin. Years of disillusion are following, during which the family moves from one asylum home to another asylum home. Many years later, the father, whose hopes for a better future in Germany remained unfulfilled, returns to Russia. But the return cannot save him either – “little did he know that there was no such thing as going back” (p. 253, translation by AJ)². Instead, it leads to suicide. Ali's mother sums up: “Migration kills” (p. 297, translation by AJ)³.

The second border crossing leads Ali from Germany to Istanbul. She is looking for her missing brother, but in the course of the journey it becomes clear that she is much more looking for herself, while the existence of her brother becomes more and more questionable. The arrival at Ataturk Airport in Istanbul is reminiscent of the arrival in Berlin. She collapses on the toilet and even though she has not eaten chicken in years, she suddenly has the taste on her tongue and the feeling of vomiting the chicken again (p. 13). Ali is checked very carefully at passport control, because, as the border official explains, “we have a problem in this country with imports from Russia. Women I mean. Imports of women from Russia” (p. 16, translation by AJ)⁴. While Mascha in Grjasnowa's novel is suspected of terrorism by border guards, Ali in Salzmann's novel is mistaken for a Russian prostitute.

For Ali, Turkey becomes a transit zone itself, because during her stay she becomes a man. As with the first time at the train station, the second time at the airport the chicken in the throat announced significant changes. Although the change in appearance of the character made the return even more complicated – “it was already difficult to recognize him on the passport photo on his entry, now it was impossible, even if he shaved, from now on it was a different face” (p. 361, translation by AJ)⁵ – this is the first successful backward movement of a border crosser character so far. Nevertheless, this third border crossing – back to Germany – is marked by fears. Ali, who is now

1 Original quote: “Alles war Dschungel, alles war Farben, alles machte ihr Angst und sie wusste nicht, ob sie auf dem Boden lag oder in ein Loch gefallen war.”

2 Original quote: “Er wusste nicht, dass es so etwas wie ein Zurückgehen nicht gab.”

3 Original quote: “Migration tötet”

4 Original quote: “Wir haben ein Problem in diesem Land mit Importen aus Russland. Frauen, meine ich. Frauenimporten aus Russland.”

5 Original quote: “War es bei seiner Einreise schon schwer gewesen, ihn darauf zu erkennen, war es jetzt unmöglich, selbst wenn er sich rasieren würde, ab jetzt war es ein anderes Gesicht.”

calling himself Anton, is afraid of returning home unrecognized like Odysseus:

“Coming back, coming back whereto, into the loving arms of a woman who probably wouldn’t recognize him on the platform” (p. 344, translation by AJ)¹.

Through the transformation from Ali to Anton at the end of the novel, the twin brother is suspected of never having been real. *Außer sich* is a novel which connects national border crossing with an overcoming of gender boundaries. With the transgender complex of themes, Salzmann depicts a period of upheaval in adolescence. So, this is a typical border crosser story according to Pabis. But also, the connection to the transgenerational trauma and the contact zones (Hinojosa Picón) can be found when the protagonist’s eastward journey is depicted parallel to the westward movements of previous generations.

CROSSING BORDERS AS A MEANS OF LOCATING ONESELF IN DIMITRIJ KAPITELMAN’S *DAS LÄCHELN MEINES UNSICHTBAREN VATERS*

Dimitrij Kapitelman’s debut novel, published in 2016, tells the story of the Jewish-Russian Kapitelman family who came to Germany as quota refugees from the Ukraine in the 1990s. The novel begins in the present time when the son has grown up. Mainly it is about the search for the Jewish identity of father and son, which leads them to Israel – the country to which they originally wanted to emigrate. There are several flashbacks to his childhood in Kiev and his youth in Leipzig’s problematic district of Grünau. The first border crossing takes place in the 1990s and leads the family from Ukraine to a German asylum seekers’ home. As in the two previously mentioned novels, this first crossing of boundaries leads to an inner conflict of the characters, who from then on will always have problems with their self-positioning. Therefore, father and son decide to travel to Israel, to look at the parallel universe and to find out whether they should have emigrated to Israel instead of Germany and whether they could have become happier there. The first thing the father has to say about Israel is rather derogatory:

1 Original quote: “Zurückkommen, wohin zurück, in die liebenden Arme einer Frau, die ihn wahrscheinlich nicht erkennen würde am Bahnsteig.”

Sratsch is the first word that my father finds for Israel from his window seat. Freely translated, *sratsch* means pigsty. The bright blue sea and Tel Aviv's imposing skyline do not elicit a warm syllable from him. But he notices that there is a pile of earth lying around next to one of the runways. (Kapitelman, 2016, p. 65, translation by AJ)¹

When entering Israel, only the different surnames of father and son arouse suspicion. The son, Dimitrij, explains that in antisemitic Ukraine, his parents arranged that their child should not have a Jewish surname. The border guard reacts extremely understanding: "Semite-solidary, waving smile" (p. 66, translation by AJ)². The border crossing is a trigger for a new level of inner identity negotiations of the protagonist Dimitrij: his inner judgment, "the eternal search for the Jew in me" (p. 257, translation by AJ)³. Only when this negotiation has been concluded, he is ready to return to Germany. Part of this trial is also another border crossing, from Israel to Palestine. His Israeli relatives and his father do not condone that trip; they even call him "Arab friend" (p. 91, translation by AJ)⁴. The crossing of the border to Palestine is marked by his fear of being recognized as a person of Jewish descent. He deals with his own prejudices, his "Arab fear" (p. 232, translation by AJ)⁵, and, confronted with the martyr glorification in Nabulus, he imagines: "If we had moved to Israel twenty years ago, one of them might have blown my father and me away while we were sipping pomegranate juice on the bus to Bat Yam" (p. 233, translation by AJ)⁶. He befriends many locals in Palestine and thus gets even more into a loyalty conflict. The return to Israel is uncomplicated for him because of his privileges thanks to the German residence permit. Due to his new friendships, however, he now sees the degrading process that Palestinians must undergo at the border with different eyes. His return is exaggerated by the family:

If Indiana Jones had parachuted down to Borja's birthday table, arrowheads in his back and shoulder pads burning, he would hardly have garnered more attention than me. DIMA SURVIVED! Papa, Mascha, Borja and his wife are excited about my report on the struggle for survival in enemy territory. (p. 254, translation by AJ)⁷

1 Original quote: „*Sratsch* ist das erste Wort, das Papa von seinem Fensterplatz aus für Israel findet. Frei übersetzt bedeutet *sratsch* Saustall. Das strahlend blaue Meer und Tel Avivs imposante Skyline entlocken ihm keine warme Silbe. Aber dass neben einer der Landebahnen ein Häufchen Erde herumliegt – das fällt ihm auf.“

2 Original quote: "Semitsolidarisches, durchwinkendes Lächeln."

3 Original quote: "die ewige Fahndung nach dem Juden in mir"

4 Original quote: "Araberfreund"

5 Original quote: "Arabangst"

6 Original quote: "Wären wir vor zwanzig Jahren nach Israel gezogen, hätte einer von ihnen vielleicht Papa und mich beim Granatapfelsaftschlürfen im Bus nach Bat Yam weggesprengt."

7 Original quote: "Wäre Indiana Jones per Fallschirm an Borjas Geburtstagstisch heruntergeschossen, mit Pfeilspitzen im Rücken und brennenden Schulterpolstern – er hätte kaum mehr

At this point it is clear to both of them that living in Israel would have been extremely difficult in the first place. Dimitrij decides to apply for German citizenship: “If anything, I am a German Jew. And not compatible with Israel’s society” (p. 270, translation by AJ)¹. With the trip to Israel, Dimitrij gains a new self-evident way of positioning himself as German. The concept of being a stranger becomes fragile when borders are crossed and leads him to demand for his German identity. Even the father returns to Germany as a less torn character: “Since my father came back from Israel, he has been living on an imported happiness depot. No depressing *rastojenstwa* far and wide” (p. 280, translation by AJ)². Overall, Kapitelman’s novel shows how national, cultural, and religious border crossings may enforce a character’s self-placement.

CONCLUSION

As already announced in the introduction, border crossing turned out to be an important identity-creating moment in the three migratory novels of the third voice that were analysed here. These novels of the third voice which deal with the story of a family in the context of migration as well as the efforts of intercultural characters to locate themselves are not only characterized by one radical and changing border crossing, but rather by multiple border crossings on different levels. All three examined novels not only describe the actual migration movement from the Communist East to Germany in the past and the tension that goes with it (cf. Pabis, 2017, p. 47), but also depict a journey to the Middle East in the present. As a matter of fact, the border crossing of the present is closely linked to that of the past.

In Grjasnowa’s novel, the protagonist loses what she calls ‘home’ for the second time. Since the last time her loss has been accompanied by an escape and a border crossing, it seems to be the only way out this time too.

In Kapitelman’s novel, the second crossing of boundaries is a necessary result of the first, because the characters hope that this will heal the insecurities and turmoil that the first crossing of boundaries caused. Ever since they had to choose between Israel and Germany, they have always wondered whether they would have been happier had they chosen Israel. The trip to Israel thus represents a glimpse into the parallel universe.

In Salzmann’s novel, the two border crossings are even directly linked to one another using the image of the chicken that seems to be stuck

Aufmerksamkeit gerichtet als ich. DIMA HAT ÜBERLEBT! Papa, Mascha, Borja und seine Frau fiebern meinem Bericht vom Überlebenskampf im Feindesland entgegen.”

1 Original quote: “Wenn überhaupt, bin ich ein deutscher Jude. Und nicht kompatibel mit Israels Gesellschaft.”

2 Original quote: “Seit Papa aus Israel zurückgekommen ist, zehrt er von einem importierten Fröhlichkeitsdepot. Keine bleierne *rastojenstwa* weit und breit.”

in the protagonist's throat. Like crossing the border itself, the chicken may symbolize a great change that is about to come.

While in all three novels the first border crossing from the home country to Germany is an act of disillusionment and fragmentation for the entire family, the effects of the second border crossing are very diverse. Since the loss of home is linked to the first crossing of the border, the characters hope to find themselves by crossing the border again and to feel at home somewhere. But not all of them succeed. Grjasnowa's protagonist is unable to find a new home until – with the transition from life to death – she is finally reunited with her deceased boyfriend (her lost home). Salzmann's protagonist Alissa, who processed her own masculinity already as a child in the form of an imagined twin brother, needs the spatial distance to her family and home in order to finally face the physical and mental change from woman to man, from Alissa to Anton. The transition allows her/him to be the person she/he wants to be – a different kind of feeling at home. The crossing of the border by Kapitelman's protagonists is most likely to be understood as positive, because in the end the stay helps the son in particular to establish himself as a German Jew.

The possibilities to return are similarly diverse in all three novels. While Grjasnowa's protagonist does not seem to be willing to return from the start, Salzmann's protagonist experiences a form of unrecognized return that has a very old tradition in literary texts. Kapitelman's protagonist cannot return until all his doubts and questions have been resolved. And then he is coming back to Germany even as a happier person who seems to have found himself a little bit more.

The analysis of the three novels supports Pabis' assumption that migration family novels differ from family sagas in the following way: with the experiences of disruption (which arise due to the crossing of national borders), perspective shifts take place. The proposition can be extended with the observation that an attempt to heal the disruption (coping strategy) is made by means of another border crossing. The outcomes of that are quite different. The strong link between border crossings and contact zones with previous generations and the transgenerational memory can predominantly be found in Salzmann's novel. Kapitelman and Grjasnowa tell stories that merely shed some light on the two generations who experienced migration together. However, it becomes clear with all three novels that the act of border crossing stimulates reflection on the own origin and family history. Besides, all three novels can be understood both as family sagas as well as adolescent or coming-of-age literature which deal with topics like puberty, self-discovery, gender transformation, love, loss, study, entry into professional life and so on. The migration background and personal liminal experiences

have a strong impact on the representation of border crossings, which are always associated with earlier (migratory) border crossings and with boundary crossings in the context of adolescence.

Just as borders and periods of upheaval are recurring motifs in these novels, so are the spaces of transit, like train stations and airports. Another transit space of importance where ‘something special happens’ is the home for asylum seekers, where the families live after they arrived in Germany. Here, the ideal of a life in Germany, in freedom and independence, clashes with the unadorned and unpleasant reality of the life as an asylum seeker. Also, the journey to the Middle East becomes itself a transit space, in which there is a transition between life and death, woman and man or self-confusion and self-positioning.

Regarding the aspects of the secondary literature, all the three novels that were analysed here are border crosser stories, according to Pabis, which not only depict migration and travel, but also personal liminal experiences. They reflect processes of self-transgression and alienation from the world and the self in connection with the representation of boundary crossings. The foreign, which, according to Waldenfels, appears at the borders in the form of the extraordinary, emerges in the texts only blurredly in the form of a chicken stuck in the throat or a laptop that – from the protagonist’s point of view – is blown up unfounded. At the same time, however, due to their migration background and family history, the border crossings are associated with feelings of coming home – for instance when Grjasnowa’s protagonist suddenly remembers Baku in Tel Aviv (p. 253) or Kapitelman’s protagonist is greeted at the airport like someone finally coming home: “Welcome to Israel, you two! The time had come for you to finally visit your home country” (p. 66, translation by AJ)¹.

ACKNOWLEDGEMENTS

This output has been co-financed under Project U21 – Improving the Quality of the Grant Competition and Teaching in Doctoral Study Programmes at UJEP CZ.02.2.69/0.0/0.0/19_073/0016 947.

References

Assmann, A. (2007). *Geschichte im Gedächtnis. Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung* [History in memory. From individual experience to public staging]. München: C. H. Beck. (In German).

1 Original quote: “Willkommen in Israel, ihr zwei! Wurde ja auch Zeit, dass ihr mal eure Heimat besucht.”

- Aumüller, J. (2010). Wie viele Generationen dauert Integration? Wie Begriffe unser Bild von Gesellschaft prägen [How many generations does integration take? How terms shape our image of society]. Retrieved from Migrationspolitisches Portal der Heinrich Böll Stiftung website: <https://heimatkunde.boell.de/de/2013/11/18/wie-viele-generationen-dauert-integration-wie-begriffe-unser-bild-von-gesellschaft-pr%C3%A4gen> (In German)
- Bhabha, H. K. (1994). *The location of culture*. New York: Routledge.
- Chiellino, C. (2001). *Liebe und Interkulturalität. Essays 1988-2000* [Love and Interculturality. Essays 1988-2000]. Tübingen: Stauffenburg. (In German).
- Cornejo, R., Piontek, S., Sellmer, I., & Vlasta, S. (Eds.). (2014). *Deutschsprachige Gegenwartsliteratur aus Mittel- und Osteuropa* [German-language contemporary literature from Central and Eastern Europe]. Wien: Praesens Verlag. (In German).
- Drosihn, Y., Jandl, I., & Kowollik, E. (2020). *Trauma – Generationen – Erzählen. Transgenerationale Narrative in der Gegenwartsliteratur* [Trauma – Generations – Narrative. Transgenerational Narratives in Contemporary Literature]. Berlin: Frank & Timme. (In German).
- Grjasnowa, O. (2012). *Der Russe ist einer, der Birken liebt* [The Russian is one who loves birches] (6th ed.). München: dtv. (In German).
- Hardtke, T., Kleine, J., & Payne, C. (Eds.). (2017). *Niemandsbuchten und Schutzbefohlene* [No man's pens and protectors]. Göttingen: V&R Unipress. (In German).
- Hausbacher, E. (2009). *Poetik der Migration. Transnationale Schreibweisen in der zeitgenössischen russischen Literatur* [Poetics of Migration. Transnational modes of writing in contemporary Russian literature]. Tübingen: Stauffenburg. (In German).
- Hinojosa Picón, O. (2019). Barbara Honigmann: Das Leben an der Grenze erinnern und erzählen [Barbara Honigmann: Remembering and recounting life on the border]. In M. B. Hölscher & C. Jurcic (Eds.), *Narrationen in Bewegung. Deutschsprachige Literatur und Migration* [Narratives on the Move. German-language literature and migration] (pp. 165–172). Bielefeld: Aisthesis Verlag. (In German).
- Jänchen, A. (2019). *Die dritte Stimme. Migration in der jüngeren deutschsprachigen Literatur* [The Third Voice. Migration in recent German-language literature]. Baden-Baden: Tectum Verlag. (In German).
- Kapitelman, D. (2016). *Das Lächeln meines unsichtbaren Vaters* [The smile of my invisible father]. München: Hanser Berlin. (In German).
- Olga Grjasnowa findet Label 'Migrationsliteratur' unsäglich [Interview mit Olga Grjasnowa] [Olga Grjasnowa finds the label 'migration literature' unspeakable [Interview with Olga Grjasnowa]]. (2017, March 25). Retrieved from Welt website: https://www.welt.de/newsticker/dpa_nt/infonline_nt/boulevard_nt/article163153046/Olga-Grjasnowa-findet-Label-Migrationsliteratur-unsaglich.html
- Oppenrieder, W., & Thurmair, M. (2003). Sprachidentität im Kontext von Mehrsprachigkeit [Language identity in the context of multilingualism]. In N. Janich & C. Thim-Mabrey (Eds.), *Sprachidentität – Identität durch Sprache* [Language identity – identity through language] (pp. 39–60). Tübingen: Gunter Narr Verlag. (In German).

- Pabis, E. (2017). *Literarische Grenzgänge. Dimensionen der Fremdheit in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur der Schweiz* [Literary Border Crossings. Dimensions of foreignness in contemporary German-language literature in Switzerland]. Wien: Praesens Verlag. (In German).
- Pekar, T. (2017). Heimat, Anpassung und Transit in der Literatur des Exils und der Migration [Home, Adaptation and Transit in the Literature of Exile and Migration]. In S. Egger, W. Bonner, & E. W. B. Hess-Lüttich (Eds.), *Transiträume und transitorische Begegnungen in Literatur, Theater und Film* [Transit Spaces and Transitory Encounters in Literature, Theatre and Film] (pp. 131–144). Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag. (In German).
- Pratt, M. L. (1991). Arts of the Contact Zone. *Profession*, (91), 33–40.
- Rauwald, M. (2013). *Vererbte Wunden: Transgenerationale Weitergabe traumatischer Erfahrungen* [Inherited wounds: Transgenerational transmission of traumatic experiences]. Weinheim/Basel: Beltz Verlag. (In German).
- Salzmann, S. M. (2017). *Außer sich* [Out of himself]. Berlin: Suhrkamp. (In German).
- Schimanski, J., & Wolfe, S. F. (Eds.). (2017). *Border Aesthetics. Concepts and Intersections*. Oxford/New York: Berghahn.
- Stanišić, S. (2008, November). Three Myths of Immigrant Writing: A View from Germany. Retrieved from WORDS without BORDERS website: <https://www.wordswithoutborders.org/article/three-myths-of-immigrant-writing-a-view-from-germany>
- Steidl, S. (2017). Der Flüchtling als Grenzgestalter? Zur Dialektik des Grenzverletzers in Abbas Khiders Debütroman *Der falsche Inder* [The Refugee as Border Shaper? On the Dialectic of the Border Violator in Abbas Khider's Debut Novel *The Wrong Indian*]. In T. Hardtke, J. Kleine, & C. Payne (Eds.), *Niemandsbuchten und Schutzbefohlene* [No-man's pens and protectors] (pp. 305–320). Göttingen: V&R Unipress. (In German).
- Waldenfels, B. (1990). *Der Stachel des Fremden* [The Sting of the Stranger]. Frankfurt am Main: Suhrkamp. (In German).
- Waldenfels, B. (2006). *Grundmotive einer Phänomenologie des Fremden* [Basic Motifs of a Phenomenology of the Stranger]. Frankfurt am Main: Suhrkamp. (In German).
- Wilhelmer, L. (2015). *Transit-Orte in der Literatur. Eisenbahn – Hotel – Hafen – Flughafen* [Transit places in literature. Railway – Hotel – Port – Airport]. Transcript. (In German).

Список литературы

- Assmann, A. (2007). *Geschichte im Gedächtnis. Von der individuellen Erfahrung zur öffentlichen Inszenierung* [History in memory. From individual experience to public staging]. München: C. H. Beck. (In German).
- Aumüller, J. (2010). Wie viele Generationen dauert Integration? Wie Begriffe unser Bild von Gesellschaft prägen [How many generations does integration take? How terms shape our image of society]. Retrieved from Migrationspolitisches Portal der Heinrich Böll Stiftung website: <https://heimatkunde.boell.de/de/2013/11/18/wie-viele-gen->

erationen-dauert-integration-wie-begriffe-unser-bild-von-gesellschaft-pr%C3%A4gen (In German)

- Bhabha, H. K. (1994). *The location of culture*. New York: Routledge.
- Chiellino, C. (2001). *Liebe und Interkulturalität. Essays 1988-2000* [Love and Interculturality. Essays 1988-2000]. Tübingen: Stauffenburg. (In German).
- Cornejo, R., Piontek, S., Sellmer, I., & Vlasta, S. (Eds.). (2014). *Deutschsprachige Gegenwartsliteratur aus Mittel- und Osteuropa* [German-language contemporary literature from Central and Eastern Europe]. Wien: Praesens Verlag. (In German).
- Drosihn, Y., Jandl, I., & Kowollik, E. (2020). *Trauma – Generationen – Erzählen. Transgenerationale Narrative in der Gegenwartsliteratur* [Trauma – Generations – Narrative. Transgenerational Narratives in Contemporary Literature]. Berlin: Frank & Timme. (In German).
- Grjasnowa, O. (2012). *Der Russe ist einer, der Birken liebt* [The Russian is one who loves birches] (6th ed.). München: dtv. (In German).
- Hardtke, T., Kleine, J., & Payne, C. (Eds.). (2017). *Niemandsbuchten und Schutzbefohlene* [No man's pens and protectors]. Göttingen: V&R Unipress. (In German).
- Hausbacher, E. (2009). *Poetik der Migration. Transnationale Schreibweisen in der zeitgenössischen russischen Literatur* [Poetics of Migration. Transnational modes of writing in contemporary Russian literature]. Tübingen: Stauffenburg. (In German).
- Hinojosa Picón, O. (2019). Barbara Honigmann: Das Leben an der Grenze erinnern und erzählen [Barbara Honigmann: Remembering and recounting life on the border]. In M. B. Hölscher & C. Jurcic (Eds.), *Narrationen in Bewegung. Deutschsprachige Literatur und Migration* [Narratives on the Move. German-language literature and migration] (pp. 165–172). Bielefeld: Aisthesis Verlag. (In German).
- Jänchen, A. (2019). *Die dritte Stimme. Migration in der jüngeren deutschsprachigen Literatur* [The Third Voice. Migration in recent German-language literature]. Baden-Baden: Tectum Verlag. (In German).
- Kapitelman, D. (2016). *Das Lächeln meines unsichtbaren Vaters* [The smile of my invisible father]. München: Hanser Berlin. (In German).
- Olga Grjasnowa findet Label 'Migrationsliteratur' unsäglich [Interview mit Olga Grjasnowa] [Olga Grjasnowa finds the label 'migration literature' unspeakable [Interview with Olga Grjasnowa]]. (2017, March 25). Retrieved from Welt website: https://www.welt.de/newsticker/dpa_nt/infonline_nt/boulevard_nt/article163153046/Olga-Grjasnowa-findet-Label-Migrationsliteratur-unsaeglich.html
- Oppenrieder, W., & Thurmair, M. (2003). Sprachidentität im Kontext von Mehrsprachigkeit [Language identity in the context of multilingualism]. In N. Janich & C. Thim-Mabrey (Eds.), *Sprachidentität – Identität durch Sprache* [Language identity – identity through language] (pp. 39–60). Tübingen: Gunter Narr Verlag. (In German).
- Pabis, E. (2017). *Literarische Grenzgänge. Dimensionen der Fremdheit in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur der Schweiz* [Literary Border Crossings. Dimensions of foreignness in contemporary German-language literature in Switzerland]. Wien: Praesens Verlag. (In German).

- Pekar, T. (2017). Heimat, Anpassung und Transit in der Literatur des Exils und der Migration [Home, Adaptation and Transit in the Literature of Exile and Migration]. In S. Egger, W. Bonner, & E. W. B. Hess-Lüttich (Eds.), *Transiträume und transitorische Begegnungen in Literatur, Theater und Film [Transit Spaces and Transitory Encounters in Literature, Theatre and Film]* (pp. 131–144). Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag. (In German).
- Pratt, M. L. (1991). Arts of the Contact Zone. *Profession*, (91), 33–40.
- Rauwald, M. (2013). *Vererbte Wunden: Transgenerationale Weitergabe traumatischer Erfahrungen [Inherited wounds: Transgenerational transmission of traumatic experiences]*. Weinheim/Basel: Beltz Verlag. (In German).
- Salzmann, S. M. (2017). *Außer sich [Out of himself]*. Berlin: Suhrkamp. (In German).
- Schimanski, J., & Wolfe, S. F. (Eds.). (2017). *Border Aesthetics. Concepts and Intersections*. Oxford/New York: Berghahn.
- Stanišić, S. (2008, November). Three Myths of Immigrant Writing: A View from Germany. Retrieved from WORDS without BORDERS website: <https://www.wordswithoutborders.org/article/three-myths-of-immigrant-writing-a-view-from-germany>
- Steidl, S. (2017). Der Flüchtling als Grenzgestalter? Zur Dialektik des Grenzverletzers in Abbas Khiders Debütroman *Der falsche Inder* [The Refugee as Border Shaper? On the Dialectic of the Border Violator in Abbas Khider's Debut Novel *The Wrong Indian*]. In T. Hardtke, J. Kleine, & C. Payne (Eds.), *Niemandsbuchten und Schutzbefohlene [No-man's pens and protectors]* (pp. 305–320). Göttingen: V&R Unipress. (In German).
- Waldenfels, B. (1990). *Der Stachel des Fremden [The Sting of the Stranger]*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. (In German).
- Waldenfels, B. (2006). *Grundmotive einer Phänomenologie des Fremden [Basic Motifs of a Phenomenology of the Stranger]*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. (In German).
- Wilhelmer, L. (2015). *Transit-Orte in der Literatur. Eisenbahn – Hotel – Hafen – Flughafen [Transit places in literature. Railway – Hotel – Port – Airport]*. Transcript. (In German).

GALICIA AS AN INTERTEXT: THE CONCEPT OF THE FRONTIER IN THE NOVEL “THE END OF DAYS” BY JENNY ERPENBECK

Ievgeniia V. Voloshchuk

European University Viadrina. Frankfurt (Oder), Germany. Email: [voloshchuk\[at\]europa-uni.de](mailto:voloshchuk[at]europa-uni.de)

Abstract

The article analyses the model of the cultural space underlying the image of Galicia in the novel *The End of Days* by Jenny Erpenbeck. The research is focused on the intertextual elements used to create this image, their functions and the range of their interactions with the concept of the frontier. The myth of Galicia, the works of Karl Emil Franzos, Joseph Roth, Johann Wolfgang Goethe as well as Old Testament stories and psalms are considered as the main sources of intertextuality. Based on the analysis it can be inferred that the novel uses the intertextual elements not only for the wide cultural contextualization of the image of Galicia but also for the subversion of both the myth of Galicia and the literary pretexts from which these elements are borrowed.

Keywords

frontier; Galicia; pretext; intertext; motif; myth of Galicia; family history; cultural geography; Eastern European Jewry

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ГАЛИЦИЯ КАК ИНТЕРТЕКСТ: КОНСТРУКТ ПОГРАНИЧЬЯ В РОМАНЕ «ХВАЛИ ДЕНЬ К ВЕЧЕРУ» ДЖЕННИ ЭРПЕНБЕК

Волощук Евгения Валентиновна

Европейский университет Виадрины. Франкфурт-на-Одере, Германия.
Email: [voloshchuk\[at\]europa-uni.de](mailto:voloshchuk[at]europa-uni.de)

Аннотация

В статье анализируется модель культурного пространства, положенная в основу образа Галиции в романе «Хвали день к вечеру» Дженни Эрпенбек. Исследовательский фокус направлен на используемые для создания этого образа интертекстуальные элементы, их функции и спектр их взаимодействий с конструктом пограничья. При этом в качестве основных источников интертекстуальности рассматриваются литературный миф Галиции, произведения Карла Эмиля Францоу, Йозефа Рота, Иоганна Вольфганга Гете, а также ветхозаветные сюжеты и псалмы. Из анализа резюмируется вывод о том, что в романе интертекстуальные элементы используются не только для широкой культурной контекстуализации образа Галиции, но и для субверсии, направленной как на миф Галиции, так и на литературные претексты, из которых они заимствуются.

Ключевые слова

пограничье; Галиция; претекст; интертекст; мотив; миф Галиции; семейная история; культурная география; восточноевропейское еврейство

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

С момента культурного «переоткрытия» Галиции, стартовавшего в немецкоязычном пространстве¹ вместе с публикацией посвященной ей книги Мартина Поллака (Pollack, 2001), галицкая тема не выходит из литературной моды. Наиболее яркими свидетельствами тому являются многочисленные литературные путешествия в Галицию. По мнению известного австрийского слависта Алоиза Вольдана, возник даже особый литературный жанр таких путешествий со специфическим комплексом мотивов и топосов (Woldan, 2015). Одновременно растет корпус фикциональных текстов, в разных формах и вариациях разрабатывающих галицкую тему. К их числу относится и высоко оцененный рецензентами (Auffermann, 2018; Böttiger, 2012) роман «Хвали день к вечеру» („Aller Tage Abend“, 2012) известной современной немецкой писательницы Дженни Эрпенбек (род. 1967). Галицкой теме в нем посвящена только одна, первая глава, рассказывающая о семейной предыстории и начале жизненного пути протагонистки. Путь этот пролегает через мировые войны, падение старых империй и появление новых государств, смертельные угрозы коричневого и красного тоталитаризма, разрушение Берлинской стены и установление нового европейского порядка. Неудивительно, что захудалый пограничный галицкий городок Броды, в котором протагонистка появляется на свет, почти теряется из виду на фоне обширной географии ее дальнейших странствий, охватывающих постгабсбургскую Вену, сталинскую Москву, лагерь для политических узников на крайнем Севере, Уфу и Узбекистан военных лет, Берлин времен ГДР и, наконец, объединенную Германию. И тем не менее, галицкая глава в романе отнюдь не эпизодическая: она задает тон дальнейшему сюжету и проявляет ту экзистенциальную и социальную матрицу, которая впоследствии будет воспроизводиться в разных исторических декорациях. С учетом этого в данной статье ставится задача проанализировать модель культурного пространства, положенную писательницей в основу образа Галиции и связанного с ним этапа семейной истории. При этом исследовательский фокус направлен на используемые для создания этого образа интертекстуальные элементы, их функции, а также спектр их взаимодействий с конструктом пограничья.

1 В немецком пространстве это открытие произошло на несколько десятилетий позже по сравнению с Польшей, где аналогичный процесс начался еще в 1960-е гг. (Jakubów, 2015).

ОТ ГАБСБУРГСКОЙ ГАЛИЦИИ ДО ПАДЕНИЯ БЕРЛИНСКОЙ СТЕНЫ

Обращение к топосу Галиции в романе «Хвали день к вечеру» объясняется не только литературной модой. Дело в том, что в основу жизненной истории своей протагонистки Дженни Эрпенбек положила биографию своей бабушки — немецкой писательницы, актрисы, режиссера, кабаретистки и журналистки Хедды Циннер (1904-1995)¹, принадлежавшей когорте признанных мастеров соцреалистического пера в бывшей ГДР. По одной из версий, Хедда Циннер родилась в галицком городе Лемберге (ныне Львове), что и нашло отражение в романе «Хвали день к вечеру» наряду с другими событиями ее жизни — политической эмиграцией в рамках левого движения в СССР 1930-х гг., эвакуацией во время Второй мировой войны и др. С этой точки зрения, «галицкая» глава встраивается в фактуальную биографию, якобы реконструируемую в романе.

Вместе с тем, Эрпенбек пользуется приемом, подрывающим реалистичность этой биографии. Историю своей героини она выстраивает в виде цепочки следующих друг за другом пяти вариантов биографии, каждый из которых заканчивается ее смертью, а затем получает продолжение на новом сюжетном отрезке — вплоть до «окончательной» смерти, настигающей ее в 90-летнем возрасте. Благодаря этому жизнеописание протагонистки приобретает нарочитый фикциональный характер, приближаясь то ли к конъюнктивному «как бы»-повествованию, то ли к компьютерной игре с ее «запасом» жизней, то ли, наконец, к литературно-издательскому трюку «продолжение следует». Процесс фикционализации затрагивает и галицкое пространство: оно демонстративно описывается как образ, сотканный из узнаваемых литературных мотивов.

В каждом варианте биографии протагонистка предстает в другом образе, другой фазе своей жизни и другом интерьере, репрезентирующем определенный этап «большой» истории. Так, в первой главе главная героиня — новорожденная, увидевшая свет в габсбургской Галиции в начале XX в. и задохнувшаяся в собственной колыбели в возрасте восьми месяцев. В следующей главе это завершение судьбы «переигрывается»: девочку в колыбели спасает от смерти горсть снега, брошенная ей в лицо. Теперь она предстает в образе семнадцатилетней девушки в Вене, куда ее еще в детстве привезли родители, переехавшие сюда из Галиции в поисках лучшей жизни. Однако реальность развенчивает эти иллюзии: отец с трудом отыскивает здесь отнюдь не

1 На этот эмпирический материал указывают многие рецензенты романа Эрпенбек (см., например, Kutzner, 2013)

хлебное место мелкого сотрудника метеорологической службы; мать на его скудное жалованье едва сводит концы с концами, а сама героиня добровольно уходит из жизни вследствие экзистенциального кризиса, вызванного несчастной любовью, эмоциональным истощением, идентичностными разрывами и глубоким разочарованием в мире, исковерканном Первой мировой войной. В третьем варианте биографии выясняется, что вместо того, чтобы наложить на себя руки, героиня занялась литературным творчеством и вступила в коммунистическую партию. То и другое позволило ей – к тому времени уже 36-летней коммунистке – эмигрировать в сталинскую Россию. Спустя несколько лет ее вслед за мужем приговаривают к сроку в ГУЛАГе, где она умирает в нечеловеческих условиях. В четвертой версии биографии ей, в отличие от мужа, удастся избежать гибели в лагерях и относительно благополучно пережить Вторую мировую войну в эвакуации. Вместе с сыном, родившимся в новых любовных отношениях, она по окончании войны переезжает в Восточную Германию, делает здесь громкую литературную и общественную карьеру и умирает на 60-м году вследствие неудачного падения с лестницы в собственном доме. Наконец, в пятой и последней версии, она доживает до падения Берлинской стены, впадает в деменцию, и её списывают со счетов экс-звезда ГДРовской литературы. В конечном, счёте она которая умирает в 90-летнем возрасте в доме престарелых. Именно здесь читатель впервые узнает ее фамилию – Гофманн.

Таким образом, эта биография, начинающаяся в 1902 г. и заканчивающаяся в 1992 г., охватывает почти все XX столетие. Наряду с этим, она представляет собой летопись странствий порожденного этим столетием типажа – человека, оторванного от своих корней, гонимого ветром истории и пытающегося укорениться в той реальности, где под разноцветными флагами обещанного лучшего мира снова и снова перекраивается политическая карта и тем самым снова и снова аннулируются прежние ориентиры и ценности, снова и снова гибнут надежды на полноценную жизнь.

В ходе повествования галицкое прошлое из истории госпожи Гофманн и ее семьи стирается. Лишь в финале романа оно неожиданно оживает в одной незначительной детали: среди архивных безделушек, которые героиня перебирает в доме престарелых, оказываются золотые пуговицы с мундира ее отца, который тот носил в годы службы в габсбургской Галиции.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МИФА?

Со своей галицкой главой Эрпенбек подключается к богатой литературной традиции, отсылающей прежде всего к мифу Галиции. К его центральным мотивам Дитлинд Хюхткер относит (аграрную) бедность, отсталость, мультикультурность, мультиконфессиональность и полиэтничность. Последнюю репрезентирует констелляция, включающая прежде всего евреев, поляков, австрийцев и «рутен» (как навали в Австро-Венгрии православных и греко-католиков, в т. ч. украинцев) и другие этнические группы. Важное место в мифе Галиции занимают галицкие евреи: их жизнь в штетле и гетто, религиозные и культурные традиции, противоречия еврейской ассимиляции и взаимоотношений евреев с другими этническими группами и другие аспекты. Кроме того, миф тематизирует окраинное и пограничное расположение Галиции и ее географическую близость к Российской империи. После Первой мировой войны к указанному тематико-эстетическому комплексу добавилась ностальгия по «затонувшей» габсбургской Галиции, изображаемой как некий идиллический топос, а также реквиемная нотка по поводу падения Дунайской монархии (Hüchtker, 2002, pp. 81-82).

Многие из указанных элементов мифа Галиции нашли отражение в галицкой главе романа «Хвали день к вечеру». Местом действия писательница делает габсбургскую Галицию, чья принадлежность Дунайской монархии подчеркивается беглыми и немногочисленными, но запоминающимися упоминаниями о проезде императора через местную железнодорожную станцию, Галицкой железной дороге имени Карла Людвиг, связывавшую восточную провинцию с центром империи или должности «к. и к.-чиновника»¹. Модель мультиэтнического пограничья представлена приграничными Бродами, разделенными на гетто, в котором живут предки протагонистки, и не еврейскую часть, куда со временем переезжает ее бабушка. Среди действующих лиц галицкой главы — евреи, австрийцы, поляки, а также «дезертиры» неопределенной этнической принадлежности, очевидно, нелегально попавшие сюда из соседней Российской империи. Присущий мифу Галиции топос «вавилонского» смешения народов наглядно иллюстрируется в галицкой главе браком австрийца и еврейки, в котором рождается протагонистка. При этом основной упор делается на еврейской теме — описании семейной истории, представленной тремя поколениями предков протагонистки,

1 “k. und k.” или “k. u. k.” – сокращение обозначения «императорский и королевский», принятого в Дунайской монархии после заключения Австро-венгерского соглашения 1867 г.

внутрисемейных отношений, традиций и обрядов. Отдельные вкрапления идиша: “Maideleh” (Erpenbeck, 2014, p. 12), “Saj mojchl un fal mir meine trep nit arunter” (p. 14), “Voz iz mit dir? Mameleh, voz iz mit dir?” (p. 60) и др., — подчеркивают экзотический колорит восточноевропейского еврейства, использовавшего идиш в повседневном общении. А вместе с тем — языковое и культурное разнообразие Галиции.

Кроме того, в центр галицкой главы выдвинута характерная для мифа Галиции тема распада старого порядка. Она репрезентируется, главным образом, семьей протагонистки. После смерти восьмимесячной девочки отец тайком бежит в Америку, а мать становится проституткой. Тем временем умирают еврейские прадед и прабабка протагонистки — последние ревностные блюстители традиций предков. Разорение семейного гнезда и внутренний кризис, в который — каждый по-своему — погружаются родители умершей девочки, символически знаменуют собой не только закат еврейского патриархального мира, но и разрушение традиционной семьи и ее ценностей.

Связь с мифом Галиции усиливается за счет литературных влияний двух крупнейших «летописцев» галицкого пограничья, чье творчество существенным образом способствовало формированию этого мифа: Карла Эмиля Францоа (1848-1904), считающегося одним из «первооткрывателей» данного региона в немецкоязычной литературе второй половины XIX в., и Йозефа Рота (1894-1939), снискавшего славу «Гомера затонувшей габсбургской Галиции» (Шмідт-Денглер, 2007, с. 42).

ПО СЛЕДАМ ФРАНЦОЗА И РОТА

На поверхности лежит, в частности, параллель между галицкой главой и рассказом Францоа «Шейлок из Барнова». В нем представлена история богатого и влиятельного барновского еврея, который отрекся от дочери, сбежавшей с тайным возлюбленным-гусаром. Навсегда похоронив ее в своем сердце, он не отступил от своего проклятья даже в тот день, когда его единственная дочь, измученная пережитыми унижениями и мытарствами, вернулась и, умоляя о прощении, умерла на пороге дома. Похожую историю читатель находит и в галицкой главе романа «Хвали день к вечеру». В ней прадед протагонистки справляет траурный обряд по внучке из-за ее брака с австрийцем. Так же, как красавица Эстер из рассказа Францоа, она оказывается брошенной на произвол судьбы. Но если ее литературная предшественница раскаивается, возвращается домой и умирает как трагическая жертва жестоких обстоятельств, то героиня Эрпенбек добровольно выбирает профессию проститутки и беспово-

ротно движется по пути моральной деградации. И если Француз разоблачает убийственную жестокость патриархального еврейского мира, негативным воплощением которого у него служит образ отца Эстер — барновского «Шейлока», то Эрпенбек диагностирует бессилие еврейской традиции перед новой эпохой и девальвацию семейных отношений — как по межпоколенческой вертикали, так и по гендерной «горизонтали».

Обращает на себя внимание и то, что наряду с типичными предметами еврейских обрядов, вроде меноры или лавки для шивы (траурного обряда) Эрпенбек включает в описание быта еврейской семьи полное собрание сочинений Гете. Эта деталь дважды пересекается с галицким текстом Францоza. Во-первых, в том же «Шейлоке из Барнова» огромную роль в эмансипации героини, ее дальнейшем разрыве с отцом и еврейской традицией играют светские книги, которыми она против воли отца тайком зачитывается. Примечательно, что объектом ее читательской страсти становится смешанная библиотека, в которой книги немецких классиков Гейне или Клопштока дополняются особо популярными в то время развлекательными сочинениями Луизы Мюльбах или Поля де Кока. А, во-вторых, гетевское собрание сочинений в галицкой главе Эрпенбек отсылает к германофильским настроениям Францоza, в частности — к его идее облагораживающего воздействия духа немецкого Просвещения на габсбургские восточные провинции и — далее — на «Полуазию»¹. Вспоминается, например, его рассказ «Шиллер в Барнове», который завершается, по сути, пропагандистской картиной: польский монах, украинский крестьянин и еврей-студент благоговейно склоняются над объединяющих и просветляющих их томом шиллеровских стихов. Аналогичная символическая идея сближения культур в романе Эрпенбек считывается и с гетевского издания, подаренного еврейскому деду протагонистки по случаю завершения образования. Ведь, как минимум, такой подарок предполагает, что его обладатель является поклонником веймарского классика и либо уже может прочесть гетевские сочинения в оригинале, либо надеется сделать это в будущем. В еврейской семье, проживающей в гетто на окраине Галиции, появление такого издания само по себе свидетельствует о пересечении еврейско-немецкой языковой и культурной границы. Однако, как показывают события галицкой главы, гетевское издание становится наглядным доказатель-

1 К показательным в этом отношении текстам Францоza относятся, в частности, «Шиллер в Барнове» («Schiller in Barnow»), «Жертва» («Ein Opfer»), «Из Вены в Черновцы» («Von Wien nach Czernowitz»), «Между Днестром и Быстрицей» («Zwischen Dniester und Bistritz»), «Культурный праздник» («Ein Culturfest») и др.

ством как раз непроницаемости и трагической конфликтности этой границы.

Другим значимым источником интертекстуальных элементов образа Галиции в романе Эрпенбек выступает творчество Йозефа Рота. На значимость ротовского влияния прямо указывает уже тот факт, что главным местом действия в галицкой главе становятся Броды – родной город Рота, прославившийся, по словам Дмитрия Затонского, в качестве его «литературной родины»¹.

Первое же предложение романа, начинающееся узнаваемой цитатой из Книги Иова: «Господь дал, Господь взял»² (Erpenbeck, 2014, p. 11) и через нее отсылающее к образу библейского Иова, навеивает ассоциации с ротовским романом «Иов», в котором этот образ используется как парадигматическое обобщение фигуры главного героя и судьбы восточноевропейского еврейства в начале XX века в целом. В дальнейшем эта ассоциация закрепляется другими перекличками между обоими текстами. Так, изображаемая Эрпенбек история внучки ортодоксального еврея, которая сначала выходит замуж за австрийца, а потом пополняет ряды профессиональных проституток, напоминает жизнеописание дочери ротовского Менделя Зингера – красавицы Мирьям, которая сначала пытается спастись от своих дурных наклонностей в браке с иноверцем-американцем, а после того, как муж ее бросает, становится жертвой собственной нимфомании. Впрочем, не только ротовский «Иов» возникает на горизонте галицкой главы романа Эрпенбек, но и его знаменитое эссе «Евреи в странствиях», а также другие его «еврейские» тексты, благодаря которым он приобрел репутацию литературного адвоката восточноевропейского еврейства. Одной из самых узнаваемых ротовских деталей у Эрпенбек является упоминание о «медно-рыжем» цвете волос, унаследованном протагонисткой от ее еврейских предков по женской линии: Рот считал такой цвет волос отличительной чертой галицких евреев (Roth, 1990d, p. 283) и наделял им персонажей собственных фикциональных и нефикциональных текстов.

Следуя ротовской модели пограничной мультинациональной Галиции, Эрпенбек описывает Броды как «последний бастион»³ (Й. Рот) Габсбургов на границе с Российской империей. Сведущий читатель найдет в ее романе знакомую по ротовским текстам пограничную корчму, в которой тайком перебравшиеся через границу

- 1 Исследователь замечает, что, Галиция была для Рота «желанной отчизной, которая способствовала воплощению его самых смелых мечтаний – человеческих и литературных, личных и даже общественных» (Затонский, 1998, с. 151).
- 2 Здесь и далее текст романа «Хвали день к вечеру» цитируется в моем переводе – Е.В.
- 3 Этот мотив у Рота подробно исследуется Марией Кланьской (Kłańska, 1990).

русские дезертиры пьют «высокопроцентную» водку, а темные дельцы охотятся на неудачников, желающих попытать счастья в Америке. Как и в Галиции Рота, здесь тоже ощутимо присутствие границы между двумя империями. Однако у Эрпенбек она мифологизируется и трансформируется из политико-географического объекта в экзистенциально-поэтическую картину. Так, в сцене похорон восьмимесячной протагонистки ее мать думает о том, что небо над могилой дочери должно быть таким же огромным, как Альпы, которых никогда не видела, но воспринимает как знакомую часть «своей» географии. Тем самым маленький надгробный холмик в далекой провинции вписывается в пространство огромной Габсбургской империи. Вместе с тем, в сознании той же героини закрепляются мифологические представления о близости границы к России. Время от времени она вспоминает о том, как в детстве «она была убеждена в том, что мир плоский, как блин, и она – так же, как другие жители этого приграничного городка – заброшена крупинкой сахара на самый краешек этого блина. Когда ей случалось заблудиться на окраине города, ее охватывал страх, будто она слишком близко подошла к границе и внезапно упала за край [...] При этом горизонт, как она со временем узнала в школе, был ничем иным, как прямой линией, которая тянулась через всю Россию» (Erpenbeck, 2014, p. 37).

Образ затерянной на краю и/или падающей за край крупинки будет многократно повторяться в разных историко-биографических контекстах в дальнейшем повествовании – как некий архетип пограничной экзистенции, впечатанный в семейную историю.

Ротовские мотивы вплетены и в образ отца протагонистки. Австриец, прибывший из столицы в восточную провинцию на службу, он представляет собой фигуру, символизирующую одновременно и «маленького человека» Габсбургской империи, и ее верного служаку. В галицкой главе он предстает мелким чиновником¹, обслуживающим Галицкую железную дорогу имени Карла Людвиг. Помимо очевидной прагматичной цели, эта дорога имела еще и политическое значение в качестве «репрезентанта» имперского духа, соединявшего отдаленный приграничный уголок и сердце империи (Pollack 2001, p. 12). Собственную незначительную должность отец отождествляет со службой империи. А последнюю он, в свою очередь, возводит чуть ли не в главный элемент своей идентичности. Об этом свидетельствует его странный сантмент к мундирным золотым пуговицам с отчека-

1 В последующей, «венской», главе, в которой читатель встречается с отцом протагонистки в последний раз, он трудится в должности служащего столичной метеорологической службы, фиксирующего погодную турбулентность и стихийные бедствия в Вене периода Первой мировой войны.

ненными на них двуглавым орлом и габсбургской короной. И хотя такие пуговицы украшали униформу всех железнодорожных чиновников в Габсбургской империи, в жизни отца протагонистки, равно как и в ее семейной истории, они превращаются в своеобразный фетиш старого порядка и наглядное напоминание о былой принадлежности к империи. Так, в Америке, куда герой в галицкой главе эмигрирует после смерти восьмимесячной дочери и где он переживает своеобразное перерождение под новым именем в новой реальности, эти пуговицы становятся последним и единственным знаком его былой «австрийскости». А в следующей главе униформа железнодорожного чиновника с теми же имперскими пуговицами появляется в качестве особого атрибута: отец протагонистки, служащий венского метеорологического института, упорно носит ее в постгабсбургской Вене, тем самым манифестируя и анахроничную верность погибшей Габсбургской империи, и внутренний протест против новой эпохи, стершей его родную страну с лица земли:

«В январе 1919 г. на золотых пуговицах на отцовском мундире все еще было изображение двуглавого орла и короны кайзера, хотя “императорско-королевский” император¹ уже два года как мертв, а венгерская половина орла давно улетела прочь. Однако мундир все еще греет, поэтому отец день за днем сидит в своем едва отапливаемом, но уже демократичном бюро в Венском метеорологическом институте, — сидит и пестует любовь ко всему императорскому и королевскому, а после службы идет в едва отапливаемое кафе «Виндобона», чтобы сыграть там две партии в шахматы с приятелем и коллегой, и тоже сидит там в мундире, да и дома не снимает мундир, так как дрова, которые мать вместе со старшей дочерью несколько раз в неделю приносит из Венского леса, — сырые и, попадая в кухонную печь, больше трещат, чем горят» (Erpenbeck, 2014, p.79).

После того, как золотые пуговицы переживут и крах империи, и смерть хозяина, и даже утилизацию его мундира, они будут бережно храниться протагонисткой до последних дней ее жизни.

В привязке образа отца протагонистки к имперскому контексту и идее «цивилизующей» роли Габсбургского дома содержатся имплицитные отсылки к ротовской апологетике Дунайской монархии и его галерее «верноподданных», сохраняющих верность империи даже после ее распада. Так же, как ротовские персонажи — Карл Йозеф Тротта в «Марше Радецкого» или Ансельм Эйбеншютц в «Фальшивом весе», — герой Эрпенбек отправляется в Галицию для прохождения службы и поддержания там имперского порядка. Так же, как для названных ротовских героев, галицкая провинция с ее атмосферой

1 В оригинале с помощью этой тавтологии обыгрывается формулировка «к.и.к.».

причудливого упадка становится для него местом внутренней деградации и утраты самого себя. И даже в двух дальнейших сценариях развития его биографии – американском и венском – тоже просматриваются вариации ротовских историй. В американском варианте его тайное бегство в Америку и происходящие там деформации идентичности, вплоть до замены исконного австрийского имени «Йохан» американским именем «Джо», перекликаются с судьбой второго сына Менделя Зингера, – дезертировавшего из русской армии в Америку – Шемарьи, который там становится Сэмом. А в венском варианте он пополняет ряды анахроничных почитателей рухнувшей империи, обреченно цепляющихся за ее девальвированные атрибуты (и здесь его симпатия к списанному мундиру с золотыми пуговицами сопоставима с фанатичным почтением ротовского графа Морстина к бюсту и короне умершего императора.

Широко используя ротовскую модель Галиции, Эрпенбек в то же время отклоняется от его установки на идеализацию последнего периода Габсбургской империи, который Стефан Цвейг ностальгически называл «золотым веком» Дунайской монархии. Воспетую Ротом «идиллию» габсбургской Галиции писательница поворачивает изнаночной стороной, на которой проявляются те проблематичные и конфликтные процессы, которые скрываются за радужной картиной мирного соседства народов и в недалеком будущем изнутри взорвут, казалось бы, незыблемую многонациональную империю.

НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ВЕТХОВАЗЕТНОГО И ГЕТЕВСКОГО ПРЕТЕКСТОВ

Грозные симптомы латентного неблагополучия габсбургской Галиции проявляются в эпизоде еврейского погрома, который образует концептуальный центр галицкой главы. По времени он совпадает с молодостью дедушки и бабушки протагонистки, а также ранним детством ее матери. История о том, как во время погрома соседи-поляки зарубили топором мужа на глазах жены, а жена, спасаясь от озверевших преследователей, упала с крыши и чудом избежала смерти, обнажает жуткую реальность, которая скрывается за фасадом Габсбургского мифа о мирном соседстве народов (Magris, 1996), населявших этот «большой дом со множеством дверей и окон» (Roth, 1990b, с. 675). Неслучайно главным погромщиком в галицкой главе оказывается давний знакомый бабушки протагонистки, поляк Андрей:

«Они с мужем не успели закрыть ставни внизу, как в дом полетели первые камни. Муж попытался рассмотреть, кто бросает камни, и узнал Андрея. Андрей, – позвал он, – Андрей! Но Андрей не слышал, или делал вид, что не слышал, потому что он-то знал, кто жил в доме, который забрасывал камнями. Один из камней Андрея пролетел через оконную щель, на волосок разминувшись с ее головой, ударился о застекленный книжный шкаф позади нее и попал в девятый том полного издания Гете в кожаном переплете, который ее муж получил от родителей в подарок к окончанию школы» (Eggenbeck, 2014, с.15).

Рассказ о внезапном перерождении соседа в погромщика дополняется беглым упоминанием о том, что в комнате, в которой молодая супружеская пара пытается забаррикадироваться от преследователей, были припасены (заранее!) доски как раз на случай подобных экстренных ситуаций. Эти доски самим своим присутствием сигнализируют о хрупкости и ненадежности мира между этническими группами в габсбургской Галиции. Еще более убедительно об этом свидетельствует царапина, оставленная камнем на томе из гетевского собрания сочинений. Она служит наглядным знаком краха и идеи счастливого многонационального соседства, и веры в объединяющую силу культуры, и силы кровавых межэтнических столкновений, сметающих на своем пути прекрасные, но беспомощные перед ними идеалы немецкого Просвещения. Более того, эта царапина ставит том Гете в один ряд с жертвами погрома — хозяином дома и его женой. В итоге Гете, символизирующий вершину немецкой культуры, оказывается таким же гонимым и ненавидимым «чужаком», как и обитатели еврейского гетто.

Сцена погрома, вписанная в перспективу воспоминаний бабушки протагонистки, тоже насыщается интертекстуальными элементами. Правда, их источниками служат уже не «галицкие» тексты немецко-язычной литературы, а ветхозаветный и гетевский претексты.

Первой в этой части повествования появляется цитата из гетевского стихотворения «Морская тишина». Она резюмирует уже упомянутый эпизод с камнем, повредившим гетевский том:

«Ветр не веет благодатный
 Тишина, как смерть, страшна,
 На пространстве необъятном
 Не поднимется волна» (Гете, 1968, с. 364)¹.

Изображаемое в этих строчках обманчивое и опасное затишье на море (“Todesstille fürchterlich”) можно интерпретировать двояким

1 Цит. в переводе К.С. Аксакова.

образом. В рамках сцены погрома оно прочитывается как намек на краткую передышку перед новым актом погрома, в котором, как следует из дальнейшего рассказа, погромщики перейдут от обычного разбоя к убийству. А в рамках создаваемого в романе Эрпенбек образа габсбургской Галиции — как метафора иллюзорной идилличности и реальной взрывоопасности многонационального соседства. И в обоих контекстах гетевская цитата усиливает эмоциональное напряжение описываемого эпизода до жуткого ощущения нависшей смертельной опасности.

Далее цитируются строки из 38 псалма Давида: «Услышь, Господи, молитву мою и внимли воплю моему; не будь безмолвен к слезам моим, ибо странник я у Тебя и пришлец, как и все отцы мои. Отступи от меня, чтобы я мог подкрепиться, прежде нежели отойду и не будет меня» (Псалтирь, 1990, с. 586). В контексте псалма эта цитата резюмирует мотивы суетности и скоротечности человеческого существования, вопрошаний о смертном часе, обращения к Богу с надеждой на заступничество и мольбой о том, чтобы не быть преданным «на поругание безумцу» (Псалтирь, 1990, с. 586). В контексте сцены погрома данная цитата совпадает с последним моментом коварного затишья, когда преследуемые муж и жена, скрывшись за тонкой, прикрытой хлипким засовом дверью, прислушиваются к последним шагам погромщиков, уже добравшихся до этой же двери. Строки псалма выражают их отчаянную надежду на помощь Господа. Но она вдребезги разбивается о дальнейший ход событий, вследствие которого супружеская пара действительно оказывается преданной «на поругание безумцам». Примечательно, что в немецком варианте в процитированных строчках псалма фигурируют слова «гость» (“Gast”, ср. с русским аналогом «странник») и «чужак» (“Fremdling”, ср. с русским аналогом «пришелец»). В сцене погрома библейская экзистенциальная семантика этих образов вытесняется этнокультурной смысловой доминантой, проявляющей угрожаемое положение еврейской диаспоры в Галиции (и — шире — в Восточной Европе). Евреи здесь — «гости» и «чужаки», которые в любой момент, как демонстрирует погром, могут стать изгнанниками и врагами. Заметим, что появляющееся в цитате упоминание предков («как все мои отцы») придает положению гостя-чужака парадигматическое значение. Последнее находит подтверждение в биографии протагонистки: на разных этапах своей своего жизненного пути госпожа Гофманн снова и снова попадает в положение «гостя-чужака» (даже в главе об успешной писательской карьере в ГДР за портретом

уважаемой писательницы-коммунистки скрывается женщина с изломанной судьбой и замалчиваемым прошлым).

Третий интертекстуальный элемент включается в кульминацию погрома. В тот момент, когда выбравшаяся на крышу жена пытается вытащить за руку к себе мужа, а погромщики внизу тянут его за другую руку к себе, в повествование вводится парафраз библейской истории о Лоте. Первое его предложение: «Лот не хочет выдавать ангелов, которые у него в гостях» (Erpenbeck, 2014, p. 21), подхватывает мотив «гостя-чужака», подчеркивая его сакральный статус. Одновременно оно имплицитно провоцирует отождествление погромщиков-соседей с погрязшими в грехах жителями Содома и Гоморры. Дальнейший рассказ построен как разворачивание параллели между Лотом, которому угрожает ярость его сограждан, и дедушкой протагонистки, который пытается вырваться из рук погромщиков. Важным маркером здесь становится цитата из финального абзаца псалма 39: «Боже мой! Не замедли» (p. 21), заостряющая противоречие между реальностью и Священным Писанием — между Лотом, который успевает спастись, и дедушкой протагонистки, который не успевает ускользнуть от своих мучителей. Последующее описание погрома построено как развернутое противопоставление библейской ситуации и переживаемой реальности. Так, спасение Лота изображается следующим образом:

«Лот стоит на пороге, народ хватает его и хочет вытащить из дому, чтобы наказать за закон гостеприимства, который он защищает, чтобы Лота избить, оплывать, ободрать, растоптать; но ангелы ангельскими руками из дому хватают его за руку; у них есть сила поразить людей на улице слепотой, втащить Лота в дом и закрыть дверь между ним и людьми; люди на улице больше не могут видеть друг друга и входную дверь в дом Лота, они ощупывают руками стену и вынуждены отступить» (p. 21).

Непосредственно к этому описанию привязывается картина гибели дедушки протагонистки:

«У нее [его жены – бабушки протагонистки – Е.В.] нет силы ангелов, ей не удастся вытащить мужа наверх; крепко держа мужа за руку, она просит о пощаде Андрея, которого знает с пеленок и просит о пощаде мужчин, которых не знает, в том числе — мужчину с топором; но пока она крепко держит за руку мужа, мужчины, которых она не знает, и Андрей, которого она знает с пеленок, сначала поносят ее мужа, затем его бьют, щадят и, наконец, разрубает топором у нее на глазах. Сначала она держит за руку мужа, затем она держит за руку кусок его тела, затем не остается ничего живого, что она могла бы вытащить наверх к себе. И вот уже она — еврейская вдова, которая держит за руку смерть» (p. 21-22).

Гибель хозяина дома описывается здесь как негативный вариант истории библейского Лота. К хозяину дома, в отличие от Лота, помощь свыше не приходит, а его жене, в отличие от ставшей соляным столпом Лотовой жены, удастся спастись, но, как показывает дальнейший сюжет, ценой ампутации собственного прошлого. Так в сцене погрома проявляется трагическое расхождение между библейским текстом, постулирующим победу чуда над силами зла, и переживаемой реальностью, в которой силы зла исключают самую возможность чуда. Это расхождение между Библией и жизнью, как можно заключить из последующих действий бабушки протагонистки, становится причиной ее разрыва и с еврейским гетто, и с верой предков.

Все последующие события семейной истории в галицкой главе объясняются через призму этой травмы — погрома и вызванного им внутреннего кризиса героини.

Именно эта травма побуждает бабушку сначала перебраться из еврейского гетто в нееврейский квартал, где она чувствует себя в большей безопасности, затем долгое время скрывать от дочери правду о гибели ее отца за легендой о том, что тот бросил семью и живет где-нибудь во Франции или Америке, а затем, вопреки запретам традиции, выдать рыжеволосую дочь-красавицу замуж за «гоя» без доходов, серьезного социального положения и особых личных достоинств. Но этот брак, заключенный с обеих сторон из соображений выгоды, оказывается дефектным для них прежде всего вследствие своей этнической неоднородности. Еврейское происхождение жены становится неустранимым препятствием даже для самой скромной карьеры австрийского чиновника. А жизнь с «гоем» ставит молодую еврейку в положение аутсайдера не только в ее семье, но и в гетто. Изначально проблематичный и рискованный, этот брак распадается после смерти восьмимесячной дочери. Вскоре после похорон австрийский чиновник тайком бежит от бед и невзгод в Америку, где от его австрийскости остаются лишь пуговицы с двуглавым орлом. А предательство бежавшего в Америку мужа и разочарование в семейных ценностях подталкивают мать протагонистки к проституции, ради чего она перебирается из Бродов в Лемберг, где, по словам рассказчицы, уже никто не знает, «кто держал ее за руку, когда она в одиннадцать месяцев училась ходить, и никто не знает, что поляки виновны в том, что она не помнит отца, и также мало кто знает, что она все еще может назубок рассказать гетевского “Бога и баядеру”». В результате личность героини редуцируется на тело, в котором для оказания любовных услуг используются «руки, рот и другие отверстия» (р. 63). А о былой ее принадлежности к галицким евреям напо-

минают лишь медно-рыжие волосы и оскорбительное обращение «ты, еврейская свинья» (р. 56), которое она порой слышит от своих клиентов. И даже ставшее семейной реликвией гетевское собрание сочинений редуцируется теперь до одной-единственной цитаты из «Бога и баядеры», констатирующей принятую героиней роль падшей женщины: «Раскаянье грешных любимо богами, / Заблудших детей огневыми руками / Благие возносят к чертогам своим» (Гете, 1797).

ПОСЛЕ ГАЛИЦИИ

Галицкая глава становится своеобразным претекстом для второго варианта биографии госпожи Гофманн, разворачивающегося в Вене 1919 г. Многие «галицкие» мотивы получают здесь дальнейшее развитие.

Так, в качестве одной из характерных примет Вены «после Габсбургов» Эрпенбек изображает бесстыдный антисемитизм, проявившийся в трагической форме еще в Бродах XIX века. Не в последнюю очередь он, как следует из повествования, был вызван в Вене как раз потоком галицких евреев, которых Первая мировая война и погромы вынудили бросить свои дома и искать прибежище в имперской столице. Однако Вена встретила нищих беженцев «с Востока» той же взрывоопасной смесью ненависти и презрения, которая в те дни поджигала их дома в Галиции. В то время, когда на венских рынках специально для новоприбывших галицких евреев выставлялись таблички с надписью «Трогать товары пальцами строго запрещено!» (Erpenbeck, р. 81), а на каждом углу прибывших евреев клеймили ругательствами «пожар, саранча, пиявки, чума или медведи, лисы, змеи, клещи и вши» (р. 81), по покоренной поляками Галиции катилась волна еврейских погромов. Лаконичное описание погрома в постгабсбургском Лебмерге вызывает в памяти картину погрома в Бродах, пережитого бабушкой протагонистки в молодости. В этом описании польские legionеры в послевоенном Лемберге предстают исторической модификацией тех соседей-поляков, которые в XIX в. обрушились на еврейское гетто в Бродах:

«Когда недавно поляки в Лемберге праздновали на центральной площади победу над украинцами, в двух улицах от них был подожжен еврейский квартал. Праздновали три ночи. Еврейских детей, которые пытались бежать, польские legionеры бросали в горящие дома, а в это время за выставленным кордоном кто-то играл на губной гармошке» (р. 120).

Параллель между антисемитскими настроениями в Вене и Лемберге высвечивает не только похожие или даже общие процессы

на территориях затонувшей Дунайской монархии, а и различия между ними. Если в постгабсбургской Вене юдофобия еще ограничивается вербальными проявлениями, то в польском Лемберге она уже имеет характер садистского насилия, апробированного некогда в габсбургских Бродах (а в недалеком будущем — поставленного на индустриальную основу в нацистских лагерях уничтожения). Отсюда следует, что бывшая провинция империи на один исторический шаг опережает бывшую имперскую столицу по части радикализации насильственных практик, варваризации общественного сознания и нарастания нетерпимости, — иначе говоря, тех процессов, которые определяли ход европейской истории в первой половине XX в.. Именно в провинции конфликт разных национализмов с мультинациональным и мультикультурным наследием Габсбургской империи достигает наибольшей силы; именно тут проступают контуры будущего Холокоста, и именно тут распаивается бездна того исторического безумия, которое станет трагической эмблемой столетия мировых войн, революций и тоталитарных режимов.

И все же бывшая имперская провинция опережает бывшую имперскую столицу только на один шаг. Вена на руинах империи — это город, который по степени запустения и одичания мало чем отличается от затерянных на окраине Бродов конца XIX в.:

«В парках Вены летом трава по колено: на свободных участках выращивают морковь, картошку и свеклу; природа возвышается над Веной, стирает город, но это никого не беспокоит; уже давно не хватает жизни для того, чтобы поправлять и обрезать жизнь. *Ты можешь, как мальчишка, / Сбивающий репы, / Крушить дубы и скалы* (курсив автора – Е.В.)¹. Аренбергерплац² летом почти ничем не отличается от лугов вокруг Бродов, находящихся на границе, вот только она [мать протагонистки – Е.В.] повзрослела и имеет другие заботы, чем ломать стебли орешника и мять траву, идя напрямик через поле, как делала это тогда, когда боялась пропустить край блина. Они не для того искали прибежище в Вене, чтобы тут помереть с голоду. Но ведь невозможно предвидеть мгновение, в которое выяснится, что желание неосуществимо» (pp. 81-82).

Преемственная связь между послевоенной Веной и довоенными Бродами подчеркивается здесь не только мотивами запустения и сахарной крупинки на краю блина, но и гетевской цитатой, напоминающей о том самом собрании сочинений веймарского классика, которое стало неммым свидетелем погрома в Бродах. Кроме того, приведенные здесь строки из гетевского «Прометея» перекликаются

1 Фрагмент стихотворения «Прометей» Й. В. Гете, цит. в переводе В. Левики (Гете, n.d.).

2 Аренбергерпарк — парк, расположенный в третьем районе Вены, Данненбергплац..

с цитатой из гетевского «Бога и баядеры», приведенной в рассказе о том, как мать протагонистки стала проституткой. Обе цитаты указывают на фигуры аутсайдеров, взбунтовавшихся против высшего закона. Сверх того, посредством этих цитат выстраивается параллель между описанием ставшей проституткой матери протагонистки в галицкой главе и картиной погрязшей в запустении имперской столицы в венской главе.

Новое развитие в венском контексте получает и мотив двуглавого орла, символизирующего Габсбургскую империю. Переехав в 1908 г. в имперскую столицу, семья протагонистки поселилась в доме с двуглавым орлом у входной лестницы. Увидев его впервые, мать главной героини подумала, что под крылом имперской птицы ее родные найдут защиту и счастье. Но в одичавшей Вене «после Габсбургов» в этой скульптуре проступает другой образ:

«Наверное, орел внизу лестницы на самом деле был скорее стервятником и много лет ожидал их конца; она же в любом случае сопротивляется этому и не позволяет ему превратить ее семью в добычу, но для этого ей нужно напрячь все силы» (р. 81).

Кроме того, в венской биографии обозначен новый поворот темы конфронтации с еврейской идентичностью. Чтобы скрыть свое еврейское происхождение, мать протагонистки не рассказывает дочерям о еврейских предках и изолирует их от бабушки, внешность которой выдает ее принадлежность к восточноевропейскому еврейству¹. Наблюдая за мутациями, которые происходят с его женой в Вене, муж приходит к выводу о том, что «она замкнулась в своем мозаичном происхождении, как в клетке, и теперь до крови бьется о прутья» (р. 96). Этот конфликт передается и юной протагонистке. Когда та впервые задумывается о своих еврейских корнях, вопрос о том, почему от нее их скрывали и почему она сама тоже должна их скрывать, становится одной из причин ее добровольного ухода из жизни. Картина Венского кладбища, которой Эрпенбек заканчивает вторую версию биографии, сопровождается примечательным комментарием: всего за полторы минуты городской трамвай покрывает расстояние между христианской частью Венского кладбища, на котором расположена могила юной протагонистки, и четвертыми, еврейскими, воротами, за которыми обретает вечный покой ее бабушка. Более того: в заснеженном ландшафте стираются любые

1 В свою очередь, бабушка соглашается жить на другом конце Вены, чтобы отвести от семьи подозрения в еврейских корнях. Она смиряется с тем, что дочь довольствуется случайными встречами с ней на базаре, а внукам, воспитанным в христианской вере, запрещается ее посещать.

различия между обоими кладбищами, — таков главный итог второй части семейной истории. Вместе с тем, снег на могилах бабушки и внучки ассоциативно соединяет их смерть в Вене с погромом в Бродах, когда по еврейскому гетто летали похожие на снежинки перья из выпотрошенных перин и подушек. Гибель главной героини, а затем последовавшая за ней смерть отца, до последнего дыхания оставшегося верноподданным Габсбургской империи, и смерть бабушки, так не отрешившейся от еврейской идентичности, подводит символическую итоговую черту под постгабсбургским этапом семейной истории.

ВЫВОДЫ

В галицкой главе романа «Хвали день к вечеру» Дженни Эрпенбек Галиция инсценируется как фактический и символический исходный пункт сюжетного движения. В ней намечены главные мотивы жизнеописания главной героини: утрата родины деформации идентичностей, обусловленные историческими и социальными потрясениями, стигматизация в качестве преследуемого «чужого» / «врага» (в том числе – и на почве антисемитских предрассудков), кризис старой гуманистической системы ценностей, наконец, — конфронтация с прошлым, которая, выражается, среди прочего, в разломе семейной истории, радикальном разрыве с опытом предыдущих поколений и замалчивании исторических травм.

Например, конфронтация с прошлым, описываемая в галицкой главе как следствие погрома, последовательно проводится через каждый новый отрезок жизненного пути госпожи Гофманн. Так, в Вене героиня восстает сначала против матери, замалчивающей свое еврейское происхождение, а затем против мелкобуржуазной среды, которой принадлежит ее семья. В сталинском СССР ее прежнее австро-венгерское гражданство, мелкобуржуазное происхождение и годы жизни на капиталистическом Западе оказываются серьезными основаниями для того, чтобы быть зачисленной в список «врагов народа». В социалистической Германии ей ради успешной литературной карьеры приходится молчать о пережитом опыте сталинских репрессий. А после падения Берлинской стены она сама становится объектом замалчивания – как и другие интеллектуалы, прежде обслуживавшие свергнутую коммунистическую идеологию. Таким же образом из главы в главу переходит идея взаимосвязи между распадом семьи и сменой системой ценностей – вплоть до последней главы, в которой сын, вопреки сомнениям совести, но зато в духе нового прагматизма отдает ее в дом престарелых, где она обречена

на одиночество, отчуждение и мелочную конфронтацию с выживающими из ума соседками.

Таким образом, в контексте романа Галиция выступает пространством, в котором закладывается «матрица» дальнейшего повествования, определяющая как непосредственно биографическую сюжетную линию, так и символическое измерение странствий главной героини. В рамках этого измерения с жизнеописания протагонистки считывается панорама XX века, фиксирующая важнейшие тектонические сдвиги и катастрофы европейской истории. И основополагающее значение здесь имеет сцена погрома в галицких Бродах.

На уровне семейной истории она маркирует первый слом, совпадающий с эпохальным поворотом восточноевропейской еврейской диаспоры к модернизации и ассимиляции на рубеже XIX-XX столетий. В этот контекст вписывается не только сам по себе разрыв бабушки протагонистки с гетто и еврейскими традициями, но и его последствия, пронизывающие всю личную и семейную историю главной героини: распад традиционной модели семейных отношений и внутренняя конфронтация с собственной (еврейской) идентичностью.

На символическом уровне эта сцена прочитывается как многослойная прелюдия к восточноевропейской истории первой половины XIX в.¹. Ее можно интерпретировать как послание о разрушении многонационального соседства вследствие рецидива архаичного варварства. В этом случае она приобретает значение концептуального пролога к европейской истории XX в., искалеченной аналогичными, но возведенными в высшую степень эксцессами насилия. Наряду с этим, в сцене погрома можно увидеть интродукцию к истории преследований европейского еврейства, которая достигла своего апогея в Холокосте. Наконец, если сфокусироваться на габсбургской Галиции, репрезентирующей на правах метонимии (Kłańska, 1989, p. 148) многонациональную Дунайскую монархию, то сцена погрома прочитывается как метафорическое вступление к распаду Габсбургской империи, обусловленному, по тому же Роту, ростом националистического движения и межэтнической вражды внутри многонационального государства.

Воспринимая Австро-Венгрию через призму Габсбургского мифа о процветании и идиллическом единстве народов, которые ее населяли, Рот приписывал ей значение образцового государства. Последнее, по его мнению, эффективно содействовало продуктивному

1 В этой связи Марек Якубов справедливо замечает: «В известном романе «Хвали день к вечеру» истоки европейской истории восходят к галицкой провинции – городку Броды» (Jakubów, 2015, p. 56).

взаимодействию многих культур, поддерживало мультинациональное равновесие и, по словам одного из ротовских персонажей, в те времена, «когда человек еще был важнее его нации», было родиной для всех этнических групп, живших на его обширных территориях (Roth, 1990с, р. 922). Соответственно, его гибель, обусловленная, по мнению писателя, безответственным заигрыванием власти с националистическими настроениями подданных, ознаменовала собой крах самого проекта многонационального государства и начало тримурфального шествия демонов национализма. Интересно, что эта трактовка европейской истории первой трети XX в. получила полную поддержку со стороны жителя одной из бывших провинций Габсбургской империи, известного венгерского писателя и лауреата Нобелевской премии, Ирме Кертеша. В одно из интервью он, в частности, сказал:

«Йозеф Рот, пожалуй, яснее других писателей понял, что значила гибель Австро-Венгерской монархии: именно тут лежал корень национализма – источник трупного яда. Были основаны малые национальные государства, чей национализм казался оправданным. Но, в конце концов, это привело к нацизму и Второй мировой войне» (Plath, 2007).

Этот прогноз Рота-политического мыслителя развивает в своем романе Дженни Эрпенбек. Более того, она вытесняет этим прогнозом ту идиллическую картину габсбургской Галиции, которую Рот-художник настойчиво создавал в своих романах и рассказах. Из последней (пятой) версии биографии протагонистки Эрпенбек читатель узнает о том, что ее бабушка, мать и младшая сестра в 1940-е годы были депортированы в Восточную Европу и погибли в нацистских лагерях. Так история соединяет в одну цепочку габсбургские Броды, постгабсбургскую Вену и нацистский Аушвиц. В этом контексте насильственное «возвращение» членов семьи в Восточную Европу прочитывается как трагическая перверсия возвращения к истокам семейной истории, в том числе — к погрому в Бродах.

Как показывает проведенное исследование, в образе Галиции, созданном в галицкой главе романа «Хвали день к вечеру» Дженни Эрпенбек, накладываются друг на друга три топоса. Первый — топос утраченной родины семейной истории, репрезентирующий важное «место памяти» Восточной Европы. Второй — топос пограничья, который в данном случае конкретизируется положением пограничной земли между двумя большими империями, фиксирующей границу между Западом и Востоком Европы, многократно пересекаемую протагонисткой романа в течение ее долгих жизненных странствий.

Наконец, третьим базовым компонентом является топоним Галиции. При этом в целом и в многочисленных деталях писательница опирается на ту модель культурного пространства, которая была выработана мифом Галиции. Тем не менее, речь идет не о механическом перенесении этой модели, а о ее литературной стилизации. Потому что Эрпенбек не столько воспроизводит этот миф, сколько его переконструирует и «олитературивает», расставляя в нем специфические акценты, оспаривая некоторые его аспекты и в значительной степени формируя его как многослойный интертекст.

Центральными источниками интертекста в галицкой главе (намного шире, кстати заметить, присутствующему в ней, чем в остальных частях книги) являются тексты Карла Эмиля Францоа и Йозефа Рота, относящихся к «создателям» галицкого мифа, Гете, символизирующего связующий и просвещающий дух немецкой культуры, а также библейские повествования и псалмы, репрезентирующие мировосприятие и культуру патриархального восточноевропейского еврейства. Использование этих элементов имеет разнонаправленный характер. С одной стороны, они служат историко-культурной контекстуализации и литературной стилизации мифа Галиции, в том числе – воссозданию этнического и культурного многообразия галицкого пограничья. А, с другой, с их помощью осуществляется определенная субверсия, направленная как на сам миф Галиции, так и на претексты, из которых они заимствуются. Благодаря этому в романе и возникает многогранный образ Галиции как интертекста, укорененного одновременно и в галицком мифе, и в современном галицком дискурсе.

ПОСТСКРИПТУМ

В конце романа появляется неожиданная интертекстуальная отсылка к его началу, которую можно интерпретировать как идею возвращения к истокам (семейной) истории. Здесь бывшая убежденная коммунистка и легенда ГДРовской литературы, а ныне старая дама с почти стертыми воспоминаниями ностальгически достает золотые пуговицы с отцовского мундира и объявляет себя верным майором «к. и к.»-армии, готовым отправиться в поход. Этот ироничный итог жизни героини и истории XX в. отмечает собой новый этап европейской истории, на котором будущее Европы оказывается вновь связанным с теми вызовами, перед которыми она стояла 100 лет назад.

Список литературы

- Auffermann, V. (2012). Eine Frau, was aus ihr wurde und was hätte sein können [A woman, what became of her and what could have been]. Retrieved from Deutschlandfunk Kultur website: https://www.deutschlandfunkkultur.de/eine-frau-was-aus-ihr-wurde-und-was-haette-sein-koennen.950.de.html?dram:article_id=223043
- Böttiger, H. (2012, October 25). Eine Romanfigur mit fünf Leben [A novel character with five lives]. *Die Zeit*. Retrieved from <https://www.zeit.de/2012/44/Jenny-Erpenbeck-Aller-Tage-Abend>
- Erpenbeck, J. (2014). *Aller Tage Abend* [The end of days]. München: Albrecht Knaus.
- Hüchtker, D. (2002). Der “Mythos Galizien”. Versuch einer Historisierung [The ‘Myth of Galicia’. Attempt of historicization]. In M. Müller & R. Petri (Eds.), *Die Nationalisierung von Grenzen. Zur Konstruktion nationaler Identität in sprachlich gemischten Grenzregionen* [The Nationalization of Borders. On the Construction of National Identity in Linguistically Mixed Border Regions] (pp. 81–107). Marburg: Herder-Institut.
- Jakubów, M. (2015). Nach der Wiederentdeckung Galiziens [After the rediscovery of Galicia]. In M. Dubrowska & A. Rutka (Eds.), *Reise in die Tiefe der Zeit und des Traums. (Re-)Lektüren des ostmitteleuropäischen Raums aus österreichischer, deutscher, polnischer und ukrainischer Sicht* [Journey into the Depths of Time and Traums. (Re-)Readings of the East Central European Space from Austrian, German, Polish and Ukrainian Perspectives.] (pp. 54–72). Lublin: Wydawnictwo KUL.
- Kaszyński, St. (1996). Der jüdische Anteil der Literatur in und über Galizien [The Jewish part of the literature in and about Galicia]. In M. Gelber, H. O. Horch, & S. P. Scheihel (Eds.), *Von Franzos zu Canetti. Jüdische Autoren aus Österreich. Neue Studien* [From Franzos to Canetti. Jewish Authors from Austria. New Studies] (pp. 129–140). Tübingen: De Gruyter.
- Kłańska, M. (1990). Die galizische Heimat im Werk Joseph Roths [The Galician Homeland in the Works of Joseph Roth]. In M. Kessler & F. Hackert (Eds.), *Joseph Roth. Interpretation—Kritik—Rezeption. Akten des internationalen, interdisziplinären Symposions 1989* [Joseph Roth. Interpretation—Criticism—Reception. Acts of the international, interdisciplinary symposium 1989] (pp. 143–157). Tübingen: Stauffenburg.
- Kutzner, N. (2013). Jenny Erpenbeck: *Aller Tage Abend* [Jenny Erpenbeck: The end of days]. Retrieved from Glitzernde Wörter website: <https://glitzerndewoerter.wordpress.com/2013/06/25/jenny-erpenbeck-aller-tage-abend/>
- Magris, C. (1996). *Der habsburgische Mythos in der modernen österreichischen Literatur* [The Habsburg Myth in Modern Austrian Literature]. Turin: Paul Zsolnay.
- Michaelis-König, A. (2018). Einleitung [Introduction]. In *Auf den Ruinen der Imperien. Erzählte Grensräume in der mittel- und osteuropäischen Literatur nach 1989* [On the Ruins of Empires. Narrated Border Spaces in Central and Eastern European Literature after 1989] (pp. 14–15). Berlin: Neofelis.
- Plath, J. (2007). Stunde der Wahrheit. Gespräch mit dem Nobelpreisträger Imre Kertész: Über Europa und die Verteidigung seiner Werte [Moment of truth. Conversation with Nobel Prize winner Imre Kertész: On Europe and the defense of its values.]. Re-

trieved from Neue Zürcher Zeitung website: https://www.nzz.ch/stunde_der_wahrheit-1.524547

- Pollack, M. (2001). *Galizien. Eine Reise durch die verschwundene Welt Ostgaliziens und der Bukowina* [Galicia. A journey through the disappeared world of Eastern Galicia and Bukovina.]. Frankfurt am Main: Insel.
- Roth, J. (1990a). Der Leviathan [The Leviathan]. In *Werke* [Works]. Vol. 6. (pp. 515–544). Köln.
- Roth, J. (1990b). Die Büste des Kaisers [The bust of the emperor]. In *Werke* [Works]. Vol. 5 (pp. 655–676). Köln: Kiepenheuer & Witsch.
- Roth, J. (1990c). Hiob [Job]. In *Werke* [Works]. Vol. 5 (pp. 1–136). Köln: Kiepenheuer & Witsch.
- Roth, J. (1990d). Reise durch Galizien [Journey through Galicia]. In *Werke* [Works]. Vol. 2 (pp. 281–292). Köln: Kiepenheuer & Witsch.
- Woldan, A. (2015). Zum deutschsprachigen Galizien Diskurs nach der Wende von 1989/1991 [On the German-language discourse on Galicia after the fall of communism in 1989/1991]. In *Beiträge zu einer Galizienliteratur* [Contributions to a Galicia Literature] (pp. 11–28). Frankfurt am Main: Peter Lang.
- Zweig, St. (2010). *Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers* [The World of Yesterday. Memories of a European]. Frankfurt am Main: Fischer.
- Гёте, Й. В. (1797). Бог и баядера (А. К. Толстой, Пер.). Retrieved from Онлайн-библиотека русской литературы website: <https://xn----7sbb5adknde1cb0dyd.xn--p1ai/%D0%B3%D0%B5%D1%82%D0%B5-%D0%B1%D0%BE%D0%B3-%D0%B8-%D0%B1%D0%B0%D1%8F%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0/>
- Гёте, Й. В. (1968). *Морская тишина* (Том 1; К. С. Аксаков, Пер.). Ленинград: Советский писатель.
- Гёте, Й. В. (n.d.). Прометей (В. Левик, Пер.). Retrieved from Антология русской поэзии website: <https://stihi-rus.ru/World/Gete/37.htm>
- Затонський, Д. (1998). Феномен австрійської літератури [Феномен австрийской литературы]. *Вікно в Світ* [Окно в Мир], (1), 76–82.
- Псалтирь. (1990). В *Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. В русском переводе с параллельными местами. Перепечатано с Синодального издания* (сс. 569–639). Хельсинки: Avainsanoma.
- Шмідт-Денґлер, В. (2007). Експеримент Галичина—Йозеф Рот в історіях німецької та австрійської літератури [Эксперимент Галичина—Йозеф Рот в историях немецкой и австрийской литературы]. В Т. Гаврилів (Ред.), *Факт як експеримент. Механізми фікціоналізації дійсності у творах Йозефа Рота* [Факт в качестве эксперимента. Механизмы фикционализации действительности в произведениях Йозефа Рота] (сс. 6–21). Львів: ВНТЛ-Класика.

References

- Auffermann, V. (2012). Eine Frau, was aus ihr wurde und was hätte sein können [A woman, what became of her and what could have been]. Retrieved from Deutschlandfunk Kultur website: https://www.deutschlandfunkkultur.de/eine-frau-was-aus-ihr-wurde-und-was-haette-sein-koennen.950.de.html?dram:article_id=223043 (In German).
- Böttiger, H. (2012, October 25). Eine Romanfigur mit fünf Leben [A novel character with five lives]. *Die Zeit*. Retrieved from <https://www.zeit.de/2012/44/Jenny-Erpenbeck-Aller-Tage-Abend> (In German).
- Erpenbeck, J. (2014). *Aller Tage Abend* [*The end of days*]. München: Albrecht Knaus. (In German).
- Hüchtker, D. (2002). Der “Mythos Galizien”. Versuch einer Historisierung [The ‘Myth of Galicia’. Attempt of historicization]. In M. Müller & R. Petri (Eds.), *Die Nationalisierung von Grenzen. Zur Konstruktion nationaler Identität in sprachlich gemischten Grenzregionen* [*The Nationalization of Borders. On the Construction of National Identity in Linguistically Mixed Border Regions*] (pp. 81–107). Marburg: Herder-Institut. (In German).
- Jakubów, M. (2015). Nach der Wiederentdeckung Galiziens [After the rediscovery of Galicia]. In M. Dubrowska & A. Rutka (Eds.), *Reise in die Tiefe der Zeit und des Traums. (Re-)Lektüren des ostmitteleuropäischen Raums aus österreichischer, deutscher, polnischer und ukrainischer Sicht* [*Journey into the Depths of Time and Traums. (Re-)Readings of the East Central European Space from Austrian, German, Polish and Ukrainian Perspectives*] (pp. 54–72). Lublin: Wydawnictwo KUL. (In German).
- Kaszyński, St. (1996). Der jüdische Anteil der Literatur in und über Galizien [The Jewish part of the literature in and about Galicia]. In M. Gelber, H. O. Horch, & S. P. Scheihel (Eds.), *Von Franzos zu Canetti. Jüdische Autoren aus Österreich. Neue Studien* [*From Franzos to Canetti. Jewish Authors from Austria. New Studies*] (pp. 129–140). Tübingen: De Gruyter. (In German).
- Kłańska, M. (1990). Die galizische Heimat im Werk Joseph Roths [The Galician Homeland in the Works of Joseph Roth]. In M. Kessler & F. Hackert (Eds.), *Joseph Roth. Interpretation—Kritik—Rezeption. Akten des internationalen, interdisziplinären Symposions 1989* [*Joseph Roth. Interpretation—Criticism—Reception. Acts of the international, interdisciplinary symposium 1989*] (pp. 143–157). Tübingen: Stauffenburg. (In German).
- Kutzner, N. (2013). Jenny Erpenbeck: *Aller Tage Abend* [Jenny Erpenbeck: *The end of days*]. Retrieved from Glitzernde Wörter website: <https://glitzerndewoerter.wordpress.com/2013/06/25/jenny-erpenbeck-aller-tage-abend/> (In German).
- Magris, C. (1996). *Der habsburgische Mythos in der modernen österreichischen Literatur* [*The Habsburg Myth in Modern Austrian Literature*]. Turin: Paul Zsolnay. (In German).
- Michaelis-König, A. (2018). Einleitung [Introduction]. In *Auf den Ruinen der Imperien. Erzählte Grenzräume in der mittel- und osteuropäischen Literatur nach 1989* [*On the Ruins of Empires. Narrated Border Spaces in Central and Eastern European Literature after 1989*] (pp. 14–15). Berlin: Neofelis. (In German).

- Plath, J. (2007). Stunde der Wahrheit. Gespräch mit dem Nobelpreisträger Imre Kertész: Über Europa und die Verteidigung seiner Werte [Moment of truth. Conversation with Nobel Prize winner Imre Kertész: On Europe and the defense of its values.]. Retrieved from Neue Zürcher Zeitung website: https://www.nzz.ch/stunde_der_wahrheit-1.524547 (In German).
- Pollack, M. (2001). *Galizien. Eine Reise durch die verschwundene Welt Ostgaliziens und der Bukowina* [Galicia. A journey through the disappeared world of Eastern Galicia and Bukovina.]. Frankfurt am Main: Insel. (In German).
- Roth, J. (1990a). Der Leviathan [The Leviathan]. In *Werke* [Works]. Vol. 6. (pp. 515–544). Köln. (In German).
- Roth, J. (1990b). Die Büste des Kaisers [The bust of the emperor]. In *Werke* [Works]. Vol. 5 (pp. 655–676). Köln: Kiepenheuer & Witsch. (In German).
- Roth, J. (1990c). Hiob [Job]. In *Werke* [Works]. Vol. 5 (pp. 1–136). Köln: Kiepenheuer & Witsch. (In German).
- Roth, J. (1990d). Reise durch Galizien [Journey through Galicia]. In *Werke* [Works]. Vol. 2 (pp. 281–292). Köln: Kiepenheuer & Witsch. (In German).
- Woldan, A. (2015). Zum deutschsprachigen Galizien Diskurs nach der Wende von 1989/1991 [On the German-language discourse on Galicia after the fall of communism in 1989/1991]. In *Beiträge zu einer Galizienliteratur* [Contributions to a Galicia Literature] (pp. 11–28). Frankfurt am Main: Peter Lang. (In German).
- Zweig, St. (2010). *Die Welt von Gestern. Erinnerungen eines Europäers* [The World of Yesterday. Memories of a European]. Frankfurt am Main: Fischer.
- Goethe, J. W. (1797). The God and the Bayadere (A. K. Tolstoy, Trans.). Retrieved from On-line Library of Russian Literature website: <https://xn----7sbb5adknde1cb0dyd.xn--p1ai/%D0%B3%D0%B5%D1%82%D0%B5-%D0%B1%D0%BE%D0%B3-%D0%B8-%D0%B1%D0%B0%D1%8F%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0/> (In Russian).
- Goethe, J. W. (1968). *The Silence of the Sea* (Vol; K. S. Aksakov, Trans.). Leningrad: Sovetskiy pisatel. (In Russian).
- Goethe, J. W. (n.d.). Prometheus (V. Levik, Trans.). Retrieved from The Anthology of Russian Poetry website: <https://stihi-rus.ru/World/Gete/37.htm> (In Russian).
- Satonskiy D. (1998). The Phenomenon of Austrian Literature. *A Window on the World*, (1), 76–82. (In Ukrainian).
- Psalms. (1990). In *The Bible. Books of the Old and New Testament Scriptures. Canonical. In Russian Translation with Parallel Passages. Reprinted from Synod Edition* (pp. 569–639). Helsinki: Avainsanoma. (In Russian).
- Schmidt-Dengler, W. (2007). The Galicia Experiment - Joseph Roth in the Stories of German and Austrian Literature. In T. Havryliv (Ed.), *Fact as Experiment. Mechanisms of Fictionalisation of Reality in the Works of Joseph Roth* (pp. 6–21). Lviv: VNTL-Klasyka. (In Ukrainian).

THE URAL TEXT OF THE RUSSIAN LITERATURE

Marina Ch. Larionova

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of Russian Academy of Sciences.
Rostov-on-Don, Russia. Email: [larionova\[at\]ssc-ras.ru](mailto:larionova[at]ssc-ras.ru)

Abstract

The article reviews contents, theoretical grounds, and significance for the contemporary philology of a large-scale work of Ural scholars – The History of Literature of the Ural Region (The 19th Century). In the 1920s, the idea of cultural nests – regional cultural centres, which have their own history and traditions, – was formulated in the works by N. K. Piksanov. The idea was followed and further developed by N. P. Antsiferov, who wrote about an attractive and magnetic power of locus, which organizes the cultural space around itself. That was the beginning of regional literature studies. V. N. Toporov and N. E. Mednis introduced the notions of the urban text, local text, and super-text of the Russian literature, which were accepted by the humanities geography (D.N. Zamyatin). Regional philological studies fitted into the frontier discourse smoothly: space and territory began to be perceived and considered as historical and socio-cultural factors. The reviewed book is the Ural text of the Russian literature incorporating literary and journalistic works about this poly-ethnic macro-region, written by authors biographically and territorially connected with the Large Ural Region; data on bibliography, book publishing and book trade, library management, the history of theatre, etc. The scale of research and the widest coverage of topics and data deserve the highest appraisal and make the work by the Ural colleagues exemplary.

Keywords

The History of Literature of the Ural Region (The 19th Century); cultural nests; local text; regional studies

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

УРАЛЬСКИЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ларионова Марина Ченгаровна

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук.
Ростов-на-Дону, Россия. Email: [larionova\[at\]ssc-ras.ru](mailto:larionova[at]ssc-ras.ru)

Аннотация

В статье рассматриваются содержание, теоретические основания и значение для современной филологической науки масштабного труда уральских ученых «История литературы Урала. XIX век», изданного в двух томах под редакцией профессора Е. К. Созиной. В 20-е годы XX века в трудах Н. К. Пиксанова была сформулирована идея «культурных гнезд» – региональных культурных центров, имеющих свою историю и традиции. Ее продолжил Н. П. Анциферов, писавший о притягательной силе локуса, организующего вокруг себя культурное пространство. Так было положено начало литературному краеведению – изучению литературы в связи с историей места, в котором она создавалась и о котором говорила. В работах В. Н. Топорова и Н. Е. Меднис были введены понятия «городской текст», «локальный текст», «сверхтекст» русской литературы, принятые гуманитарной географией (Д. Замятин). Филологическая регионалистика вписалась во фронтирный дискурс: пространство, территория стали восприниматься как исторический и социо-культурный фактор, особое географическое и ментальное образование. Рецензируемая книга представляет «уральский текст» российской литературы и включает в себя художественные и публицистические произведения об этом полиэтничном макрорегионе, созданные писателями, биографически и территориально связанными с Большим Уралом; работы о книжном и библиотечном деле, истории театра и т.д. Масштаб исследования, широчайший охват материала заслуживают самой высокой оценки и делают труд уральских коллег образцовым.

Ключевые слова

«История литературы Урала. XX век»; культурные гнезда; локальный текст; филологическая регионалистика.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

В последние десятилетия в филологической науке активизировались исследования, посвященные литературе отдельных территорий. У этих разысканий есть предшественники. Впервые о «провинциальном элементе» русской жизни и литературы заговорил немецкий критик Г. Кёниг, книга которого, названная в русском переводе «Очерки русской литературы», вышла в 1862 году. Н. К. Пиксанов в работах «Два века русской литературы» и «Областные культурные гнезда (историко-краеведный семинар)», (Пиксанов, 1923; Пиксанов, 1928) преодолел традиционное для русской культуры и общественной жизни противопоставление «центра» и «периферии», сформулировав идею «культурных гнезд» – региональных культурных центров. Эти «культурные гнезда» хоть и тяготеют к столицам – Москве или Петербургу, – но имеют свое развитие, традиции, историю. Они, по мнению Пиксанова, определяют стилевые, тематические особенности, социальные функции писателей, принадлежащих «гнезду».

О притягательной силе места, локуса, организующего вокруг себя культурное пространство, говорил и Н.П. Анциферов. При этом само место мифологизируется, как это произошло с Петербургом. Место обретает душу, то есть единство географического положения, архитектурного облика, истории, топонимии, духовного наполнения (Анциферов 1991). Так было положено начало литературному краеведению – изучению литературы в связи с историей места, в котором она создавалась и о котором говорила.

Вышедшая в 1983 году работа В.Н. Топорова (Топоров, 2003) произвела большое впечатление на филологов. Понятие «городской текст» вышло далеко за пределы литературного краеведения. Текст понимается как система знаков, исторических, природных и культурных кодов: образов пространства, времени, исторических персонажей, мотивов – всего того, что создает образ территории, не только географической, но и ментальной единицы. Такой текст Н. Е. Меднис назвала «локальным свертхтекстом» (Меднис, 2003). Локальный текст (или, по Меднис, свертхтекст) – одно из основных понятий гуманитарной географии – научного междисциплинарного направления, изучающего географическое пространство с точки зрения региональной идентичности, региональной мифологии (Замятин, 2003). Локальный текст выделяется по пространственному критерию, в его центре – конкретный локус, дающий ему название: «московский текст», «петербургский текст» и пр. Единство локального текста обеспечивается символизацией природных и культурных образов, то есть в роли источников выступает фольклорно-мифологический

(локальный миф), исторический, антропологический материал – то, что образует культурный ландшафт и культурную репутацию территории (Созина, 2010; Щукин, 2010). Кроме образа места, изучается культурный ландшафт, то есть единство материальной и духовной деятельности человека и ее результатов.

Осмысление и структурирование предметного поля понятия «локальный текст» привело к развитию филологической регионалистики – направления в литературоведении, изучающего локальные тексты. В отличие от литературного краеведения филологическая регионалистика «предполагает рассмотрение иного по уровню и объему, расширенного спектра вопросов, включая этническую, национальную, психологическую, культурологическую или концептуально-политическую проблематику» (Полякова, 2015, сс. 197–198).

Как можно видеть, выявление и изучение локальных текстов, филологическая регионалистика как вектор исследований находятся на острие современного литературоведения и вписываются во фронтирный дискурс, хотя и не являются его ядром: пространство, территория воспринимаются как исторический и социо-культурный фактор, особое географическое и ментальное образование. По словам А.Т. Урушадзе, «фронт – это способ описания пространства, на котором встречаются и взаимодействуют представители разных культур и социальных традиций» (Как сегодня изучать фронтиры..., 2020, стр. 85).

Книга «История литературы Урала. XIX век» (История..., 2020) – труд titанический (1 440 страниц увеличенного формата), фундаментальный и вполне могущий стать образцовым – является продолжением книги «История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в.» (История..., 2012) и представляет литературу Урала, или уральский текст русской, а точнее – российской, литературы XIX века: художественные и публицистические произведения об этом полиэтническом макрорегионе, созданные писателями, биографически и территориально связанными с Большим Уралом. Российской – потому что, кроме собственно русской литературы, он включает национальные литературы региона: башкирскую, удмурдскую, коми. Наряду с известными именами: П. П. Ершов, В. И. Даль, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Т. Г. Шевченко, В.К. Кюхельбекер и др. – исследование включает имена забытых или вовсе не известных широкому кругу филологов и читателей уральских литераторов. Кроме русскоязычных писателей – писателей на национальных языках и их переводчиков. Кроме литературных произведений – периодическую печать Урала, книжное и библиотечное дело, историю театра и драматургии. Особый раздел

посвящен восприятию Урала в записках путешественников, дневниках, воспоминаниях, в том числе В.А. Жуковского, А.П. Чехова. Это настоящая энциклопедия литературы Урала и об Урале на протяжении столетия.

Основному содержанию книги предшествует обстоятельное предисловие, в котором авторы концептуализируют причины обращения к столь разнообразному материалу и результаты своего труда. Статус Урала в российской истории, отмечают они, «мигрировал от окраинной территории-фронтiera до медиального, посреднического региона» (История литературы Урала..., 2020, кн. 1, стр. 25). XIX век на Урале – это не только смена литературных направлений, от классики до модернизма, но и расширение круга читателей, образование «культурных гнезд», становление региональных идентичностей и в конечном счете сплавление их в единый феномен – литературу Урала.

Когда в филологической науке обсуждалась проблема локальных, или городских, региональных текстов, встал вопрос, всякий ли город или регион рождает свой культурный текст. Не будем сейчас углубляться в эту дискуссию: вполне очевидно, что Урал такой текст генерирует и транслирует. Причем, как подчеркивают авторы книги, это вовсе не «провинциальный» текст. Он складывается на огромной многонациональной территории и имеет долгую историю. Особенность Урала еще и в том, что через него пролегали пути из Европы в Азию, то есть это в полном смысле географический центр Евразии и евразийства – настоящий «фронтир».

В рецензируемой книге уральский текст шире, чем административные границы региона. Это связано, во-первых, с динамическими отношениями его центра и периферии, со сменой культурных центров в разное время; во-вторых, с выражением многообразных идентичностей, поскольку народы получали письменность в неодинаковое время; в-третьих, с развитием литературного процесса; наконец, с различными формами взаимодействия уральской литературы с общероссийской и мировой. Все это определило масштаб исследования, которое заслуживает высочайшей оценки и, несомненно, сыграет большую роль в литературоведческой регионалистике и филологической науке в целом.

БЛАГОДАРНОСТИ

Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта АААА-А19-119011 190 182-8

Список литературы

- Анциферов, Н. П. (1991). *Душа Петербурга; Петербург Достоевского; Быль и миф Петербурга*. Москва: Книга: Ред.-изд. центр N 2 «Канон».
- Басалаева, И. П., Дубман, Э. Л., Мизис, Ю. А., Мильчев, В. И., Сень, Д. В., Урушадзе, А. Т., & Ходарковский, М. (2020). Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д. В. Сень. *Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana*, (1), 81–105. doi: 10.21638/spbu19.2020.105
- Блажес, В. В., & Созина, Е. К. (Ред.). (2012). *История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в.* Москва: Языки славянской культуры.
- Замятин, Д. Н. (2003). *Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов*. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Меднис, Н. Е. (2003). *Сверхтексты в русской литературе*. Новосибирск: НГПУ.
- Пиксанов, Н. К. (1928). *Областные культурные гнезда*. Москва; Ленинград: Государственное издательство.
- Пиксанов, Н. К. (1923). *Два века русской литературы*. Москва; Петроград: Государственное издательство.
- Полякова, Л. В. (2015). Филологическая регионалистика как наука. *Вопросы Литературы*, (3), 186–201.
- Созина, Е. (2010). Локальный текст (1). В И. И. Митин & Д. Н. Замятин (Ред.), *Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах* (Выпуск 6, сс. 288–290). Москва: Институт Наследия.
- Созина, Е. К. (Ред.). (2020). *История литературы Урала. XIX век: В 2 книгах*. Москва: Издательский Дом ЯСК.
- Топоров, В. Н. (2003). *Петербургский текст русской литературы: Избранные труды*. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ».
- Щукин, В. (2010). Локальный текст (2). В И. И. Митин & Д. Н. Замятин (Ред.), *Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах* (Выпуск 6, сс. 290–293). Москва: Институт Наследия.

References

- Antsiferov, N. P. (1991). *The Soul of St Petersburg; Dostoevsky's St Petersburg; Genesis and Myth of St Petersburg*. Moscow: Book: Canon Publishing Centre No. 2. (In Russian).
- Basalaeva, I. P., Dubman, E. L., Misis, Y. A., Milchev, V. I., Sen, D. V., Urushadze, A. T., & Khodarkovsky, M. (2020). How to Study Frontiers Today? Discussion on the Article by D. V. Sen'. *Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana*, (1), 81–105. doi: 10.21638/spbu19.2020.105 (In Russian).
- Blages, V. V., & Sozina, E. K. (Eds.). (2012). *History of Ural Literature. The end of the 14th to the 18th century*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russian).

- Zamyatin, D. N. (2003). *Humanitarian Geography: Space and the Language of Geographical Imagery*. Saint Petersburg: Aletheia. (In Russian).
- Mednis, N. E. (2003). *Supertexts in Russian literature*. Novosibirsk: NSPU. (In Russian).
- Piksanov, N. K. (1928). *Regional cultural nests*. Moscow; Leningrad: State Publishing House. (In Russian).
- Piksanov, N. K. (1923). *Two centuries of Russian literature*. Moscow; Petrograd: State Publishing House. (In Russian).
- Polyakova, L. V. (2015). Philological regionalism as a science. *Literature questions*, (3), 186–201. (In Russian).
- Sozina, E. (2010). Local text (1). In I. I. Mitin & D. N. Zamyatin (Eds.), *Humanitarian Geography: A Scientific and Cultural-Educational Almanac* (Issue 6, pp. 288–290). Moscow: The Heritage Institute. (In Russian).
- Sozina, E. K. (Ed.). (2020). *History of the Literature of the Urals. The 19th century: In 2 books*. Moscow: YASK Publishing House. (In Russian).
- Toporov, V. N. (2003). *The Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works*. Saint Petersburg: Art-SPB. (In Russian).
- Shchukin, V. (2010). Local Text (2). In I. I. Mitin & D. N. Zamyatin (Eds.), *Humanitarian Geography: A Scientific and Cultural-Educational Almanac* (Issue 6, pp. 290–293). Moscow: The Heritage Institute. (In Russian).

<https://jfs.today> & <http://frontierstudies.com>

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail:

editorialboard.jsf@jfs.today or editorialboard.jsf@gmail.com

Телефон: +7 (988) 068-63-72

Это сетевое издание доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](#).

Вёрстка: Гончаренко Юрий Дмитриевич

Обложка: Якушенкова Олеся Сергеевна

© 2016 Журнал Фронтирных Исследований. e-ISSN: 2500-0225

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address:

editorialboard.jsf@jfs.today or editorialboard.jsf@gmail.com

Phone: +7 (988) 068-63-72

This journal is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](#)

Typesetter: Yuri D. Goncharenko.

Cover: Olesya S. Yakushenkova

© 2016 Journal of Frontier Studies. e-ISSN: 2500-0225